Book: Пропавшая девушка

Герритсен Тесс

Пропавшая девушка

Tess Gerritsen

GIRL MISSING

Предисловие автора

За несколько лет до того, как я приобрела репутацию автора триллеров, у меня была другая жизнь. Я писала романтические триллеры. Возможно, поклонники моих детективных романов удивятся, узнав, что моя литературная карьера начиналась с произведений, где романтизм и убийства были представлены в равной степени и где героев в равной степени обуревали страх и сексуальное напряжение. В то время я работала клиническим врачом и повидала достаточно боли и страданий. Возвращаясь домой после работы, я находила утешение в чтении романтических произведений и сама писала в этом жанре.

Но потом, создав девять романов, я обнаружила, что в моих сюжетах начинают преобладать элементы детектива. Я превратилась в автора детективов, и роман «Пропавшая девушка» (впервые опубликованный в 1994 году, он назывался «Убийство Пегги Сью») отражает начало этой эволюции. Его можно считать романтическим произведением. И в то же время это детективный роман, где женщина-патологоанатом настойчиво ищет причину эпидемии загадочных смертей. Я считаю этот роман своеобразным «мостом», вехой, отметившей мой переход из одного жанра в другой.

Я переработала «Пропавшую девушку», учитывая запросы современных читателей. Возможно, читая роман, вы поймете, каким автором триллеров я тогда хотела стать. Надеюсь, вам понравится этот взгляд в прошлое.

Тесс Герритсен

1

Первый труп доставили в прозекторскую за час до начала ее смены. За час до ее появления на рабочем месте.

До этого момента день Кэт Новак протекал даже лучше, чем обычно. Машина завелась с полоборота. Движение на Телеграф-стрит еще не было плотным, и все светофоры, встречавшиеся на пути, горели зеленым. В кабинете Кэт появилась без пяти семь, а значит, весь следующий час оставался в ее распоряжении. Можно будет спокойно полакомиться пончиками с повидлом и полистать свежий выпуск «Альбион геральд». Газетные некрологи Кэт намеренно не читала. Она и так все знала о покойниках.

А потом мимо нее провезли каталку с черным пластиковым мешком.

«Боже мой», – подумала Кэт.

Через тридцать секунд Кларк постучится в дверь и попросит сделать ему одолжение. Кэт с ужасом прислушивалась к звуку колес каталки. Она услышала, как открылась и быстро закрылась дверь прозекторской. Приглушенный гул мужских голосов, и… накаркала! К ней шел Кларк. Только его кроссовки «Рибок» так скрипели на линолеуме в коридоре.

– Доброе утро, Кэт, – возник в проеме Кларк.

– Доброе утро, Кларк, – вздохнула она.

– Вы не поверите. Только что привезли свежий труп.

– Да, наглости у них хватает.

– Вообще-то, уже десять минут восьмого. – Голос Кларка стал вкрадчивым. – Смею ли я просить вас об одолжении?

– Меня пока здесь нет. – Кэт слизнула с пальцев малиновое повидло. – До восьми утра можете считать меня плодом вашего воображения.

– Мне некогда предаваться фантазиям. Уверен, Бет уже собрала наших сорванцов. Они готовы тронуться в путь, а мне здесь торчать с очередной Джейн Доу[1]. Будьте же милосердны.

– В третий раз за этот месяц?!

– У меня семья. Домашние ждут, что какое-то время я уделю им, а не только трупам. Вы же сами себе хозяйка.

– Да, я в разводе. Но я такой же штатный сотрудник, как вы.

Кларк прошаркал ближе и навис своим грузным телом над столом Кэт.

– Еще один разик. У нас с Бет сейчас не все гладко. Мне очень хочется, чтобы наш отпуск начался спокойно. Можете рассчитывать на ответную любезность. Обещаю.

Вздохнув, Кэт сложила газету:

– Ладно. Что у вас там?

Кларк поспешно стаскивал с себя белый халат, на глазах превращаясь в отпускника.

– Джейн Доу. Настоящее имя пока не установлено. Видимых травм не обнаружено. Не все ясно с содержанием жидкости в организме. Сайкс и Рэтчет сейчас в прозекторской.

– Это они привезли труп?

– Да. Так что в вашем распоряжении добротный полицейский отчет.

Кэт встала, стряхнула сахарную пудру со штанов своего хирургического костюма.

– Вы у меня в долгу, – сказала она, выходя вслед за Кларком в коридор.

– Конечно-конечно, – пробормотал Кларк.

Он зашел к себе в кабинет за курткой – настоящей курткой рыболова, с десятками карманов и карманчиков, из которых торчали снасти.

– Не вылавливайте всех угрей, – попросила Кэт. – Оставьте и для нас.

Кларк расплылся в улыбке и по-военному отсалютовал ей.

– В глушь штата Мэн держу я путь, – продекламировал он, направляясь к лифту. – До встречи на следующей неделе.

Покорившись судьбе, Кэт открыла дверь прозекторской.

Привезенный труп переложили на стол, но еще не вынули из мешка. Сержант Лу Сайкс и детектив Винс Рэтчет ждали Кэт. Оба были ветеранами так называемого «клуба ножа и пистолета». Сайкс одевался щеголевато, всегда был в костюме и при галстуке. Этот чернокожий детектив убойного отдела предпочитал ворочать трупы в двойках от

Версаче. Его напарник Рэтчет, наоборот, любил спортивную одежду. Его фигура вполне могла бы красоваться на упаковках продуктов здорового питания «Слим-фаст». Сейчас Рэтчет стоял возле полки и с детским изумлением разглядывал банку для препаратов.

– Что это за чертовщина? – спросил он, указывая на содержимое банки.

Старина Винс никогда не боялся, что его вопросы сочтут глупыми.

– Это правая средняя доля легкого, – пояснила Кэт.

– А я подумал было, что это мозг.

– Вот потому она доктор, а ты тупой коп, – засмеялся Сайкс.

Он поправил галстук.

– Разве не Кларк будет проводить вскрытие?

Кэт надела хирургические перчатки.

– Увы, этим займусь я.

– Твоя смена начинается в восемь.

– Мне тоже так казалось.

Кэт подошла к прозекторскому столу, взглянула на мешок и ощутила знакомое нежелание расстегивать молнию и смотреть на содержимое черного пластика.

«Сколько таких мешков я открыла? – думала Кэт. – Сто? Двести?»

И с каждым была связана своя ужасающая история. Самое сложное – не физически, эмоционально – взяться за бегунок молнии и повести его вниз, разделяя полоски. Когда тело извлекут, Кэт, оправившись от шока, приступит к работе с бесстрастием ученого. Но первый взгляд, первая реакция всегда были чисто эмоциональными и не поддавались контролю.

– Ну, ребята, – обратилась она к полицейским, – что можете сообщить по этому трупу?

Рэтчет шагнул вперед, открыв записную книжку. Книжка выглядела продолжением руки, сопровождая ее владельца всегда и везде.

– Женщина. Белая. Без документов. Возраст – от двадцати до тридцати. Тело обнаружено сегодня утром, в четыре часа, в районе Южного Лексингтона. Видимых повреждений нет. Свидетелей тоже нет. По этому трупу вообще ничего нет.

– Южный Лексингтон, – повторила Кэт, и сейчас же перед ней встала картина той части города.

Место, знакомое ей очень даже хорошо: улицы, переулки, игровые площадки, огороженные колючей проволокой. И над всем этим – громады семи домов. Мрачных двадцатиэтажных коробок. Что с них взять? Муниципальное жилье.

– «Муниципалка»? – спросила Кэт.

– Что же еще?

– Кто ее обнаружил?

– Городские мусорщики, – ответил Сайкс. – Лежала в проезде между двумя высотками. И не просто лежала. Вклинилась между стеной и мусорным баком.

– Ее туда принесли? Или она там умерла?

– Ты приехал первым, – сказал Сайкс, взглянув на Рэтчета. – Что скажешь, Винс?

– Мне сдается, она там умерла. Легла за баком, свернулась калачиком и откинула копыта.

Пора. Как всегда, морально подготовившись к первой встрече с трупом, Кэт открыла мешок. Сайкс и Рэтчет попятились. Кэт приучила себя не отскакивать от стола. Половинки молнии разошлись, обнажив содержимое пакета.

Труп выглядел лучше, чем она ожидала. Никаких внешних повреждений. А Кэт было с чем сравнивать. Можно сказать, труп этой женщины в идеальном состоянии. Крашеная блондинка. На вид – около тридцати лет; возможно, чуть меньше. Бледное, холодное лицо женщины напоминало кусок мрамора. Умершая была одета в фиолетовый пуловер с длинными рукавами. Скорее всего, синтетика. Черная короткая юбка с поясом из натуральной кожи. Черные колготки и совсем новенькие кроссовки «Найк». Ее единственным украшением было дешевенькое кольцо из тех, что продаются в магазинах «Всё по десять центов». Такие колечки дети и подростки дарят в знак дружбы. На запястье тикали часы «Таймекс». Руки и ноги умершей уже сковало

трупное окоченение, и ее поза слегка напоминала утробную. Оба кулака были плотно сжаты, словно в последние мгновения жизни их схватила судорога.

Кэт сделала несколько фотографий, затем включила кассетный магнитофон и начала диктовать: «Приступаю к осмотру трупа белой женщины, волосы светлые, крашеные. Труп был обнаружен в одном из проездов Южного Лексингтона примерно в четыре часа утра…»

Сайкс и Рэтчет, знавшие все стадии этого мрачного ритуала, сняли пиджаки и потянулись за халатами: среднего размера для Сайкса и особо крупного – для Рэтчета. Затем они надели перчатки. Этим ребятам ничего не надо было объяснять. В полиции они работали давно, а вместе – уже четыре месяца. Странная парочка. Чем-то они Кэт напоминали знаменитых комиков середины века Эббота и Костелло. Но их полицейский «дуэт» пока что был довольно успешным.

Кэт выключила магнитофон.

– Внимание, ребята. Переходим к следующему этапу.

К раздеванию трупа. Этим занимались все трое. Окоченение сильно затрудняло работу. Чтобы снять с покойницы юбку, Кэт пришлось разрезать ткань. Верхнюю одежду бросили в корзину. Колготки и белье предстояло проверить на следы недавних сексуальных контактов. Когда труп раздели догола, Кэт снова взялась за фотоаппарат и сделала еще несколько снимков для уголовного дела.

От дальнейшего этапа зависело очень многое. Он был сутью осмотра каждого тела. В детективных фильмах такие сцены не показывают. Иногда первичный осмотр дает ответы. Время смерти, причина смерти, особенности ее наступления. Кэт предстояло заполнить все эти графы. Если она констатирует естественную смерть или самоубийство, Сайкс и Рэтчет будут довольны. А вот если обнаружится, что женщину убили, копы сильно огорчатся.

К сожалению, на этот раз Кэт вряд ли порадует их быстрыми ответами.

Она могла строить догадки о времени смерти. Посмертного посинения кожи пока не наблюдалось. Характерных пятен – тоже. Следовательно, смерть наступила не раньше восьми часов назад. Основываясь на температуре трупа и формуле Морица, предположительным временем смерти можно было считать полночь или часы, близкие к полуночи. А причина смерти?

– Пока, ребята, ничего определенного сказать не могу. Вы уж меня простите, – вздохнула Кэт.

Сайкс и Рэтчет удрученно переглянулись, но не удивились.

– Нужно ждать результатов анализа жидкостей тела.

– И долго?

– Я возьму пробы и сегодня отправлю их в государственную лабораторию. Но там сейчас дикие задержки. Почти на месяц.

– А разве нельзя сделать анализы у нас? – спросил Сайкс.

– Я сделаю газовую и тонкослойную хроматографию, но результатов анализов на содержание в ее организме наркотиков или сильнодействующих препаратов придется ждать из гослаборатории.

– Нам всего-навсего нужно знать, вероятно ли здесь убийство, – сказал Рэтчет.

– Убийство никогда нельзя сбрасывать со счетов.

Кэт продолжила внешний осмотр. На голове покойницы – никаких видимых повреждений. Переломов черепных костей нет. Ссадин на коже головы – тоже. Светлые волосы были нечесаными и грязными. Чувствовалось, эта женщина давно не мыла голову. За исключением обычных посмертных изменений, следов на туловище не было. А вот левая рука сразу привлекла внимание Кэт. К запястью тянулась длинная полоска рубцовой ткани.

– Следы иглы, – сказала Кэт. – И след от недавнего укола.

– Очередная наркоша, – вздохнул Сайкс. – Вот тебе наше заключение. Скорее всего, померла от передозировки.

– Можно было бы провести экспресс-анализ иглы. Где ее сумочка?

– При ней не было сумочки, – покачал головой Рэтчет.

– Обычно игла валяется где-то рядом. И шприц.

– Я осмотрел место, где ее нашли, – сказал Рэтчет. – Ни сумочек, ни пакетов, ни шприцев.

– И рядом с нею ничего не было? – допытывалась Кэт.

– Ничегошеньки. Ни сумочки, ни документов.

– Кто первым ее увидел?

– Дежурный полицейский. Потом я.

– Итак, у нас труп наркоманки со свежими следами уколов. Но иглы при ней не обнаружено.

– Возможно, она вмазалась в другом месте. А потом забрела в этот переулок и умерла, – предположил Сайкс.

– Возможно.

– Смотрика-ка, Кэт! – Рэтчет указал на кисть покойницы. – Видишь? У нее что-то в кулаке. Что это может быть?

В кулаке был зажат кусочек розового картона. Большего увидеть не удавалось. Кэт не без труда разжала пальцы мертвой блондинки, и из них выпала книжечка картонных спичек. На картоне золотыми буквами было вытиснено: «„ЭТУАЛЬ“. ИЗЫСКАННАЯ КУХНЯ. ХИЛТОН-АВЕНЮ, 221».

– Далековато от Южного Лексингтона, – заметил Сайкс.

– Слышал про это милое местечко, – подхватил Рэтчет. – Но питаться там мне не по карману.

Кэт открыла книжечку. Внутри она увидела три неиспользованные спички и телефонный номер, написанный перьевой ручкой на внутренней стороне книжечки.

– Интересно, это местный номер? – спросила она полицейских.

– Судя по префиксу, это Сарри-Хайтс, – ответил Сайкс. – Опять-таки далековато от «муниципалки».

– Что ж, давайте позвоним и узнаем, чей это номер, – предложила Кэт.

Пока Сайкс и Рэтчет переминались с ноги на ногу, она подошла к настенному аппарату и набрала номер. Раздалось четыре длинных гудка, затем включился автоответчик, и в трубке послышался сочный мужской голос:

– Сейчас я никак не могу ответить на ваш звонок. Пожалуйста, оставьте имя и номер.

И больше ничего. Никакой крутой музыки, коротких хохмочек или чего-либо такого. Только краткое сообщение и сразу – сигнал начала записи.

– Здравствуйте. Я доктор Новак из судебно-медицинского экспертного бюро Альбиона. Пожалуйста, перезвоните мне в связи с…

Нет, нельзя говорить, что у нее за спиной лежит труп женщины, которую этот мужчина, возможно, знал.

– Пожалуйста, перезвоните мне. Это важно.

Она продиктовала номер и повесила трубку.

– Вот так, ребята. Осталось дождаться ответного звонка. А пока могу я вас попросить остаться на вскрытие?

Вряд ли Сайкс и Рэтчет горели желанием лицезреть вскрытие, но оба не посмели возразить и мужественно встали возле стола. Они морщились, когда Кэт втыкала в труп иглы, беря кровь из бедренной артерии, стекловидную жидкость из глаза и мочу из прокола в нижней части живота. Но если ты видел, как игла протыкает глазное яблоко (пусть и у трупа), дырка в мочевом пузыре уже не кажется чем-то ужасным. Затем Кэт взяла нож (фирма «Хенкельс», немецкая сталь) и полоснула по грудине. Эту часть вскрытия мужчины перенесли стоически. Их не испугали даже раздвигаемые Кэт ребра и ощутимый запах крови и внутренностей.

Извлеченные внутренности поблескивали в ярком свете ламп.

Отложив нож, Кэт взялась за скальпель. На ощупь, через перчатки, отметила нейтральную температуру органов. Они не были теплыми, как у живого человека, но не были и ледяными, как у трупа, полежавшего в холодильнике морга. Как сказала бы Златовласка: «Не горячо, не холодно, а то, что нужно». Вполне точная характеристика для тела, пролежавшего весенней ночью под открытым небом. Кэт перерезала крупные артерии и освободила доступ к сердцу и легким, после чего извлекла их из грудной полости.

– А тяжеленькие у нее легкие, – отметила Кэт, едва усмехнувшись своему каламбуру.

Она опустила орган на чашку весов и дождалась, когда стрелка подтвердит ее мнение.

– С чего бы им быть тяжелыми? – удивился Рэтчет.

Кэт заметила капельку пены, вытекшую из бронхов.

– Отек легких. Они заполнены жидкостью с большим количеством пены.

– И что это значит? Она утонула в переулке?

– В каком-то смысле да. Но жидкость, которой она захлебнулась, была из ее же легких. Отек легких бывает по разным причинам.

– И среди них передозировка наркотиков? – спросил Сайкс.

– В точку. Передозировка нередко приводит к отеку легких.

Кэт вскрыла сердце, осмотрела его отделы. Если не считать разбухших легких, остальные органы были вполне здоровы. Сердце без видимой патологии. Здоровые коронарные сосуды, здоровые печень и поджелудочная железа. Здоровый кишечник. Вскрыв мертвой блондинке желудок, Кэт не обнаружила остатков пищи. Только двадцать кубических сантиметров желчи.

– Умерла голодной, – констатировала Кэт.

– Смотри, какая она тощая, – сказал Сайкс. – Когда шпигуешь себя всякой дрянью, еда наверняка отходит на второй план.

Кэт добралась до влагалища и прямой кишки. Эта часть вскрытия вызывала у нее дискомфорт, но лишь из-за присутствия в прозекторской двоих мужчин. Оба внимательно наблюдали за тем, как Кэт осматривает влагалище снаружи, а потом вводит туда ватный тампон, чтобы взять образец жидкости. Самой Кэт это казалось чем-то бóльшим, нежели вторжение в интимную сферу Джейн Доу.

– Никаких следов сексуального насилия, – заключила Кэт.

Ее внимание переключилось на голову. Лицо – самая индивидуальная часть любого трупа, смотреть на которую всегда тяжело. До сих пор Кэт старалась не присматриваться к лицу блондинки, однако теперь была вынуждена это сделать… При жизни Джейн Доу могла бы считаться привлекательной. Кэт представила ее с чистыми, расчесанными волосами, улыбающуюся. Такая женщина ловила бы на себе взгляды многих мужчин. Теперь она лежит с отвисшей челюстью. Коричневатые зубы – свидетельство пристрастия к кофе. Безжизненный, высохший язык, торчащий изо рта. Бесцветное лицо, которое уже не выдаст своих тайн.

И череп не дал никаких ответов. Вскрыв черепную коробку, Кэт увидела здоровый мозг без следов кровоизлияния или травмы. Совсем молодой мозг, способный служить своей хозяйке еще долгие и долгие годы. Но теперь мозг вместе с хранящимися в нем воспоминаниями отправился в ведерко с формалином. А тело – точнее, то, что осталось от тела, – поместили в ячейку холодильника, снабдив именем, которым называли многие неопознанные женские трупы.

Джейн Доу.

Утро продолжалось. Кэт сидела у себя в кабинете, когда зазвонил телефон.

– Доктор Новак, младший судмедэксперт, – привычно ответила она, взяв трубку.

– Вы оставили мне сообщение.

Она сразу же узнала голос из автоответчика. Но сейчас в голосе мужчины ощущалась легкая тревога.

– Чем вызван ваш звонок? – спросил он.

Кэт сразу же потянулась к блокноту и ручке.

– Простите, а с кем я говорю?

– Меня удивляет ваш вопрос. Вы же должны знать, кому звоните.

– Я знаю только ваш номер, но никак не имя.

– А откуда вы знаете мой номер?

– Он был написан на книжечке картонных спичек. Сегодня утром полиция доставила в морг труп женщины, и она…

– Я сейчас приеду, – перебил ее мужчина.

– Мистер, вы мне даже не…

Он бросил трубку, из телефона Кэт слышались короткие гудки.

«Придурок», – подумала она.

А если бы он вообще не позвонил? Кэт набрала номер убойного отдела и оставила сообщение для Сайкса и Рэтчета: «Возвращайтесь в морг». Ей оставалось только ждать.

В полдень ожил интерком.

– Вас хочет видеть мистер Куонтрелл, – сообщила секретарша. – Он говорит, что вы его ждете. Проводить его к вам?

– Я сейчас сама подойду, – сказала Кэт. – Уже иду.

Морг не из тех мест, куда можно сразу же вести незнакомого человека. Надо дать ему возможность подготовиться, поскольку он наверняка испытает шок. Поверх зеленого хирургического костюма Кэт надела белый халат. Правда, на лацкане красовались кофейные пятна, но мистер Куонтрелл вряд ли их заметит.

Поднимаясь в лифте из подвала на первый этаж, Кэт успела придать своим волосам подобие прически и поправить бедж с именем. Теперь можно выходить в коридор. В его конце, за стеклянными дверями, находилась приемная с диваном и мягкими стульями. Вся мебель была нейтрального серого цвета. Вдоль дивана расхаживал мужчина. Кэт он не видел. Мужчина был опрятно одет и явно не принадлежал к числу тех, кто водит знакомство с Джейн Доу из Южного Лексингтона. Пиджак из верблюжьей шерсти сидел на его широких плечах как влитой. На руке висел желто-коричневый плащ. Мистер Куонтрелл держался за галстук, как будто тот слишком плотно стягивал ему шею.

Кэт толкнула стеклянную дверь:

– Мистер Куонтрелл?

Мужчина сразу же повернулся к ней. У него были ухоженные волосы пшеничного цвета, а глаза… такого оттенка она еще не видела. Не синие и не серые. Они чем-то напоминали изменчивое весеннее небо. Кэт прикинула его возраст. Вероятно, слегка за сорок. Неудивительно, что вокруг глаз успели появиться морщинки, а на висках поблескивала седина. Его губы были плотно сжаты, а челюсть – напряжена.

– Доктор Новак, – представилась Кэт, протягивая руку.

Мужчина пожал ее быстро, автоматически, словно хотел скорее покончить с формальностями и перейти к делу.

– Адам Куонтрелл, – представился он. – Вы оставили сообщение на моем автоответчике.

– Почему бы нам не пройти ко мне в кабинет? Там вам будет удобнее подождать, пока не…

– Вы говорили о женщине, – грубо перебил он Кэт. – Полиция доставила тело женщины.

Нет, это была совсем не грубость. Страх.

– Вам стоит дождаться сержанта Сайкса, – сказала Кэт. – Он все объяснит.

– А почему этого не можете сделать вы?

– Мистер Куонтрелл, я всего лишь патологоанатом. Я не вправе давать вам какие-либо сведения.

Мужчина бросил на нее испепеляющий взгляд. Кэт мгновенно захотелось быть повыше ростом и держаться поувереннее. Тогда взгляд Куонтрелла не казался бы ей таким угрожающим.

– Этот сержант Сайкс – он из убойного отдела?

– Да.

– Значит, речь идет об убийстве.

– Я не хочу строить предположения.

– Кто эта женщина?

– Ее личность пока не установлена.

– Стало быть, вы не знаете, кто она.

– Нет.

– Я хочу увидеть тело, – помолчав, сказал мистер Куонтрелл.

Это не было просьбой – приказом, какой отдают в чрезвычайных обстоятельствах.

Кэт посмотрела на дверь. Когда же этот чертов Сайкс дотащится сюда? Снова взглянув на Куонтрелла, она поняла, что тот едва держит себя в руках.

«Он боится. Боится, что тело, лежащее у меня в холодильнике, окажется телом дорогого, любимого человека».

– Насколько понимаю, вы за этим меня и пригласили, – сказал Адам Куонтрелл. – На опознание. Так?

Кэт кивнула:

– Морг находится в подвале. Идемте со мной, мистер Куонтрелл.

Он молча шел рядом с Кэт. Под лампами дневного света его загорелое лицо казалось бледным. Так же молча он ступил в кабину лифта. Кэт украдкой взглянула на мужчину: ее спутник смотрел прямо перед собой, словно боялся утратить самоконтроль.

Выйдя из лифта, мистер Куонтрелл на мгновение замер, оглядывая обшарпанные стены и истертый линолеум на полу. По потолку тянулась цепь трубок дневного света. Здание было старым, и в подвале это ощущалось намного сильнее. Отслоившаяся краска, трещины по стенам. Запустение витало в самом воздухе. Когда город находится в хроническом застое и все структуры, начиная от социальных служб и заканчивая компанией по вывозу мусора, сражаются за доллары налогоплательщиков, рассчитывать на обустройство морга и кабинетов судмедэкспертов не приходится. Как известно, мертвые не голосуют.

Если Адам Куонтрелл и обратил внимание на окружавшую его убогость, свои комментарии он оставил при себе.

– Чуть дальше по коридору, – сказала Кэт.

Он молча прошел за ней до морга. Возле двери Кэт остановилась.

– Тело здесь. Вы… готовы взглянуть?

Куонтрелл кивнул.

Они вошли внутрь. Помещение было ярко освещено. Даже болезненно ярко. Вдоль дальней стены тянулись холодильные ячейки с трупами. На дверцах некоторых из них висели таблички с именами и номерами. В это время года морг заполнялся достаточно плотно. Весенняя оттепель и хорошая погода всегда давали всплеск уличной преступности. Все тела были совсем свежим «урожаем». Сегодняшняя Джейн Доу оказалась не единственной, кому дали такое имя. Рядом лежали еще два неопознанных женских трупа. Кэт потянулась к ящику с табличкой «373-4-3-А».

– Учтите, зрелище может быть тяжелым, – предупредила она.

– Открывайте, – сказал Адам Куонтрелл, проглотив комок в горле.

Кэт вытянула ящик. Он двигался бесшумно в облачке холодного пара. Под простыней тело выглядело почти бесформенным. Кэт посмотрела на Адама – проверить, как он держится. Мужчины чаще падали в обморок, и чем более рослыми и грузными они были, тем больше усилий требовалось, чтобы поднять их на ноги. Пока что мистер Куонтрелл держался хорошо. Угрюмость и молчаливость не в счет. Главное, он держался. Кэт медленно откинула простыню, открыв совершенно белое лицо Джейн Доу.

И снова взглянула на Адама.

Он чуть побледнел, но не дрогнул. Он безотрывно смотрел на труп. Целых десять секунд он смотрел на Джейн Доу, будто пытался вспомнить, каким это лицо было при жизни.

Наконец он глубоко выдохнул. Только сейчас Кэт сообразила, что все это время он удерживал дыхание. Взглянув на Кэт, он совершенно спокойным голосом произнес:

– Эту женщину я вижу впервые. Никогда прежде ее не встречал.

Повернувшись, он вышел из морга.

2

Задвинув ящик, Кэт вышла вслед за Адамом.

– Мистер Куонтрелл, постойте!

– Я вам ничем не могу помочь. Я не знаю, кто она.

– Но до осмотра вы думали, что знаете ее!

– Я не знаю, о чем я думал.

Адам Куонтрелл стремительно шагал к лифту. Длинные ноги легко несли его вперед.

– Тогда почему у нее оказался ваш номер телефона?

– Не знаю.

– Это служебный номер? То есть общедоступный?

– Нет, это номер моего домашнего телефона.

– Тогда откуда он оказался у этой женщины?

– Еще раз говорю, я не знаю.

Подойдя к лифту, он нажал кнопку вызова.

– Эта женщина мне совершенно незнакома.

– Однако вы боялись, что можете ее узнать. Потому и приехали сюда.

– Я исполнял свой гражданский долг, – сказал Куонтрелл и выразительно посмотрел на Кэт.

Довольно вопросов, говорил его взгляд. Однако Кэт это не остановило.

– Мистер Куонтрелл, когда я вам сказала о трупе, о ком вы подумали?

Он не ответил. Он просто смотрел на Кэт, и глаза его были непроницаемы.

– Вам нужно подписать акт опознания, – сдалась она. – И еще я должна знать, как с вами связаться на случай, если у полиции появятся вопросы.

Он полез в карман, достал визитку.

– Вот мой домашний адрес, – сказал он, передавая карточку Кэт.

Кэт мельком взглянула на адрес: Фэйр-уинд-лейн, 11, Сарри-Хайтс. Сайкс верно определил это место по телефонному префиксу.

– Вам придется побеседовать с полицейскими, – сказала она.

– Зачем?

– Рутинные вопросы.

– Так это убийство или нет?

– Я пока не знаю.

Открылись двери лифта.

– Когда узнаете, позвоните.

Кэт тоже вошла в лифт.

– Послушайте, мистер Куонтрелл. Мне привозят неопознанный труп. Я могла бы просто записать ее как очередную Джейн Доу и больше не беспокоиться. Но ведь у этой женщины было настоящее имя. Настоящая

фамилия. А главное, где-то ищут пропавшую сестру, дочь или жену. Я очень хочу помочь близким этой женщины.

– Возьмите у нее отпечатки пальцев.

– Взяла.

– Отправьте на рентген челюсти.

– Уже.

– В таком случае вы сами знаете, что делать, и в моей помощи не нуждаетесь.

Лифт поднял их на первый этаж. Куонтрелл вышел.

– Не думайте, что мне ровным счетом наплевать на ту несчастную, – сказал он, все так же быстро шагая к выходу. – Но я не понимаю, почему я должен влезать в это дело. Если при ней нашли мой телефон, записанный на сувенирной пачке спичек какого-то ресторана, какое отношение это имеет ко мне? Спички она могла где-то взять. Или украсть.

– Я вам не говорила, что спички из ресторана.

Резко остановившись, Адам повернулся к ней:

– Нет, говорили.

– Не говорила. Это я хорошо помню.

Он молчал. Их глаза встретились. Каждый не желал уступать.

«Даже у таких самоуверенных джентльменов, как вы, бывают проколы», – с долей удовлетворения подумала Кэт.

– А я уверен, что вы ошибаетесь. Сказали и забыли, – ровным тоном произнес мистер Куонтрелл.

Он собирался покинуть здание. Но возле стола секретарши стояли Сайкс и Рэтчет.

– Мы получили твое сообщение…

Увидев Куонтрелла, Сайкс заметно удивился:

– Мистер Куонтрелл? Что привело вас…

Сайкс не договорил. Похоже, он догадался.

– Лу, тот номер принадлежит мистеру Куонтреллу, – пояснила Кэт. – Но мистер Куонтрелл утверждает, что женщина ему совершенно незнакома.

– Сержант, побеседуйте с ней, – попросил Адам. – Может, вы сумеете убедить доктора Новак, что я не какой-нибудь Джек-потрошитель.

– Что, наш доктор вас помучила? – засмеялся Сайкс.

– Поскольку вы знакомы, я поверю мистеру Куонтреллу на слово, – раздраженно сказала Кэт.

– Рад это слышать. А сейчас, с вашего позволения… – Он слегка кивнул Кэт. – Доктор Новак, было… интересно познакомиться.

Адам повернулся, готовый уйти.

– Мистер Куонтрелл, можно вас на пару слов? – окликнул его Сайкс.

Они отошли в дальний угол. Кэт поймала взгляд Адама. «К вам это не имеет ни малейшего отношения», – говорили его глаза.

– Лу, мы ждем тебя внизу, – сказал Рэтчет и дружески подтолкнул Кэт. – Пошли. У тебя еще водится этот жуткий кофе?

Она поняла намек. И все же по пути к лифтам Кэт не удержалась и оглянулась через плечо. Сайкс и Адам разговаривали в укромном углу. Адам стоял к ней лицом. Он был выше Сайкса и потому поймал взгляд Кэт, наградив ее ответным. Его глаза смотрели с холодной признательностью. Недавнее напряжение схлынуло с его лица, и сейчас мистер Куонтрелл полностью владел собой.

– Винс, кто он такой? – спросила Кэт, когда они вошли в лифт.

– Владелец фармацевтической компании, – пожал плечами Рэтчет. – Кажется, «Сирус» или что-то в этом роде.

– «Сигнус», – подсказала Кэт. – Значит, он владелец корпорации «Сигнус»?

– Представь себе. Он постоянно мелькает на страницах светской хроники. На всех официальных сборищах. Странно, что ты о нем не слышала.

– Я не читаю этих страниц.

– А стоило бы. Недавно там писали о твоем бывшем. Участвовал в какой-то кампании в поддержку мэра. Рядом с ним толклась симпатичная блондинка.

– Вот потому я и не интересуюсь светской хроникой.

– Ясно.

Они вышли из лифта и направились в кабинет Кэт. Кофеварка сегодня явно перерабатывала. Кэт уже дважды опустошила кофейник, и остатки на дне выглядели не слишком аппетитно. Кэт перелила их в чашку и протянула Рэтчету.

– А откуда Лу знает этого мистера Большая Шишка? – спросила она.

Рэтчет покосился на предложенный кофе.

– Частное дело. Куонтрелл попросил Лу о небольшой полицейской услуге. Что-то связанное с его дочкой.

– У Куонтрелла есть дочь?

– Мне так говорили.

– Он не производит впечатление чадолюбивого папочки. Представляю, какую гримасу он бы скорчил, если бы детские ручонки перепачкали его дорогую модную одежду.

Рэтчет отхлебнул из чашки и поморщился:

– Твой кофе все лучше и лучше.

– И что за помощь оказывает ему Лу?

– Похоже, девчонка сбежала от отца. Ты лучше самого Лу спроси. Это произошло давно. Мы тогда с ним еще не работали вместе.

– Значит, Лу работал в Южном Лексингтоне?

– Несколько лет трубил в этом гадюшнике. Там он напарника потерял. Грохнули из проезжающей машины. А потом и я потерял своего в Уотертауне. Так мы с Лу стали работать вместе. Все остальное, как говорят, уже история.

Он сделал еще глоток.

– Адам Куонтрелл живет далековато от Южного Лексингтона.

– Это точно, – засмеялся Рэтчет.

– Тогда почему он просит помощи у тамошнего копа?

– Не знаю. Лучше спроси самого Лу.

У Рэтчета зазвонил мобильный телефон. Взглянув на номер, он вздохнул:

– Рэтчет слушает… Да… И что новенького для нас?

Кэт взялась за бумаги. Это были бланки запросов на анализы образцов из трупа Джейн Доу. Курьер из государственной лаборатории появится в три часа. Стало быть, Кэт нужно спешно заняться писаниной. Она принялась ставить крестики в нужных окошечках: газовая хроматография, иммуноанализ. Каждый анализ может выявить наркотик или сильнодействующий препарат, который погубил Джейн Доу.

Звук шагов заставил ее поднять голову. В кабинет вошел Сайкс.

– Извини, что пришлось тебя спровадить, – сказал он. – Но разговор касался частного дела мистера Куонтрелла.

– Мне уже объяснили.

Кэт заполняла бланки запросов.

– Это все на Джейн Доу?

– В три появится курьер. Ты же хочешь, чтобы ответили поскорее.

Каждый бланк Кэт обернула вокруг соответствующей пробирки, после чего запихнула пробирки в лабораторный конверт.

– Ну вот, счастливого им пути.

Она опустила конверт в корзину с надписью: «НА АНАЛИЗЫ».

– Я думал, часть анализов ты сделаешь у нас.

– Сделаю, но не прямо сейчас. Мне еще надо написать отчеты по результатам нескольких вскрытий. Приближаются даты судебных заседаний. Мой бывший уже забрасывает меня мерзопакостными голосовыми сообщениями.

– Так вы с Эдом по-прежнему грызетесь насмерть? – засмеялся Сайкс.

– Понимаешь, Лу, любовь мимолетна. А презрение вечно.

– Иными словами, голосовать за него ты не будешь.

– На самом деле я считаю Эда подходящим кандидатом на пост окружного прокурора. Вы не находите, что он удивительно напоминает добермана-пинчера?

Кэт открыла шкаф и принялась рыться в бумагах.

– И потом, Эд с мэром стоят друг друга.

– Черт! – буркнул Рэтчет, убирая мобильник. – Мы остаемся без ланча.

– Это почему? – спросил Сайкс.

– Позвонили из патрульной службы. Они нашли еще один труп. Опять женщина и опять без внешних повреждений.

Кэт слушала, стоя возле открытого шкафа. Рэтчет уже строчил в записной книжке.

– Снова передозировка? – спросила она.

– Вероятно. А вот мое брюхо урчит от недодозировки еды.

Рэтчет продолжал записывать. Идеальный коп.

«Слишком много трупов, слишком много смертей, – подумала Кэт. – И вот наша реакция: найден труп, а мы досадуем, что придется распрощаться с ланчем».

– Где нашли? – спросила она.

– В Южном Лексингтоне.

– В какой части?

Рэтчет захлопнул записную книжку.

– Там же, где утренний труп, – сказал он. – В районе «муниципалки».

На улице было ветрено. Согнувшись и засунув руки в карманы плаща, Адам Куонтрелл шел к своей машине. Апрель, а холодрыга, как в январе. Ледяной ветер, деревья без единого листика. Люди по-зимнему бледные, словно в масках.

Он отпер свой «вольво», плюхнулся на водительское сиденье и тут же захлопнул дверцу.

Куонтрелл сидел, скрытый от внешнего мира тонированными стеклами машины. Как хорошо, что сейчас никто не видит его лица и не пытается угадать, о чем он думает. В салоне было холодно, и дыхание вырывалось облачками пара. Однако настоящий холод таился у него внутри.

«Не она. Хотя бы за это я должен благодарить судьбу».

Он включил двигатель. «Вольво» влился в поток машин. Первым намерением Куонтрелла было отправиться прямо в Сарри-Хайтс, домой. Надо позвонить секретарше и сказать, что его сегодня не будет. Он должен элементарно прийти в себя, восстановить нарушенное самообладание. С того момента, как эта докторша оставила ему сообщение на автоответчике, он ведь так до конца и не очухался.

Как ее зовут? Новак – это фамилия. Имени она не называла. Адаму показалось, что имя у нее должно быть коротким и резким, как сама женщина. Да, она стреляла прямо в цель. Адаму это нравилось. Но ему не понравились ее сверлящие глаза и цепкий ум. Она увидела гораздо больше, чем он собирался раскрывать.

Куонтрелл вывернул на скоростное шоссе. Еще полчаса, и он приедет в Сарри-Хайтс. Ему хотелось побыстрее убраться из города, из этого скопища унылых бетонных зданий.

Впереди мелькнул дорожный указатель: «ЮЖНЫЙ ЛЕКСИНГТОН, ПОВОРОТ ЧЕРЕЗ 0,5 МИЛИ».

Решение пришло внезапно. Дурацкий импульс, возникший исключительно из чувства вины. Через полмили он свернул на съезд и спускался вниз, пока не очутился на Саут-Лексингтон-авеню. Часть города, где он оказался, воспринималась как зона боевых действий. Район, где находился морг, тоже нельзя было назвать процветающим, но там окрестные здания не пустовали и все стекла в них были целы.

Здесь, в Южном Лексингтоне, в голову лезли мысли о крысах. Кто еще способен жить в этих обветшалых домах из красного кирпича, зияющих разбитыми окнами? Куонтрелл ехал мимо пустующих складов и заброшенных контор – свидетелей лучших времен Альбиона. Через пару

миль езды в южном направлении, за раскуроченной дубильной фабрикой Йохана Уэйра, начинался квартал, называемый «муниципалкой». Правда, увидеть его можно было еще издали: семь серых высотных бетонных домов, торчащих на фоне такого же серого неба.

Они были реликтами иной экономической эпохи, построенными из лучших побуждений. Но лучшие побуждения не учли два существенных момента, определивших печальную участь этих зданий: местоположение и убогий внешний вид. Сложенные из монолитного бетона, вдалеке от мест работы их жильцов, эти строения больше напоминали тюремные корпуса, нежели муниципальное жилье. Однако высотки не пустовали. Возле них стояли припаркованные машины. Вокруг ходили люди. Кто-то сидел на грязных скамейках. Ребятня бросала мячи в баскетбольные кольца. Адам ехал мимо, а за ним следили десятки пар глаз. Его появление здесь воспринималось как вторжение на чужую территорию.

Проехав еще один квартал, Адам свернул и остановился напротив пятой высотки.

Он просидел в машине не менее часа, разглядывая тротуары, проезды и соседнюю игровую площадку. Матери везли коляски с малышами. Под колесами хрустело битое стекло. На тротуаре дети играли в классики.

«Даже здесь жизнь продолжается», – думал Адам.

За ним тоже наблюдали: все эти люди разглядывали его. Он уже привык.

В окошко постучали. Возле машины стояла молодая женщина. Грива нечесаных черных волос, темные глаза, белое, отштукатуренное косметикой лицо. Присмотревшись, Адам понял: перед ним еще совсем молодая девчонка, прячущая свою молодость под слоем пудры и румян.

Она снова постучала. Куонтрелл опустил окошко. Немного, всего на пару дюймов.

– Привет, дорогой, – вкрадчивым тоном произнесла брюнетка. – Не меня ли ищешь?

– Я ищу Мэв.

– Не знаю я никакой Мэв. А как насчет меня?

– Никак, – улыбнулся он.

– Я девочка без комплексов. Исполню любые твои фантазии.

– Благодарю, но это меня не интересует.

Он поднял стекло.

Улыбка на лице девицы мигом сменилась презрительной гримасой. Она выругалась, брань было слышно даже через окошко. Повернувшись, брюнетка неторопливо двинулась прочь.

Она шла, покачивая бедрами, затянутыми в синие джинсы. Заметив стайку парней, девица снова запрокинула голову и нацепила улыбку. Увы, парни, видимо, тоже не жаждали исполнения всех своих фантазий. Пожав плечами, она побрела дальше.

В облике этой юной особы, в ее волосах цвета воронова крыла, а может, в походке было что-то, заявляющее миру: «Я способна о себе позаботиться».

Адаму сразу вспомнилась доктор Новак, имени которой он не спросил. Такие же густые блестящие волосы. Только, пожалуй, длиннее, до плеч. И такая же походка. Он вспомнил, каким пружинистым, уверенным шагом доктор Новак шла по подвальному коридору. Адам вдруг пожалел, что не рассказал ей правду о книжечке картонных спичек и о Мэв. Она же знала, что он врет. Адам понимал необходимость скрывать правду, но ему от этого было довольно паршиво. Теперь и доктор Новак посчитает его жуликом, слову которого нельзя верить.

«Почему меня должно заботить мнение какого-то доктора Новак? Я видел ее в первый и последний раз».

Во всяком случае, Адам надеялся, что это не повторится. Он не жаждал еще одной экскурсии в морг. И как только она выдерживает ежедневные встречи со смертью? Он вспомнил ряды стальных ящиков. А ведь доктор Новак видит их постоянно. Интересно, ее по ночам не преследуют кошмары? Лично ему сегодня хватило одной встречи с трупом женщины, в чьей руке нашли эти чертовы спички.

Слава богу, ею оказалась не Мэв.

Адам снял трубку автомобильного телефона, позвонил себе в офис и сообщил Грете, что сегодня его не будет. В голосе секретарши чувствовалось удивление. Мистеру Куонтреллу было несвойственно отлучаться с работы. На несколько часов, по другим делам, да. Но не на целый день.

– Пусть сегодня командует Хэл, – сказал он.

В конце концов, зачем тогда нужны старшие вице-президенты?

По Южному Лексингтону медленно ехала полицейская машина. Скорее всего, патрульная. Местная ребятня, возвращаясь из школы, прыгала по тротуарам, поддавая ногами куски стекла. Сказав Грете, что завтра он, как всегда, появится утром, Адам повесил трубку. Лицо его помрачнело. Откинувшись на спинку, он наблюдал за улицей.

Кабинет доктора Дэвиса Уилока, главного судмедэксперта, находился на четвертом этаже, в самом конце коридора. Это был компромисс: доктор Уилок не мог совсем оторваться от повседневных реалий морга, но находился от него на максимально возможном удалении. Медную табличку на дверь кабинета подарила ему жена. Ее угнетали дешевые пластмассовые таблички. На большее городские власти Альбиона раскошелиться не могли. Если уж человек избрал своей профессией служение обществу, пусть служит ему со вкусом. Так рассуждала миссис Уилок.

Доктор Уилок разделял воззрения жены, и потому его кабинет был полон дорогостоящих вещиц, отражавших эклектичные вкусы хозяина. Здесь на почетных местах красовались кенийские маски, египетские папирусы, статуэтки империи инков. Все это было привезено из путешествий. Окна кабинета выходили на восток и смотрели на реку. В пасмурные дни, вроде нынешнего, вид из окон действовал на доктора особо угнетающе. Серый свет, льющийся оттуда, обволакивал самого Уилока и его шедевры примитивного искусства, наполняя пространство кабинета сумраком.

– Передозировка наркотиков – это печальные будни нашего города, – вздохнул Уилок. – Мы не в состоянии уследить за каждым случаем. Если только вы не считаете, что наткнулись на что-то новое, не стоит ломать голову.

– В этом вся и загвоздка, – сказала Кэт, усаживаясь напротив него. – Я сама не знаю, считать ли это чем-то новым. Но мне думается, нужно сообщить мэру. Возможно, журналистам тоже.

– А не слишком ли остро вы реагируете? – покачал головой Уилок.

– Дэвис, за последние сутки нам привезли трупы двух молодых женщин, и у обеих – никаких внешних повреждений. Обеих нашли в Южном Лексингтоне. Поскольку у каждой на руке видны следы уколов, включая совсем недавние, я приготовилась констатировать смерть от передозировки.

– Героина?

– Я уже говорила, что не могу определить вид наркотика. Образцы крови, мочи и стекловидной жидкости я отправила в гослабораторию на иммунологический анализ. Но результаты они пришлют только через неделю.

– А какие анализы вы делали у нас?

– Тонкослойную и газовую хроматографию. По первому трупу – положительная реакция на этанол. По второму – на салицилаты. Хотя это мог быть обычный аспирин. По обоим трупам наблюдался одинаковый пик при анализе на газовом хроматографе. Очень похоже на наркотик.

– Вот вам и ответ.

– К сожалению, не ответ. Проблема. Очень странный пик – двухфазный. Не совсем опиат и не совсем кокаин. Такого я еще не видела.

– Значит, примеси. Кто-то догадался смешать два наркотика.

– Возможно.

– Дождитесь данных из гослаборатории. Неделя погоды не сделает.

– А пока я жду?

– Слушайте, у вас всего две жертвы.

Кэт подалась вперед:

– Дэвис, я не хочу новых жертв. Но боюсь, что они будут.

– Почему?

– После того как нам привезли труп второй женщины, я схватилась за телефон и обзвонила все городские больницы. И оказалось, в «Хэнкок дженерал» вчера поступили трое пациентов с передозировкой. У двоих – попытки суицида. Третьего, молодого человека, в клинику привезли родители. В реанимации у него остановилось сердце. К счастью, до смерти не дошло. Сейчас он в отделении интенсивной терапии. В сознание не приходит. Состояние критическое.

– В реанимации «Хэнкока» затишья не бывает. Ничего удивительного, что среди прочего туда попадают и с передозировкой.

– Я связалась с их лабораторией. Они сделали обычный газохроматографический анализ крови этого парня. И тоже наблюдали

двухфазный пик с подозрением на наркотики. Опять-таки не совсем опиат и не совсем кокаин.

Уилок молча смотрел на нее и хмурился.

– Дэвис, это же начало эпидемии.

3

– Пока слишком рано беспокоить мэра, – качал головой Уилок. – И будоражить прессу тоже. У вас всего трое пострадавш…

– Угадайте, откуда этот молодой человек. Из Южного Лексингтона. Трупы женщин были обнаружены в пяти кварталах от его дома. Говорю вам: появилось какое-то новое вещество, и оно косит наркоманов. А рассадником, скорее всего, служит Южный Лексингтон. Потому я и призываю вас действовать. Позвоните мэру. Созовем совместную пресс-конференцию. Пусть об этом станет известно раньше, чем мне привезут новых Джонов и Джейн Доу.

– Не знаю.

– Чего вы не знаете, Дэвис?

– Может быть, это простое совпадение. А мы поднимем шум.

– Или у какого-нибудь пушера[2] припрятана целая тонна этой отравы.

Кэт все же удалось поколебать спокойствие доктора Уилока. Он откинулся на спинку кресла и нервозно провел рукой по седым волосам.

– Хорошо. Я поговорю с мэром. Конечно, время сейчас не самое удачное. На носу двухсотлетие города и все такое. На этой неделе он начинает свою кампанию.

– Дэвис, люди умирают.

– Сдаюсь, сдаюсь. Позвоню ему сегодня же.

Довольная своей небольшой победой, Кэт покинула кабинет Уилока и спустилась к себе в подвал. Ее взгляд зацепился за помаргивающую трубку дневного света. Невдалеке моргала вторая. Все ветшало, все рушилось. Здание. Город.

А городские власти собрались праздновать двухсотлетие.

«Что же мы отмечаем, господин мэр? – думала Кэт. – Двести лет запустения?»

Кофе в кофеварке оставалось на донышке. Одна гуща. Нет, это она пить не будет. Она еще не настолько отчаялась. На столе лежали две папки. Два дела, которые она не довела до конца и вряд ли сможет довести. Безымянная Джейн Доу и Зиния Варгас. Так звали вторую женщину, чей труп нашли в Южном Лексингтоне. В ее сумочке хотя бы оказалось водительское удостоверение. Правда, нужно проверить, действительно ли оно принадлежит ей. И родным Зинии еще ничего не успели сообщить.

Две мертвые женщины. Как и почему они умерли? Кэт не знала, кто бы мог ответить на этот вопрос.

На углу стола лежал блокнот, где ее рука торопливо вывела: «Доктор Майкл Диц». Врач из клиники «Хэнкок дженерал», отделение реанимации. Это он сообщил Кэт о молодом человеке, жертве передозировки.

Было пять часов вечера. Из комнаты отдыха доносился смех служащих морга. Блаженное, хоть и короткое затишье перед вечерней суматохой.

Кэт переоделась, накинула плащ и вышла на улицу.

Она поехала не домой, а в Южный Лексингтон, где находилась клиника «Хэнкок дженерал».

Здание клиники напоминало крепость в зоне боевых действий. Парковка была огорожена забором из колючей проволоки. Над входом торчало несколько видеокамер. Служащий отделения реанимации сидел за стеклянной стеной. Скорее всего, стекло было пуленепробиваемым. Общение происходило через переговорное устройство. Динамик искажал голос, делая его металлическим. Кэт вспомнила окошки «Макдоналдса», к которым подъезжают на машинах.

– Чем я могу вам помочь? – спросил служащий.

– Я доктор Новак из судмедэкспертизы. Мне необходимо переговорить с доктором Майклом Дицем. Вопрос касается одного из его пациентов.

– Сейчас пошлю ему сообщение на пейджер.

Доктор Диц вышел к ней через несколько минут. Он напоминал старого усталого солдата, вылезшего из траншеи после очередного боя. Вместо автомата у него на шее болтался стетоскоп, а хирургические штаны были забрызганы кровью.

– Вы меня перехватили в последнюю минуту. Я уже собирался уходить. Вы из судебно-медицинского экспертного бюро?

– Да. Я вам сегодня звонила. Помните? Спрашивала о пациенте с передозировкой.

– Помню. Он сейчас в отделении интенсивной терапии. Запамятовал его имя…

– А мы могли бы туда подняться? – спросила Кэт. – Хотелось бы посмотреть его карточку.

– Конечно. Вы ведь тоже врач. Возражений нет.

Они направились к лифтам. Больница оставалась такой, какой ее помнила Кэт. Истертые линолеумные полы, коридорные стены, выкрашенные в умопомрачительные голубые тона, каталки, брошенные в проходах. Справа располагался кафетерий, откуда доносился звон посуды и скрип стульев. Из динамиков слышался унылый голос оператора, перечислявшего имена врачей и их добавочные номера. Доктор Диц шел как лунатик в теннисных туфлях.

– Смотрю, больница совсем не изменилась, – заметила Кэт.

– Вы здесь работали?

– Нет. Когда-то я жила в районе церкви Святого Луки. А здесь у меня лежала близкая родственница.

– Я бы ни за что не положил сюда своих родственников, – невесело рассмеялся доктор Диц.

– Ей было все равно. Она вообще не понимала, где находится.

Они поднимались в служебном лифте, набитом медсестрами и санитарами. Каждый смотрел перед собой, будто меняющиеся цифры этажей на табло обладали гипнотическим воздействием.

– Вы давно живете в этом городе? – спросил Диц.

– Я здесь родилась. А вы?

– Я родом из Кливленда. Собираюсь туда вернуться.

– Вам не нравится Альбион?

– Если хотите знать мое мнение, то Кливленд в сравнении с ним просто Эдемский сад.

Отделение интенсивной терапии находилось на третьем этаже, чем-то оно напоминало громадную конюшню со стойлами, отделенными друг от друга занавесками. Свободных коек было только две. Не очень-то здесь готовились к разного рода неожиданностям. А ведь сейчас полнолуние с его непременным всплеском происшествий. Ночь в отделении может быть очень жаркой.

Пациент, к которому они шли, лежал на тринадцатой койке. По словам Дица, на эту койку клали лишь коматозных пациентов. Зачем пугать тех, кто находится в сознании? Когда человек борется за свою жизнь, даже дурацкое суеверие может серьезно подпортить дело.

Никос Бьяджи – так звали пациента – был рослым, крепким парнем лет двадцати. Бицепсы и рельефные грудные мышцы говорили о том, что он немало времени тратил на бодибилдинг. Однако сейчас к его телу подходило сразу семь трубок. Глядя на такое, поневоле задумаешься о неблагоприятном прогнозе. Парень лежал неподвижно. Согласно записям в карточке, он не реагировал даже на самые сильные раздражители.

– Прошли уже сутки, а лежит бревно бревном, – сказала медсестра. – И с давлением какая-то чехарда. То резко взлетает, то вдруг падает. Я скоро свихнусь от его капельниц и уколов.

Кэт пролистала карточку, разбираясь в каракулях дежурного ординатора. Пациент был обнаружен у себя в машине, стоявшей рядом с домом его родителей. Он распластался на сиденье в бессознательном состоянии. На полу валялся обычный набор наркомана: жгут, шприц с иглой, ложка и зажигалка. Пока парня грузили в «скорую», пока торопились довезти живым до больницы, шприц странным образом исчез. Медики думали, что шприц забрали родители, а те утверждали, что его увезли люди со «скорой». Полицейские вообще не видели никакого шприца. Оставалось дожидаться результатов токсикологического анализа крови. Он даст ответы.

Во всяком случае, хоть что-то он даст.

К настоящему моменту было известно совсем немного. Уровень содержания этанола в крови составлял 0,13 промилле. Норму, допустимую законом, Никос Бьяджи не превысил. Естественно, его организм был напичкан стероидами. Ничего удивительного; достаточно взглянуть на его выпирающие мышцы. Но анализы не отвечали на главный вопрос: какое вещество вызвало у Никоса кому?

Местные врачи сделали все, что делается в подобных случаях. Глюкоза, налоксон и тиамин не вывели парня из комы. Осталось одно: поддерживать жизнь. Стабилизировать давление, следить за искусственной вентиляцией легких и работой сердца. Все остальное зависело от пациента.

– Значит, никаких сведений? – спросила Кэт. – Неизвестно, чем он ширнулся и где добыл эту дрянь?

– Никаких. Для родителей это было как гром среди ясного неба. Они и понятия не имели, что их сын – наркоман. Наверное, потому он и кололся в машине. Не хотел, чтобы близкие знали.

– Сегодня к нам в морг привезли тела двух женщин. Газохроматографический анализ дал такой же двухфазный пик, что и у вашего пациента.

– Ужасно, – вздохнул Диц. – Городские улицы захватывает очередной «чудо-наркотик».

– Когда будет готов ваш полный отчет по токсикологическим анализам?

– Не знаю. Прошли всего сутки. Если наркотик действительно новый, на его идентификацию понадобятся недели. Синтетические наркотики множатся, как вирусы гриппа. Мы едва успеваем распознать последний «писк», а уже появляется что-то новое.

– Значит, вы согласны, что мы имеем дело с чем-то новым?

– Вполне. Какой только дряни я не перевидал за эти годы. Фенциклидин, тропический лед, фруктовые колечки. Но сейчас мы столкнулись с чем-то пострашнее. Почему те две женщины мертвы, а этот парень жив? Из-за его роста и массы тела. Мышечной массы. Чтобы его убить, требуется доза побольше.

«Убить его может даже то, что он себе вколол», – подумала Кэт, глядя на коматозного пациента.

– Если дело дойдет до СМИ, я могу упомянуть вас как источник информации? – спросила она.

– В каком смысле?

– Нужно предупредить потенциальных потребителей. Рассказать, чем им грозит знакомство с этим «чудо-наркотиком».

Диц ответил не сразу. Он смотрел на Никоса Бьяджи.

– Не знаю, – наконец сказал он.

– То есть как не знаете? Вы только что высказали свое мнение. Я хочу его процитировать в подтверждение своего.

– Не знаю, – повторил Диц, сжав стойку капельницы. – Зачем вам мое мнение? Нужно обращаться к властям.

– Ваше мнение послужило бы мне поддержкой.

– Это ведь… журналисты. У меня хватает мозгов не связываться с ними.

– Я не прошу вас давать им интервью. Вы позволите процитировать ваши слова и назвать ваше имя?

– В общем-то, можно… – вздохнул он. – Но лучше бы вы этого не делали.

Доктор Диц резко выпрямился и посмотрел на часы:

– Простите, мне пора идти. Я сообщу вам о результатах.

Кэт проводила его взглядом. Казалось, Диц торопился поскорее убраться прочь. Он едва сдерживался, чтобы не побежать. Чего он так боится? И почему не хочет говорить с газетчиками?

Она уже выходила из отделения, когда вдруг увидела чету Бьяджи. Они шли навестить сына. Кто они, Кэт поняла по горестному выражению их лиц. Миссис Бьяджи была темноволосой и темноглазой. Ее лицо будто потемнело от страданий. Мистер Бьяджи был заметно старше жены. Коренастый, лысый. Он еще не оправился от шока и двигался механически. Родители подошли к койке сына. Некоторое время они стояли молча, затем миссис Бьяджи принялась гладить сыну волосы и что-то напевать по-итальянски. Возможно, колыбельную. Впрочем, пела она недолго. Ее голос дрогнул. Уронив голову Никосу на грудь, она заплакала.

Мистер Бьяджи не произнес ни слова.

Кэт поспешила уйти.

Расстроенная увиденным, она пропустила нужный поворот и вместо лифтов попала в незнакомый корпус. Раньше его не было. О том же свидетельствовали белые стены и сверкающий линолеум. Вскоре ей на глаза попалась стеклянная витрина, рассказывающая об открытии этого корпуса. Большая фотография, на которой улыбающиеся врачи и руководство клиники перерезали ленточку. Снимки с торжественного обеда. Бронзовая табличка, на которой было выгравировано: «КОРПУС

ИМЕНИ ДЖОРДЖИНЫ КУОНТРЕЛЛ». Газетная статья с крупным заголовком: «ПРЕЗИДЕНТ ЖЕРТВУЕТ МИЛЛИОНЫ ДОЛЛАРОВ ОТДЕЛЕНИЮ РЕАБИЛИТАЦИИ НАРКОЗАВИСИМЫХ». С газетной страницы на нее смотрело серьезное и торжественное лицо Адама Куонтрелла, запечатленного рядом с табличкой.

Кэт долго стояла перед витриной, рассматривая фотографии и читая статьи. Наркологическое отделение? Более чем странная затея для человека, сколотившего состояние на производстве сильнодействующих лекарств. Вскоре Кэт увидела и их. В витрине было устроено что-то вроде мини-выставки таких лекарств и рассказывалось, чем опасно их использование не по назначению. Целая мозаика из разноцветных капсул. Под ними на картонном прямоугольнике значилось: «ПРЕДСТАВЛЕНО С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ КОРПОРАЦИИ „СИГНУС“».

В мозгу Кэт что-то щелкнуло. Мертвые наркоманки. Новый наркотик, появившийся на улицах города. Фармацевтическая корпорация «Сигнус».

И книжечка картонных спичек с домашним телефоном Адама Куонтрелла.

Достав мобильник, Кэт позвонила Сайксу.

Сержант собирался домой и не был особо настроен растягивать свой рабочий день.

– Вот что я тебе скажу, Новак. Наркоманы с их передозировками занимают далеко не верхнюю строчку в списке моих интересов.

– Лу, речь сейчас не о твоем списке. Давай порассуждаем вместе. Зачем наркоманке понадобился домашний номер Куонтрелла? И почему Куонтреллу не терпелось взглянуть на труп Джейн Доу? Он что-то скрывает.

– Ты ошибаешься.

– А мне думается, скрывает.

– Кэт, хватит фантазировать. Эти женщины были наркоманками. Они ходили по краю и в какой-то момент упали. Это не убийство и не самоубийство. Это глупость. По законам социального дарвинизма выживают наиболее сообразительные.

– Так думаешь ты. Возможно, Куонтрелл тоже так думает. А у меня в ячейках холодильной камеры по-прежнему лежат два женских трупа.

– Оставь в покое Куонтрелла. Человек вложил деньги в лечение наркоманов, а не в торговлю наркотиками.

– Лу, в городе появился новый наркотик. Я говорила с одним из здешних врачей. Он сказал, что с подобной отравой сталкивается впервые. Чтобы создать новый синтетический наркотик, нужен специалист-биохимик. Нужна лаборатория. Нужно производство. У «Сигнуса» все это есть.

– «Сигнус» – легальная фармацевтическая компания.

– А вдруг у них есть нелегальный филиальчик?

– Господи, Новак! Я не собираюсь портить отношения с Куонтреллом.

– Тебе и нельзя с ним портить отношения. Слышала, ты оказываешь ему какие-то услуги. Частным образом.

Возникла пауза.

– Оказываю. И что?

– Как эти услуги связаны с Южным Лексингтоном?

– Тебе нужны подробности? – потерял терпение Сайкс. – Вот и спрашивай у самого Куонтрелла!

Он отключился.

Кэт смотрела на умолкнувший телефон. Напрасно она попыталась пойти напролом и надавить на Лу.

«Мой длинный язык, – подумала она. – Когда-нибудь я с ним вляпаюсь».

Она побрела к лифтам и в коридоре снова увидела чету Бьяджи. Они шли, опираясь друг на друга, словно горе лишило их сил.

Кэт думала об их сыне Никосе. О Джейн Доу и Зинии Варгас. Какое место им отводил почитаемый Сайксом социальный дарвинизм? Самое нижнее. Грязь на дороге. Протоплазма. Но ей, Кэт Новак, плевать на социальный дарвинизм. Что-то убило этих людей. Неведомое что-то, пустившее свои зловещие корни в районе «муниципалки».

Там, где когда-то жила она.

Путь на скоростное шоссе лежал через Южный Лексингтон. За последние несколько лет здесь ничего не изменилось. Семь высотных

зданий муниципального жилья по-прежнему смотрелись тюремными башнями. И баскетбольный щит на игровой площадке все так же был скошен. На углу Франклин-стрит и Саут-Лексингтон-авеню все так же толклись подростки. Другими стали лица. Не люди, а лица. Во взглядах появились непривычная жесткость, непривычная настороженность. Жители Южного Лексингтона смотрели, как она едет по их территории.

Кэт быстро нашла этому объяснение. Она была для них чужой. Той, за кем надо следить, от кого надо обороняться и кому ни в коем случае нельзя доверять.

«Им невдомек, что я – одна из них. Во всяком случае, была».

Вскоре Кэт выехала на шоссе. Южный Лексингтон остался позади.

Движение в северном направлении все еще было плотным. Наступило время вечернего исхода в пригороды. «Белые воротнички» спешили в Бельмид, Пэррис, Кларендон и Сарри-Хайтс. Все, кто мог себе позволить бежать из города, бежали. Даже Кэт, родившаяся и выросшая в Альбионе, теперь называла себя жительницей пригорода. Не далее как в прошлом году она купила дом в Бельмиде. С финансовой точки зрения ее переезд был вполне логичен. Кэт достигла жизненной точки, когда нужно принимать серьезное решение. Любое. Хотя бы на уровне покупки четырехкомнатного дома с участком. Бельмид представлял собой некий компромисс. Он находился достаточно близко к Альбиону и воспринимался как дальняя окраина. И в то же время Бельмид обладал всеми преимуществами пригорода. В первую очередь безопасностью.

Повинуясь импульсу, Кэт проехала поворот на Бельмид и помчалась дальше. Дорога до Сарри-Хайтс занимала полчаса.

Поток машин постепенно редел. Менялся и пейзаж. Ряды однотипных таунхаусов уступили место деревьям и холмам, которые после знаменитых апрельских ливней блестели свежей зеленью. Появились белые заборы и лошади – верный признак приближения к резиденциям потомственных богачей. В нужном месте Кэт съехала с шоссе и вывернула на Фэйр-уинд-лейн.

Через пару миль она остановилась возле резиденции Куонтрелла. Ошибиться было невозможно: по обе стороны проезда стояли каменные колонны, и верх одной из них украшала чугунная надпись «КУОНТРЕЛЛ». Ворота были открыты настежь. Извилистый проезд привел Кэт непосредственно к дому.

Возле него уже стояло три машины: «ягуар» и два «мерседеса». Кэт припарковала свой «субару», на котором ездила уже пять лет, возле

«ягуара». Ей понравился сочный бордовый цвет машины. Салон «ягуара» был безупречно чист. И никаких намеков на личность владельца. Стикеров тоже не было, хотя, по мнению Кэт, что-нибудь вроде «Пусть едят пирожные»[3] смотрелось бы вполне уместно.

Она подошла к двери и нажала кнопку звонка. Раздавшийся звук напоминал колокольный перезвон в пещере.

Дверь открылась. На пороге возник человек в одеянии дворецкого.

– Что вам угодно? – спросил он, глядя на Кэт сверху вниз.

Кэт прочистила горло.

– Я доктор Новак из судмедэкспертного бюро. Мне необходимо переговорить с мистером Адамом Куонтреллом.

– Мистер Куонтрелл ожидает вас?

– Нет. Но я приехала по официальному вопросу.

Несколько секунд дворецкий обмозговывал ее просьбу, затем открыл дверь шире:

– Входите.

Удивляясь легкости, с какой ее впустили, Кэт вошла. Ее внимание сразу же приковала хрустальная люстра.

«Что ж, совсем как в обычной скромной прихожей», – усмехнулась Кэт.

Наверно, так выглядит вход в типичный замок. Пол – сверкающий бетонный терраццо. Массивные перила лестницы, ведущей на второй этаж, где располагалась галерея. Картины там висели в основном современные: буйные, слегка раздражающие сполохами красок.

– Соблаговолите обождать здесь, – произнес дворецкий.

Он скрылся за боковой дверью. Оттуда слышались женский смех и классическая музыка.

«Надо же, у него гости, – подумала Кэт. – Вечно ты притащишься не вовремя».

За спиной раздались шаги. Из другой боковой двери появился Адам Куонтрелл. Он тихо закрыл за собой дверь. Одет он был весьма

официально: черный галстук-бабочка, белая сорочка с плиссировкой на груди. Нельзя сказать, чтобы внезапное появление Кэт его обрадовало.

– Доктор Новак, неужели это так срочно? Наш разговор может подождать?

– Нет, это так срочно.

– Опять вопросы? – поморщился Куонтрелл.

– И опять труп.

Кэт следила за его лицом и совсем не удивилась, что Адама передернуло.

– Чей? – спросил он.

– Женский. Ее нашли невдалеке от места, где утром был обнаружен труп первой женщины. В лестничном колодце одного из домов Южного Лексингтона. И похоже, снова передозировка наркотиков.

С его лица не сходило оцепенение.

– Вам… нужно, чтобы я поехал взглянуть на труп?

– Острой необходимости в этом нет. Возможно, вам знакомо ее имя. При ней нашли сумочку, а в сумочке – водительское удостоверение на имя Зинии Варгас. Думаю, это она, поскольку лицо умершей и лицо на фото одинаковы. Вам это имя что-нибудь говорит?

Куонтрелл шумно выдохнул. Кэт показалось, что с явным облегчением.

– Нет, – сказал он. – Это имя мне незнакомо.

– А Никос Бьяджи? Эти имя и фамилия вам о чем-то говорят?

– Ничего. А почему вы спрашиваете?

– Из любопытства.

Адам недоверчиво хмыкнул:

– Вы нагрянули в мой дом, обрушили на меня имена мертвецов – и все, чтобы посмотреть на мою реакцию? Из чистого любопытства?

– Кто сказал, что Никос Бьяджи – труп?

– Да я вообще не знаю, кто он такой! Я лишь предположил. Похоже, все, о ком вы говорите, – трупы!

Его голос отразился от мозаичного бетонного пола и понесся в дальние углы просторного коридора. Куонтрелл совладал с собой. Его лицо снова приняло холодное, непроницаемое выражение.

– Кто такой этот Никос Бьяджи? Он живой или тоже труп?

– К счастью, пока живой… если это можно назвать жизнью, – ответила Кэт. – Его привезли в клинику «Хэнкок дженерал». Передозировка наркотиков. Нам важно знать, что́ это за наркотик. Он уже погубил Джейн Доу и Зинию Варгас. Никос Бьяджи в коме. Я подумала, может, у вас есть какие-то мысли на этот счет.

– Почему у меня?

– Интуитивная догадка.

Он вдруг засмеялся. Кэт досадливо закусила губу.

– Надеюсь, судебно-медицинское экспертное бюро не строит свою работу на интуитивных догадках. В противном случае нашей системе расследования преступлений грозит большая беда.

Боковая дверь снова открылась, к ним вышла женщина. Вид у нее был удивленный. В остальном это была роскошная, ухоженная леди в красивом вечернем платье, расшитом золотой нитью. Оно переливалось в свете люстры. Золотистые локоны красавицы были разбросаны по плечам. Увидев Кэт, гостья Куонтрелла смерила ее оценивающим взглядом. Естественно, доктор Новак недотягивала до здешних стандартов.

– Адам, что-то случилось? – спросила она.

– Нет, – ответил тот, глядя на Кэт. – Деловые вопросы.

– А-а, – лучезарно улыбнулась женщина. – Между прочим, Перл уже подала суп. Нам бы не хотелось начинать без тебя.

– Прошу прощения, Изабель. Может, вы все-таки приметесь за суп? Мы с доктором Новак еще не все обсудили.

Женщина снова взглянула на Кэт.

– Если хочешь, мы поставим дополнительный стул для твоей… посетительницы.

Возникла неловкая пауза. Чувствовалось, Адам изыскивает все возможности, чтобы не усаживать незваную гостью за общий стол.

– Это излишне, – сказала Кэт.

Ей показалось, что на лице Адама мелькнуло облегчение.

– Я уйду, как только мы обсудим… все вопросы.

Изабель улыбнулась. Кажется, и она была обрадована.

– Ждем тебя, Адам, – сказала она и ушла через ту же дверь.

Адам и Кэт молча смотрели друг на друга.

– Продолжим разговор в кабинете, – предложил он и, резко повернувшись, открыл другую дверь.

Кэт последовала за ним.

Кабинет был чисто мужским пространством, куда обычно приглашают лишь близких друзей. Камин, стены, обшитые деревянными панелями. Место, где курят трубку и пьют коньяк. Кэт села на кожаный диванчик. Адам мерил шагами пол возле камина. Чем дольше она наблюдала за Куонтреллом, тем сильнее раздражалась. Ее раздражение не имело под собой никакой рациональной основы. И все равно Кэт оскорбило, что Адам не пригласил ее за общий стол. Естественно, она бы вежливо отказалась. Званый ужин не вечеринка, куда можно заявиться в чем угодно. Судя по изысканному наряду Изабель, меню тоже было тщательно продумано. Это вам не дружеская тусовка, когда на стол ставится все, что завалялось в холодильнике.

– Каким образом я связан с вашей интуитивной догадкой? – недовольным тоном спросил Куонтрелл. – С чего вы решили, что я могу что-то знать об этих трупах?

– Мне это подсказала книжечка сувенирных спичек из дорогого ресторана.

– Хлипкая основа.

– А еще появился новый наркотик, которого не было прежде.

– И что? – пожал плечами Адам.

– А то, что вы – президент фармацевтической корпорации «Сигнус». Ваша корпорация известна научно-исследовательскими разработками в области сильнодействующих препаратов. Совсем недавно «Сигнус» выпустил на рынок серию новых лекарств, содержащих опиаты.

– Мы производим не только их. У нас есть препараты, помогающие спортсменам снимать усталость в ногах.

– Есть другие причины.

– Да? – удивился Адам.

Когда он наклонял голову, его пшеничные волосы отражали свет настольной лампы.

– Пока не увидели труп, вы опасались, что эта Джейн Доу может оказаться вам знакома.

Куонтрелл замолчал. С лица напрочь исчезла насмешливость. Он сел, избегая смотреть на Кэт.

– Мистер Куонтрелл, кого вы предполагали увидеть?

– Человека… близкого человека.

– К чему такая секретность? Почему бы просто не сказать, кого вы боялись увидеть в холодильной ячейке?

– Есть вещи, которые я не намерен обсуждать. Особенно с чужими людьми.

– Тогда, быть может, поговорим о наркотике? Я уже сказала: он появился совсем недавно. Наркотик, который при газохроматографическом анализе выдает двухфазный пик. Он может быть частью какого-то нового лекарства, разрабатываемого вашей корпорацией? Компонентом, случайно или намеренно вышедшим за стены ваших лабораторий?

– Я не склонен к умозрительным рассуждениям.

Ответ Адама не удивил Кэт. Конечно не склонен. Иначе на него бы посыпался град обвинений и упреков. Шутка ли – производство смертельно опасных лекарств, одно из которых убивает наркоманов.

Он медленно поднял голову:

– Вы сказали, в морг привезли еще одну женщину.

– Да. Труп Зинии Варгас.

– Она… молодая?

– Около двадцати.

– Опишите, как она выглядит.

– Думаете, она вам знакома?

– Я всего лишь прошу вас описать ее внешность.

В его тоне ощущалось беспокойство. Кэт стало его жаль.

– Рост около пяти футов и четырех дюймов. Худенькая. Темно-каштановые волосы.

– Они могу быть крашеными?

Кэт подумала.

– Могут.

– А глаза? Какого цвета ее глаза?

– Светло-карие.

Опять молчание. Затем Адам пружинисто встал:

– Я бы хотел на нее взглянуть.

– Прямо сейчас?

– Если возможно. – Он выдержал взгляд Кэт. – Если вы окажете мне такую любезность.

Кэт тоже встала.

– А как же ваши гости? – спросила она, выходя вслед за Адамом в коридор.

– Поужинают без меня. Подождите здесь, пока я объясняю им свое исчезновение.

На этот раз Куонтрелл не стал закрывать дверь. Кэт увидела чопорно обставленную столовую и с полдюжины гостей. Кто-то с любопытством поглядывал на нее.

– Адам, мне тебя дожидаться? – услышала она вопрос Изабель.

– Лучше не стоит. Я не знаю, когда вернусь.

– Это крайне невежливо с твоей стороны.

– Ничего не поделаешь. Я должен ехать. Желаю вам приятного вечера. Мой винный погреб в вашем распоряжении, но будет неплохо, если вы оставите мне парочку бутылок.

Он похлопал по плечу одного из мужчин, махнул рукой остальным гостям и вышел, плотно затворив дверь.

– С формальностями покончено, – сказал он Кэт. – Можно ехать.

4

Лифт спустил их в подвал.

«Мне сегодня никак не уйти из морга», – подумала Кэт.

Вечером здесь было тихо, если не считать приемника, игравшего в комнате у дежурного. Музыка была уныла, агрессивна и начисто лишена мелодии. Кэт с Адамом прошли мимо открытой двери. Дежурный сидел, уложив ноги на стол, и пялился в эротический журнал.

– Привет, Вилли, – поздоровалась Кэт.

– Привет, док. – Дежурный чуть опустил журнал и улыбнулся ей. – Сегодня у нас тишина.

– Я поняла.

– Вы про это? – Вилли взмахнул журналом и захохотал. – Устал я смотреть на мертвых девчонок. Мне нужны живые и бойкие.

– Мы пройдем в холодильную камеру, – сообщила Кэт.

– Моя помощь нужна?

– Нет. Оставайтесь с вашими бойкими девчонками.

Кэт и Адам пошли по коридору. Одна из моргавших трубок дневного света погасла, создав на полу небольшое царство тени.

Невозможно было привыкнуть к ослепительно-яркому свету в холодильной камере. Вот и сейчас, щелкнув выключателем, Кэт зажмурилась. Затем подошла к рядам ячеек и выдвинула ящик с надписью: «ВАРГАС, ЗИНИЯ». Это тело, как все тела под простыней, казалось бесформенным, словно ком глины, из которого еще предстояло вылепить фигуру. Кэт вопросительно посмотрела на Адама.

Он кивнул.

Она откинула простыню.

Труп был похож на пластиковый манекен. Едва взглянув на Зинию Варгас, Адам с явным облегчением вздохнул. Напряжение схлынуло с его лица.

– Вы ее не знаете? – спросила Кэт.

– Нет. – Он сглотнул. – Никогда ее не видел.

Кэт быстро накинула простыню и задвинула ящик в ячейку.

– Мистер Куонтрелл, по-моему, самое время сказать правду. Кого именно вы ищете?

– Женщину, – помолчав, ответил он.

– Об этом я догадалась. Еще я знаю, что у нее светло-карие глаза. А волосы – либо светлые, либо рыжие. Теперь я хочу знать ее имя.

– Мэв, – тихо произнес Куонтрелл.

– Это уже что-то. А фамилия?

– Куонтрелл.

– Жена? Сестра?

– Дочь. Точнее, падчерица. Ей двадцать три года. Вы угадали: она блондинка со светло-карими глазами. Рост пять футов и пять дюймов. Вес – сто пятнадцать фунтов. Во всяком случае, столько она весила, когда я в последний раз ее видел.

– А как давно это было?

– Полгода назад.

– Она скрывается?

Адам дернул плечом, обтянутым смокингом.

– Скрывается, прячется. Называйте как угодно. Ей ничего не стоило взять и исчезнуть из виду. Если ей было не справиться с жизнью, она пряталась. Ее обычная реакция.

– Реакция на что?

– На все. На плохие отметки. На отношения с парнями. На смерть матери. На ее никудышного отчима.

– Насколько понимаю, вы не ладили?

– Да. – Адам устало провел по волосам. – Мне с нею было не справиться. Поначалу я думал, что смогу ввести ее в какие-то рамки. Твердая рука, дисциплина, которую теперь называют старомодной. Я пробовал воспитывать Мэв, как в свое время меня воспитывал отец. Я даже нашел ей работу, полагая, что достаточно будет пробудить в ней чувство ответственности, а дальше все пойдет в нужном русле. Пусть научится зарабатывать хотя бы на карманные расходы. – Он грустно покачал головой. – Не помню, сколько времени она там продержалась. Однажды она опоздала на целых два часа. Мало того, пришла с волосами, выкрашенными в фиолетовый цвет. Поцапалась с начальником, потом заявила, что эта работа ее достала, и вообще ушла. – Адам вздохнул. – Конечно же, ее уволили.

– Тогда вы ее видели в последний раз?

– Нет. Это было, когда я пригласил ее на ланч. Попытался восстановить отношения. Только примирения не получилось. Мы поссорились.

– И пригласили вы ее в ресторан «Этуаль» на Хилтон-авеню?

Адам кивнул:

– Мэв явилась в облегающем кожаном костюме и с зелеными волосами. С ходу оскорбила метрдотеля. Я заказал столик в секции для некурящих. Мало того что она демонстративно закурила, ее сигарета была с марихуаной. Диалог у нас не клеился. Она твердила, что у меня жалкие и никчемные ценности. Я не выдержал и сказал, что у нее не все в порядке с головой и это очевидный факт. Потом объявил о полном прекращении финансовой поддержки. И добавил: если она научится вести себя как взрослый, ответственный человек, я с радостью позволю ей вернуться в мой дом. В то время я сменил номер домашнего телефона. Устал от звонков разных проходимцев и психически неуравновешенных личностей. Номер я написал на той самой книжечке с картонными спичками и передал Мэв. На случай, если ей понадобится мне позвонить. Она ни разу не позвонила.

– А как спички оказались в чужих руках?

Он пожал плечами:

– Возможно, Мэв передала какой-нибудь своей подруге, а от той они попали к Джейн Доу. Не знаю.

– И с той встречи в ресторане вы ее не видели?

– Нет.

– А как к этому делу подключился Лу Сайкс?

– Я нанял частного детектива. Через некоторое время он сообщил, что Мэв часто появляется в Южном Лексингтоне. А там тогда работал сержант Сайкс. Я всего лишь попросил его приглядывать за ней. В качестве дружеской услуги. Ему показалось, что однажды он ее видел. С тех пор она как в воду канула.

Слова Адама звучали вполне правдоподобно. Этому человеку в элегантном смокинге богатство не преподнесли на блюдечке. И его желание, чтобы падчерица не росла бездельницей, тоже было вполне понятно.

«Но откуда у меня ощущение, что он сказал не всю правду?»

Куонтрелл смотрел не на нее, а на стену, словно боялся, что Кэт увидит его глаза.

– Мистер Куонтрелл, я понимаю, для вас это личная трагедия. Однако ваша история не уникальна. Во многих семьях проблемы с детьми. Почему вы побоялись рассказать об этом сразу? Зачем скрывали от меня эти сведения?

– Тема довольно… щекотливая.

– И только?

– А вам этого мало?

Адам резко повернулся и вызывающе посмотрел на Кэт. Она даже оторопела от его взгляда. Что же творится у него внутри?

Кэт тряхнула головой:

– Да, мне этого мало. Если бы вы с самого начала рассказали правду, думаете, это отразилось бы на вашем статусе? Я всего лишь государственная служащая. Вы же говорите с вашими слугами на щекотливые темы.

– Вас, доктор Новак, я едва ли представляю служанкой, – натянуто улыбнулся Куонтрелл.

– Может, вы хотите рассказать мне о Мэв еще что-нибудь? Какие-то мелкие подробности, о которых не сказали сразу.

– К вашей работе они не имеют никакого отношения.

Он отвернулся. Явный признак, что всей правды он не сказал. Теперь взгляд мистера Куонтрелла был сосредоточен на одной из холодильных ячеек.

– В таком случае у меня больше нет к вам вопросов, – развела руками Кэт. – Возвращайтесь к гостям. Если поторопитесь, еще успеете пропустить с ними по рюмочке бренди.

– Кто там лежит? – вдруг спросил он.

– Где?

– В той ячейке. Там почему-то тоже написано «Джейн Доу».

Кэт присмотрелась к табличке: «372-3-27-В».

– Труп еще одной женщины. Привезли к нам неделю назад. Должно быть, ею занимался Кларк.

– Какой Кларк?

– Мой коллега-эксперт. Он сейчас в отпуске.

Адам глотнул воздуха.

– Вы позволите…

Кэт кивнула и молча выдвинула ящик из ячейки.

В помещение ворвались облачка холодного пара. Кэт ощутила свое всегдашнее нежелание откидывать простыню и открывать тело. Этой Джейн Доу она не видела. Приготовившись к худшему, она отвернула простыню.

Женщина была просто красавицей. Недельное заточение в ящике из нержавеющей стали ничуть не сказалось на блеске ее волос. Волосы у покойницы были ярко-рыжие, густые и длинные, разбросанные по плечам. Кожа оставалась мраморно-белой. Должно быть, при жизни она гордилась своей безупречной кожей. Глаза под густыми ресницами были

полуоткрыты. Серые глаза. Туловище уродовал зашитый Y-образный разрез – отвратительное следствие любого вскрытия.

Кэт взглянула на Адама. Он покачал головой:

– Можете убирать. Это не она.

Кэт задвинула ящик в ячейку.

– Кем же была эта женщина? – спросила Кэт, будто рассуждала вслух. – Она не похожа на наших обычных Джейн Доу. Вероятно, с нею случилось что-то другое.

– Разве вы не знаете, как она умерла?

Кэт поразило, насколько уместен этот негромкий вопрос Адама.

– Идемте посмотрим ее дело.

Папку они нашли на письменном столе в кабинете Кларка среди груды отчетов, ожидавших завершения. К ним скрепками были пришпилены листы с результатами анализов, полученных из центральной идентификационной лаборатории.

– У этой Джейн Доу есть настоящее имя, – заметила Кэт. – Ее нашли по отпечаткам пальцев. Ее звали Мэнди Барнетт. Кларку, как всегда, было некогда заменить табличку.

– Почему ее нашли по отпечаткам пальцев?

Кэт перевернула страницу.

– Потому что эта женщина попадала в поле зрения полиции. Кражи в магазинах. Проституция. Пьянство в общественных местах. Внешность бывает обманчивой, – улыбнулась Кэт, поднимая глаза на Адама.

– И все-таки что явилось причиной смерти?

Кэт снова открыла папку и нашла записки Кларка. Он писал впопыхах. К тому же у него был типичный почерк врача: неразборчивый, с недописанными буквами. «Труп обнаружен двадцать седьмого марта, в два часа тридцать пять минут ночи. Место обнаружения – женский туалет бара „Джиллис“, близ Флешнер-авеню».

Кэт оторвалась от чтения.

– Это Бельмид. Я там живу.

Она перевернула страницу.

– «Внешних травм и повреждений не обнаружено… результаты токсикологического анализа ожидаются. По данным полиции, рядом с телом был найден пустой флакон из-под таблеток фиоринала. Заключение: причиной смерти явился кардиопульмональный шок, вызванный, скорее всего, передозировкой барбитурата».

– А результаты токсикологических анализов уже есть?

Кэт открыла ящик курьера, порылась там.

– Ничего не нашла. Наверное, еще не поступали. – Она захлопнула папку. – Этот случай выпадает из общей цепи. Бельмид – совсем другое место. Там тоже есть наркоманы, но они потребляют наркотики подороже.

– Значит, все остальные были из Южного Лексингтона?

– Да. Джейн Доу нашли возле «муниципалки». Зинию Варгас тоже. Никоса Бьяджи обнаружили чуть дальше, на Ричмонд-стрит. Это почти рядом со старыми подъездными путями. Но все равно район один.

– Смотрю, вы хорошо знаете те места.

– Слишком хорошо. – Кэт бросила папку с делом Мэнди Барнетт обратно на стол. – Я там выросла.

– Вы? – удивленно переспросил Адам.

– Да.

– Но как вы…

Адам умолк. Наверное, подыскивал деликатную словесную оболочку для своего вопроса.

– Вы хотели спросить, как меня занесло в такое место? Очень просто. Там жила моя мать. И там же она умерла.

– В таком случае вы знаете местных жителей.

– Кое-кого знаю. Но население Южного Лексингтона постоянно меняется. Те, кто могут оттуда уехать, уезжают. Это как громадный болотистый пруд. Вы либо доплываете до берега и выбираетесь на сушу, либо глубже застреваете в иле.

– Вы выплыли.

– Мне повезло, – пожала плечами Кэт.

Адам смотрел на нее так, словно видел впервые.

– В вашем случае, доктор Новак, я думаю, везение ни при чем.

– Не то что у некоторых, – сказал она, кивая на его смокинг и дорогую рубашку.

– Да. Может показаться, кому-то везет чуть ли не с пеленок.

Они поднялись наверх и вышли из здания. Улица встретила их холодным ветром. Где-то в темноте, постепенно удаляясь, грохотала пустая алюминиевая банка.

К моргу Адам и Кэт приехали каждый на своей машине и теперь стояли посередине, словно им не хотелось расставаться.

– Возвращаясь к нашему разговору… когда вы сказали, что у вас остались знакомые в Южном Лексингтоне…

Адам замолчал. Кэт ждала, затаив дыхание. И чего она так волнуется?

– Я осмелюсь… попросить вас о помощи.

– О какой именно?

– Я хочу найти Мэв.

«Значит, ему нужна моя помощь, – подумала Кэт. – Я его не интересую».

Ее это вовсе не должно было задеть, но почему-то задело.

– Лу Сайкс хороший коп. Уж если он не в силах найти Мэв…

– То-то и оно, что он коп. А копам там не доверяют. Мэв он сразу насторожит. Подумает еще, что он собирается ее арестовать или насильно привезти ко мне.

– А чего вы вообще хотите?

– Чтобы она была жива и здорова. Больше ничего.

– Поймите, Адам, Мэв совершеннолетняя. Она вправе сама принимать решения.

– А если это сумасбродные решения?

– Какими бы они ни были, это ее решения. И ей за них отвечать.

– Вы тоже поймите. Я дал слово ее матери. Пообещал, что Мэв не останется без присмотра. И чего я добился? – Он вздохнул. – В довершение ко всему я теперь вынужден ее искать.

– Но вдруг Мэв не хочет, чтобы вы ее нашли?

– Тогда пусть скажет мне это в лицо. Но вначале ее надо найти. И так получилось, что вы единственная, кому знаком Южный Лексингтон.

Кэт засмеялась:

– Вряд ли вашим сегодняшним гостям захотелось бы там побывать. Даже ради любопытства.

– Я буду вам очень признателен. Честное слово. Просто покажите мне это место. Познакомьте с людьми. Потраченное время я вам компенсирую. Только скажите сколько.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Кэт. Она подошла ближе, дерзко задрав голову. – Вы собираетесь мне платить?

– Но я же должен отблагодарить вас за услугу.

– Забудьте о деньгах. Я врач, Куонтрелл. Не дворецкий, не повариха. Врач, которому платят за работу.

– Одно другому…

– Я не нуждаюсь в подработке. Если я помогаю друзьям… это не значит, что вы входите в их число… но если я помогаю друзьям, то по-дружески. Бесплатно.

– То есть вы делаете это по доброте душевной. Я буду вам искренне признателен. В высшей степени благодарен… Я всерьез нуждаюсь в вашей помощи, – тихо добавил он.

Если рассуждать философски, Кэт была готова помочь ближнему. Разве можно отказать отцу, разыскивающему свою непутевую дочь? Но отцы бывают разные, и этот папаша не вызывал у нее горячих симпатий и желания помочь.

Тем не менее…

– Поехали, Куонтрелл, – сказала она, распахивая дверцу своей машины.

– В вашей машине?

– Да. Потому что ваш новенький «вольво» – отличная приманка для местных пакостников. Вам нужны царапины и вмятины? Думаю, что нет. Поэтому я предлагаю ехать на моей машине.

– В Южный Лексингтон?

– А куда же еще? Вы хотите познакомиться с тем местом. Я знаю кое-кого, с кем вы можете поговорить. Эти люди в курсе местных новостей.

Адам переминался с ноги на ногу.

– Вам нужны приключения? – спросила Кэт.

Он обвел взглядом ее потрепанный «субару» и пожал плечами.

– Если вы так считаете… – пробормотал он, забираясь в салон.

Вечером Южный Лексингтон выглядел совсем по-другому. Все, что днем казалось просто убогим и унылым, в темноте приобретало угрожающий вид. Переулки уходили словно бы в никуда. Точнее, туда, где таятся мыслимые и немыслимые опасности.

Кэт остановилась возле уличного фонаря. Она не торопилась выходить из машины, наблюдая за тротуаром и домами. На ближайшем углу толпилась стайка подростков. С виду – вполне безобидные ребята, охваченные обычной для весны потребностью тусоваться.

– Вроде все спокойно, – сказала Кэт. – Можем выходить.

– Я полагаюсь на вашу осведомленность.

Они вышли из машины и двинулись по тротуару к пятой высотке. Увидев чужаков, подростки мгновенно насторожились. Поймав их колкие взгляды, Адам взял Кэт за руку. Дальше они шли почти вплотную.

Дверь парадной не запиралась. Сама парадная ничуть не изменилась. Обшарпанные стены, коричневый синтетический ковер, скрывающий ржавые пятна на бетоне. Половина лампочек перегорела, и их никто не торопился менять. Граффити на стенах стали техничнее и намного приземленнее, даже агрессивнее.

Лифт, как и в прежние времена, не работал. Табличка с надписью «НЕИСПРАВЕН» успела выцвети.

– Сколько помню, он никогда не работал, – сказала Кэт. – Но подниматься не так высоко. Всего на пятый этаж. Идемте по лестнице.

На ступенях валялись сломанные игрушки и окурки. Перила, когда-то гладкие, были испещрены вырезанными инициалами. За стенами квартир плакали младенцы, оглушительно орали приемники и телевизоры. Какая-то женщина ругалась на своих детей. И над всем этим хаосом звуков плыл чистый хрустальный девичий голос, исполнявший старинный гимн «О благодать, спасен тобой...». Голос возвышался над остальными звуками, словно собор над руинами. С каждым лестничным маршем голос звучал все громче. Удивительнее всего, что он раздавался из-за двери, возле которой остановилась Кэт.

Кэт постучала.

Пение смолкло. Послышались шаги. Дверь приоткрылась на длину цепочки. На пороге стояла девочка-подросток с лицом цвета кофе мокко и наивными глазами.

– Белла? – удивилась Кэт.

Улыбка на лице девочки была яркой, как солнце.

– Кэт! – закричала она, сдергивая цепочку. – Папа Эрл! К нам Кэт приехала!

– Не подгоняй меня, – послышался из соседней комнаты ворчливый старческий голос. – Все равно не побегу, Кэт там или не Кэт.

– Кости у него болят, – смущенно поглядывая на гостей, пояснила Белла. – А в такую погоду особенно. Он сегодня не в духе...

– Кто это не в духе? – недовольным тоном спросил Папа Эрл, появляясь в комнате.

Он двигался медленно, шаркал, наклонив вперед голову. Волосы, некогда черные как уголь, почти целиком поседели.

«Здорово он постарел», – с грустью подумала Кэт.

Ей почему-то казалось, что над этим человеком годы не властны.

Кэт обняла его. И снова ощущение, будто она обнимает незнакомца. Папа Эрл стал ниже ростом и сильно высох.

– Здравствуй, Папа Эрл, – сказала Кэт.

– Наконец-то сподобилась, – проворчал он. – А то уже два года… нет, три, и ни слуху ни духу.

– Папа Эрл, но Кэт все-таки приехала.

– Наверное, совесть загрызла.

Кэт засмеялась и взяла его руку. Кожа да кости.

– Как жизнь, Папа Эрл? Я тебе посылала пальто. Ты его получил?

– Что еще за пальто?

– Сам знаешь, что за пальто, – упрекнула его Белла. – Длиннополое. Ты носил его всю зиму.

– А-а. Так бы сразу и сказала.

Белла снова вздохнула.

«Сама знаешь, в каком он состоянии», – говорил ее взгляд.

– Папа Эрл любит твое пальто.

– Папа Эрл, я приехала не одна, – сказала Кэт.

– А с кем?

– Его зовут Адам. Он стоит перед тобой.

Она осторожно повернула старика лицом к Адаму. Папа Эрл протянул руку. Только сейчас Адам увидел, что глаза старика покрыты молочно-белой пленкой. Катаракта.

Адам крепко пожал протянутую руку:

– Здравствуйте, Папа Эрл.

Папа Эрл громко хмыкнул:

– Поди дураком себя чувствуете? Негоже большому человеку называть такую козявку, как я, Папой Эрлом.

– Ошибаетесь, сэр. Я рад знакомству с вами.

– И с какой такой радости вы явились сюда вместе с нашей Катриной?

– Папа Эрл, он мой друг.

Старика это немного озадачило.

– Вот оно что.

– Я решила познакомить Адама с тобой. Может, ты ему поможешь. Он разыскивает… женщину.

Седая голова Папы Эрла поднялась. Невидящие глаза уперлись в Кэт.

– Откуда мне ее знать?

– Ты знаешь все, что происходит в «муниципалке».

– Давайте-ка сядем, – сказал старик. – А то эти кости меня доконают.

Они прошли в кухню. Как и вся квартира, кухня была обшарпанная, явно не знавшая ремонта. Линолеумные шашки возле раковины отклеились и загнулись. Пестрые пластиковые поверхности изобиловали щербинами и сколами. Плита и холодильник были как в старом ситкоме вроде «Предоставьте это Биверу». За столом сидел Энтони, внук Папы Эрла. Склонившись над тарелкой, парень сосредоточенно поглощал спагетти. Гостей он едва удостоил взглядом.

– Энтони! – рявкнул на него Папа Эрл. – Ты что, даже не хочешь поздороваться с твоей нянькой?

– Привет, – буркнул Энтони и зачерпнул новую порцию спагетти.

Характеры внуков Папы Эрла ничуть не изменились. Кэт вспомнила, как вечерами сидела с ними, пока Папа Эрл работал. Тогда старик еще видел. Брат и сестра. Близнецы. Одинаковый цвет кожи, одинаковые лица с высокими скулами. Но в остальном они различались, как свет и тьма. Белле стоило улыбнуться, и в комнате становилось тепло. А вот Энтони умел заморозить одним взглядом.

Папа Эрл двигался по кухне с уверенностью зрячего.

– Голодные? – спросил он гостей. – Перекусить хотите?

Видя, как Энтони жадно схватил банку с томатным соусом, Кэт и Адам почти хором ответили:

– Нет, спасибо.

Гости сели рядом. Папа Эрл – напротив. Он еще не утратил привычки смотреть на лица собеседников.

– Так что за женщину вы ищете?

– Ее зовут Мэв Куонтрелл, – сказала Кэт. – Мы предполагаем, что она живет в одном из домов «муниципалки».

– А ее фото у вас есть?

Кэт вопросительно посмотрела на Адама.

– Да. Есть.

Он полез в бумажник и выложил моментальную фотографию.

Помня рассказ Адама, Кэт ожидала увидеть дерзкую девицу в облегающем черном кожаном наряде и с разноцветными волосами. Но со снимка на нее смотрела худенькая блондинка. Вполне домашняя девочка из тех, что на школьных балах застенчиво стоят по углам.

– Белла! – окликнул внучку Папа Эрл.

Белла потянулась к снимку:

– Ой, какая красивая. Блондинка. На вид робкая.

– Сколько ей? – спросил Папа Эрл.

– Двадцать три, – ответил Адам. – Сейчас она выглядит по-другому. И волосы, наверное, выкрасила в какой-нибудь безумный цвет. Да и косметики на лице хватает.

– Энтони! Ты, случаем, не видел похожей девчонки? – спросил Папа Эрл.

Энтони мельком взглянул на фото и пожал плечами. Потом встал, отнес пустую тарелку в раковину и вышел из кухни. Вскоре шумно хлопнула дверь квартиры.

– Совсем парень одичал, – вздохнул Папа Эрл. – Уходит и приходит когда вздумается. И что с ним дальше будет?

– Кто она? – спросила Белла, разглядывая фото Мэв.

– Моя дочь.

Папа Эрл понимающе кивнул:

– Значит, разыскиваете свою девчонку.

– Да.

– Зачем?

Чувствовалось, Адама удивил вопрос старика.

– Потому что она – моя дочь.

– Но она от вас сбежала. Не хочет, чтобы ее нашли. Такую девчонку вы никогда не разыщете, если только она сама не вернется к вам.

– Хотя бы… – Адам устало опустил голову, разглядывая тусклый линолеум. – Хотя бы знать, что с ней все в порядке.

Папа Эрл задумался. Никто не догадывался, какие мысли бродят в его голове. Глаза, скрытые катарактой, ничего не выдавали.

– Вам бы надо с Джоной поговорить, – наконец сказал он.

– С Джоной? – переспросила Кэт.

– Он теперь большой человек.

– И давно?

– Уже год. Сменил Берто, когда тот… закруглился. Тут что ни случается, все проходит через Джону.

– Спасибо, – поблагодарила старика Кэт. – Мы к нему обратимся.

Она уже хотела встать, но вспомнила о других вопросах.

– Папа Эрл, а тебе знаком парень по имени Никос Бьяджи?

Старик наморщил лоб:

– Да, слышал о нем.

– А Зинию Варгас знаешь?

– Тоже вроде знакомое имя.

– Ты слышал, что она умерла?

– У нас постоянно кто-то умирает, – вздохнул Папа Эрл. – Умерла и умерла. Не бери в голову.

– Папа Эрл, она не просто умерла. Они с Никосом оба принимали наркотик. Где-то в «муниципалке» есть точка, откуда этот наркотик расходится и убивает людей.

Старик молчал. Он сидел, глядя на Кэт невидящими глазами.

– Если ты что-то услышишь... все, что может быть с этим связано, позвони мне. – Кэт положила на стол свою визитку. – Мне нужна помощь.

Папа Эрл взял карточку, ощупал черные рельефные буквы: «КЭТ НОВАК, ДОКТОР».

– Ты по-прежнему работаешь на город? – спросил он.

– Да. Судмедэкспертом.

– Не понимаю я тебя, Катрина. Врач, а возишься с мертвецами.

– Я стараюсь узнать, почему они умерли.

– Ну узнаешь, а им-то что? Им уже все равно. Тебе бы в больнице работать. Или открыть здесь свой кабинет. Твоя мама этого хотела.

Кэт вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд Адама.

«Черт бы тебя подрал, Папа Эрл, – подумала она. – Приберег бы свои нотации на следующий раз».

– Мне моя работа нравится, – сказала она. – В больнице я бы не выдержала.

Папа Эрл смотрел на нее с каким-то грустным пониманием.

– Тебе ведь тогда досталось. Столько месяцев возилась со своей матерью...

Кэт встала:

– Папа Эрл, спасибо за помощь. Нам пора.

Белла с дедом проводили их до двери. В гостиной ничего не изменилось. Стулья стояли на своих обычных местах. Папа Эрл двигался, не задевая их, как летучая мышь с ультразвуковым локатором.

– Надеюсь, в следующий раз приедешь не через три года, а пораньше, – сказал он на пороге квартиры.

– Конечно пораньше, – ответила Кэт, понимая, что это отговорка.

«Если я сама в это не верю, с какой стати он должен мне верить?»

Они спускались вниз, перешагивая через те же ломаные игрушки и окурки. Запахи дома, перекликающиеся телевизоры, детские вопли – все это поднималось вверх, одновременно пробуждая в Кэт лавину воспоминаний. Когда-то она играла на этих ступеньках. Когда-то сидела у двери своей квартиры, подтянув колени к подбородку. И ждала. Ждала, когда мать успокоится. Когда стихнут ее рыдания и слова, полные злобы и отчаяния. Память подбрасывала Кэт все новые и новые эпизоды. Нет, не напрасно она выжидала долгих три года, прежде чем вернуться сюда.

На площадке третьего этажа Кэт ненадолго задержалась, глядя на дверь своей бывшей квартиры 3Н. Новые жильцы перекрасили дверь. Тогда она была зеленой, теперь – ярко-оранжевой. В двери появился глазок. Внутри тоже все поменялось. Другие люди. Другой мир.

Адам осторожно взял ее за руку:

– Почему вы остановились?

– Просто так, – устало засмеялась она. – Слава богу, даже в этом мире что-то меняется.

Она пошла дальше. Адам шагал совсем рядом.

«Слишком близко. Слишком личностно. Будто вторжение в мое пространство. В мою жизнь».

– Значит, ваше настоящее имя Катрина?

– Меня больше устраивает Кэт.

– Катрина – красивое имя. Но оно плохо сочетается с фамилией Новак.

– Новак – моя фамилия по мужу.

– Я не знал, что вы замужем.

– Была. Полгода назад окончательно развелась.

– И оставили фамилию бывшего мужа? – удивился Адам.

– Поверьте, не из любви. Эта фамилия устраивает меня больше, чем Ортис. Я не похожа на Ортис.

– Чем именно? Зелеными глазами? Или веснушками на носу?

Кэт снова остановилась и повернулась к нему:

– Вы всегда замечаете цвет женских глаз?

– Нет, – улыбнулся он.

Она почему-то подумала, что Адам провел немало времени перед зеркалом, репетируя свою улыбку.

– Но цвет ваших я заметил.

– Мне повезло, – усмехнулась Кэт.

– Поясните мне слова Папы Эрла, – попросил Адам. – Кто этот Джона? И почему он «большой человек»?

– Можно сказать по-другому. Большой начальник. Или главный начальник. Человек, отвечающий за эту территорию. Долгие годы эта должность принадлежала Берто, но он, надо понимать, умер. Теперь власть перешла к Джоне. Он следит за порядком. Разбирает претензии соперничающих шаек. Если вам нужна помощь, если у вас есть вопросы, все это решается через большого человека.

– Понятно. Что-то вроде неофициального мэра Южного Лексингтона.

– Вот-вот.

Они вышли в темноту. Пахло ветром и дождем. Набежавшие облака закрыли луну.

– Время уже позднее, – сказала Кэт. – Пора выбираться отсюда.

Они успели пройти всего несколько шагов, когда оба вдруг замерли, оторопело глядя на пустое пространство под фонарем.

От ругательства, вырвавшегося из уст Кэт, поморщился бы и просоленный морской волк.

5

Ветер приносил из темноты всплески хохота.

Обернувшись, Кэт увидела все ту же компанию подростков, толкавшихся на углу. Они смотрели в ее сторону и гоготали.

«Чертовы недоумки. По их идиотскому мнению, это очень смешно».

Дрожа от ярости, она двинулась к ним.

– Эй! – крикнула она. – Эй, вы!

Адам схватил ее за руку, пытаясь удержать.

– По-моему, это дурная затея, – прошептал он.

– Пустите меня.

– Если вдуматься, это просто ужасная затея.

– Я хочу вернуть свою машину, – сказала Кэт, вырывая руку.

Злость придала ей необходимую скорость. Кэт почти мгновенно оказалась на углу. Подростки смотрели на нее, не двигаясь с места.

– Ладно, пошутили и хватит. Где она?

– Вы о ком, леди?

– О моей машине, придурок!

– У вас была машина? – голоском наивного ребенка спросил парень.

– Эта машина гроша ломаного не стоит, – игнорируя его клоунаду, продолжала Кэт. – Неужели кому-то хочется попасть в тюрьму из-за такого хлама? Так что возвращайте мне машину, и тогда, пожалуй, я не стану вызывать копов.

Часть подростков нырнула в темноту. Остальные – человек шесть – встали полукругом. Только сейчас Кэт заметила, что рядом с ней, плечом к плечу, стоит Адам.

«Удивительно. Не драпанул в своем смокинге».

Наверное, она его недооценивала.

Подростки смотрели на нее, ожидая увидеть страх. Кэт по собственному опыту знала, как устроены мозги таких парней. Стоит только повернуться к ним спиной, показать хоть малейший испуг, и они накинутся стаей.

– Я требую вернуть мне машину, – с расстановкой произнесла Кэт.

– А иначе что? – спросил один парень.

– А иначе мой друг очень разозлится, – ответила она, кивая на Адама.

Все повернули головы к нему.

«Куонтрелл, не сердитесь на меня за этот маленький блеф».

Адам стоял не шелохнувшись. Крепкий, как стена.

Еще двое парней слиняли в темноту. Оставшиеся четверо начинали нервничать.

– Вам все равно не видать своих колес, – сказал один.

– Это почему?

– Угнали ее – вот почему. Не мы.

– А кто?

– Репо. Есть тут такой чувак. Открыл дверцу – и тю-тю. Так что, леди, отъездились вы на своей тачке.

Это вполне было похоже на правду.

– Я проиграла, – шепнула она Адаму. – Идемте.

– Я думал, вы будете стоять до конца.

Соблюдая предосторожность, они двинулись в обратный путь к пятой высотке. Кэт рассчитывала снова зайти к Папе Эрлу и позвонить в полицию. Что касается ее «субару», машина была застрахована.

Все внимание Кэт было поглощено оставшейся четверкой. Опасаясь нападения со спины, она не услышала шагов. А их уже ждали. Едва они поднялись на крыльцо пятой высотки, из темноты выступили двое, преградив им путь.

– Дайте нам пройти, – приказала Кэт.

Парни не шевельнулись.

– Вас просят отойти в сторону, – спокойным тоном произнес Адам. – Отойдите, и у вас не будет неприятностей.

Парни засмеялись. Они смотрели не на нее, а в пространство за ее спиной.

Она успела повернуться и увидеть третьего.

Третий что есть силы толкнул Адама. Адам, не удержав равновесия, рухнул на колени. Двое словно ждали этого момента. Один ударил Адама кулаком в челюсть. Адам успел выставить руку и блокировать второй удар.

Кэт закричала. Не от страха. От новой волны охватившей ее злости. Тому, кто был ближе, она врезала по скуле. Пальцы обожгла боль, но Кэт с торжеством смотрела, как сопляк зашатался.

К этому времени Адам успел вскочить и ударить второго парня. Третий дубасил его по спине. Развернувшись, Адам сбил нападавшего с ног. Парень откатился на несколько футов, затем сел на корточки. В руке что-то блеснуло. Нож, открывающийся нажатием кнопки.

– У него нож! – крикнула Кэт.

Внимание Адама мгновенно переключилось на серебристое лезвие. Он забыл о втором противнике, а тот нанес ему удар. Они оба упали. Парень, оказавшийся сверху, был в более выгодном положении.

Подросток с автоматическим ножом двинулся к ним.

Кэт успела его перехватить. Она испытала злорадное удовольствие, въехав этому сосунку сапогом по колену. Парень со стоном упал, однако нож не бросил.

Она никак не ждала удара в спину. Удар был сильным.

«Никак четвертый? – подумала она. – Сколько же их, тварей?»

Кэт упала на колени. Ее схватили за руки, грубо откинули волосы, обнажив горло. Рядом очутился парень с ножом.

– Нет! – крикнул Адам. – Не трогайте ее!

Лезвие, приставленное к горлу Кэт, застыло. Боковым зрением она видела Адама, рвавшегося к ней. Чувствовалось, он всерьез испугался. Но с троими Адаму было не справиться. Двое висели у него на руках. Третий с изощренным садизмом ударил его по ребрам. Адам согнулся от боли.

– Оставьте ее, – прохрипел он.

– Мы тебя не зарежем, – шепнул парень, наклонившись к уху Кэт. – Во всяком случае, не сегодня. Но ты от этих мест держись подальше. Усекла, полицейская ищейка? Она не хочет, чтобы ее нашли.

– Ошибаешься. Я не работаю в полиции, – выдохнула Кэт.

Острый кончик лезвия пропорол ей кожу. По шее потекла кровь. И вдруг парень убрал нож. Ее волосы тоже отпустили. Она стояла на коленях, с громко стучащим сердцем. Ужас сдавил ей горло. Кэт потрогала шею. На пальцах осталась кровь.

– Я думала, у тебя рука не поднимется меня порезать, – преодолевая страх, бросила она.

– Чего? – захохотал парень с ножом. – Ты еще не знаешь, как режут. А это был всего лишь легкий поцелуй.

Он махнул дружкам: пора сваливать. Те ловко выхватили у Адама бумажник, после чего исполосовали ему смокинг. Сумочку Кэт они тоже забрали.

– Считайте, что на этот раз легко отделались, – сказал парень с ножом.

От толчка в плечо Кэт растянулась на тротуаре, густо усыпанном битым стеклом.

– Никакая треклятая машина того не стоит, – сказал Адам, осторожно прижимая к щеке мешок со льдом.

Левая половина его лица распухла. На рассеченной брови запеклась кровь. Его смокинг, такой элегантный и безупречный в начале вечера, превратился в лохмотья.

Сейчас он ничем не отличался от прочей публики, заполнявшей комнату ожидания в отделении экстренной помощи больницы «Хэнкок дженерал». Здесь сидели жертвы драк и обострившихся болячек. Кашляли подростки, протяжно вопили младенцы. Все смиренно дожидались своей очереди.

– Каждый, у кого есть крупица здравого смысла, знает, когда драться, а когда уносить ноги, – продолжал Адам. – В этой ситуации нужно было бежать.

– Что ж вы не убежали? – огрызнулась Кэт.

– Ну да, и оставить вас один на один с этим сборищем подонков?

– Спасибо. Я вам искренне признательна.

– Должен сказать, меня ничуть не вдохновляла перспектива погибнуть из-за какого-то старого «субару».

– А мне моя машина нравилась, – пробормотала Кэт. – Моя первая неподержанная машина.

– Она вполне могла оказаться первой и последней.

В комнату ожидания приковылял мужчина. Он успел обвести взглядом очередь и тут же потерял сознание. К нему выскочили санитары, погрузили на каталку и куда-то увезли. Присутствующие неодобрительно засопели, предчувствуя, что это надолго, а значит, им придется дольше ждать своей очереди.

– В следующий раз я куплю вам новую машину, – сказал Адам.

– Я в состоянии сама купить себе машину, – возразила Кэт. – Просто не люблю, когда меня подобным образом «облегчают».

В комнату ожидания вышла медсестра. Кэт, как и все остальные, с надеждой смотрела на нее.

– Уж лучше так, чем быть избитым до полусмерти, – сказал Адам. – Я до сих пор поверить не могу, что у них хватило наглости. Примитивное, заурядное ограбление.

– На нас напали не из-за машины. Неужели вы до сих пор не поняли? Машину угнал какой-то отморозок. А эти разобрались с нами по другому поводу.

– Новак! – выкрикнула медсестра.

– Это я.

Кэт встала.

– Идемте со мной.

– Погодите! – Адам отбросил мешок со льдом. – Как это не из-за машины? А из-за чего эта шантрапа устроила потасовку?

– Из-за вашей дочери, – ответила Кэт, уходя вслед за медсестрой.

Адам пошел с ними в обшарпанный кабинет.

– А вы, сэр, обождите снаружи, – велела ему медсестра.

– Он со мной, – сказала Кэт.

Медсестра посмотрела на распухшее лицо Адама, затем на синяк под глазом Кэт.

– Охотно верю.

Она подала Кэт большую бумажную салфетку:

– Ложитесь на стол и прикройте кофточку, чтобы кровью не забрызгать.

– Уже забрызгала.

Кэт легла на стол. Медсестра принялась обрабатывать порез на шее. Кэт морщилась. Бетадин обжигал сильнее, чем лезвие ножа.

– Почему вы думаете, что это как-то связано с Мэв? – спросил Адам.

– А мне наш друг с ножичком в ушко нашептал.

– Не ерзайте, – прикрикнула на Кэт медсестра.

– Он мне сказал: «Держись от этих мест подальше, полицейская ищейка. Она не хочет, чтобы ее нашли». Его слова навели меня кое на какие мысли. Во-первых, парень умом не блещет. Извилин не хватает, чтобы понять, кто полицейские в штатском, а кто простые люди. Во-вторых, это его предостережение. «Она не хочет, чтобы ее нашли». Как вы думаете, кто эта «она»?

– Мэв, – прошептал ошеломленный Адам.

В кабинет вошел дежурный врач, чем-то похожий на доктора Майкла Дица, но еще более усталый и всклокоченный. И у него тоже был взгляд солдата, ведущего нескончаемую войну. Сколько времени длилась его смена? К скольким телам успели прикоснуться его уставшие руки? Врача звали Фолькер. Так значилось на его бедже.

– Чем поранились? – спросил он.

– Ножом с автоматическим лезвием.

– Вас пытались убить?

– Нет, это был несчастный случай.

– Хорошо, – вздохнул доктор Фолькер. – Глупых вопросов задавать не стану.

Он повернулся к медсестре:

– Набор для наложения швов. Трех швов будет достаточно. И дайте мне ксилокаин.

Местная анестезия. Кэт слегка дернулась, когда игла шприца проколола ей кожу. Через несколько минут лекарство начнет действовать.

– Не верю, что Мэв способна на такое, – все не мог успокоиться Адам. – Пусть у нас с ней разные взгляды на жизнь. Но чтобы подговорить своих дружков напасть на нас…

– С чего вы решили, что на вас? Она вообще не знала, кто мы такие и почему спрашиваем о ней. Возможно, обошлось бы и без этого спектакля, если бы мы сразу сказали Энтони, что вы ее отец.

– Вы считаете, Энтони ее предупредил?

– Помните, как спешно он ушел? Это потом вы сказали, кем приходитесь Мэв. Наверное, Энтони побежал прямо к ней.

– А она свистнула свою шайку и попросила разобраться с излишне любопытной парочкой.

– Веселая же у вас жизнь, – проворчал врач, накладывая первый стежок.

– Должно быть, Мэв чем-то напугана, – сказала Кэт, не обращая внимания на слова врача. – Иначе зачем посылать свою гвардию при первом появлении незнакомцев?

Вид у Адама был встревоженный.

– Чего она боится? Что вы забыли мне рассказать?

– Она в беде, – сказал он, тряхнув головой.

– Что это за беда?

Адам опустился на ближайший стул, ощупывая свое избитое лицо.

– Та же беда, что и у Джейн Доу? – спросила Кэт. – У Зинии Варгас и Никоса?

– Возможно, – глухо ответил Адам.

Чувствовалось, с какой неохотой он выдавил из себя одно-единственное слово.

– А может, это как-то связано с корпорацией «Сигнус»? С каким-нибудь «чудо-лекарством», которое сейчас разрабатывается?

– Ну зачем сразу обвинять «Сигнус»? – рассердился Адам. – Вы еще не получили ни одного анализа! Вы даже не знаете, какой дрянью травилась вся эта подзаборная наркота!

– А вы знаете?

Адам открыл рот, но говорить не стал, заметив заинтересованность на лицах врача и медсестры.

– Вы собираетесь накладывать ей швы или нет? – накинулся он на доктора.

– Я так надеялся услышать конец этой истории, – признался тот.

Он наложил последний шов и обрезал нитку.

– Все готово. Через пять дней приходите снимать.

– Спасибо, это я умею и сама.

Кэт села. Стены кабинета покачивались, словно она сидела в лодке. Пришлось немного обождать, пока окружающий мир обретет неподвижность.

– Когда вам делали последнюю прививку против столбняка? – спросил врач.

– Два года назад. Я постоянно прививаюсь.

– Сутки это место не мочите. Дважды в день протирайте раствором перекиси. Если заметите покраснение или почувствуете жар, позвоните.

Кэт расписалась на бланке.

– Но мы всегда рады вас видеть, – бросил ей врач, открывая соседнюю дверь. – С удовольствием послушаю еще какую-нибудь историю.

Они вышли в больничный вестибюль. Кэт ждала, пока Адам позвонит себе домой. Естественно, за счет вызываемого абонента. «Гвардия» Мэв

обчистила их до последнего цента. Внезапное безденежье заставило Кэт ощутить собственную беспомощность. В кассе она была вынуждена сказать, что пришлет оплату почтой. Кассирша даже не удостоила ее ответом. Только кивнула. К чему тратить слова на тех, у кого при себе нет даже десяти долларов?

– Томас выезжает, – сказал Адам, вешая трубку. – Мы довезем вас домой.

– Кто такой Томас?

– Некто вроде Пятницы. Думаю, ему не понравится, когда он увидит остатки смокинга. Он его так старательно наглаживал.

Кэт оглядела свою измятую кофточку:

– Наверное, мне стоит одолжить вашего Пятницу. Вместе с утюгом.

Они сидели и ждали. Мимо прошла медсестра, неся кофе в пластиковой чашке. Кэт с удовольствием выпила бы кофе, но пустой карман в щель кофейного автомата не сунешь.

«Так меня еще не обчищали», – подумала она.

Прошло полчаса. Сорок пять минут. Время двигалось к полуночи, но жизнь в «Хэнкок дженерал» не замирала. К стоянке подъезжали медсестры, которым сегодня дежурить в ночь. Они выходили из машин, неся зонтики и мешки с едой. У входа стоял вооруженный охранник, пристально вглядываясь в каждого, кто входил. Это была медицина переднего края, и «Хэнкок дженерал» представлял собой эквивалент полевого госпиталя. Любое ножевое и огнестрельное ранение, имевшее место в радиусе трех миль, любое отравление, приступ или попытка суицида… всех их привезут или приведут сюда, в отделение экстренной помощи. Сюда же попадут и жертвы передозировки наркотиков. Новые Никосы Бьяджи и Джейн Доу.

– Он тоже лежит здесь, – сказала Кэт. – В отделении интенсивной терапии.

– Кто? – не понял Адам.

– Никос Бьяджи. Я сегодня ездила сюда. – Она покачала головой. – Вид у парня был плачевный. Не знаю, чем он ширялся, но эта гадость сильно ударила ему по мозгам и по почкам.

Адам молчал. Отстраненно. Для него существовала только Мэв.

– Местный врач сказал, что это какой-то новый наркотик. Ни с чем подобным он раньше не сталкивался…

В мозгу Кэт вдруг пронеслась мысль, от которой ей стало зябко. Она посмотрела на Адама. Тот отвел глаза.

– Вы говорили, что нашли для Мэв работу. В «Сигнусе»?

– Да, – вздохнул он.

– А в каком отделе?

– Я не понимаю ваших умопостроений.

– Так в каком отделе?

Он снова вздохнул, показывая ей, как безумно он устал.

– В научно-исследовательском. Она убирала в лаборатории. Следила за автоклавом. Обычная работа. Для всего остального требовалось образование.

– Над чем работала лаборатория?

– Над разными проектами. Диапазон широкий: от антибиотиков до восстановителей волос.

– А над аналогами морфина?

– Послушайте! – раздраженно бросил Адам. – Мы – фармацевтическая компания. Болеутоляющие средства пользуются огромным спросом на рынке.

– Я хочу знать: велись ли в той лаборатории работы над чем-то принципиально новым? Над средством, которое больше нигде не разрабатывается?

Он кивнул. Не сразу и очень неохотно.

– Это… прорыв. Или станет прорывом, если мы сможем устранить побочные явления. По своим свойствам это средство близко к природным эндорфинам. Оно воздействует на те же энзимные рецепторы, что и морфин. Липнет к ним, словно какой-нибудь суперклей. Плюс длительный срок действия. Это может стать идеальным болеутоляющим для тех, у кого рак в последней стадии.

– Длительный срок действия? Какой?

– Одна доза устраняет боль на семьдесят два часа. Возможно, больше. Это преимущество нового препарата и… его недостаток. Мы проводили эксперименты на животных. Передозировка чревата длительной комой.

Кэт вскочила на ноги:

– Идемте со мной.

– Куда? В отделение интенсивной терапии?

– Возможно, у них уже есть результаты токсикологических анализов Никоса Бьяджи. Мне хочется, чтобы вы посмотрели своими глазами и сказали, совпадают ли результаты с вашим «чудо-лекарством».

– Но я не биохимик. Это нужно показать моим специалистам.

– Покажите. Пусть подтвердят.

Адам упрямо покачал головой:

– Больничные токсикологические анализы недостаточно убедительны.

– Скажите, почему вы противитесь? Боитесь услышать правду? Узнать, что детище «Сигнуса» убивает людей?

Адам медленно встал. Он был намного выше Кэт. Ей приходилось смотреть на него снизу вверх, выдерживать холодное молчание его глаз.

Вплоть до этой минуты Адам Куонтрелл не вызывал у нее страха. Ее не страшили ни его богатство, ни власть, ни даже обаятельная внешность. Но его гнев… его гнев был чем-то иным. Чем-то таким, от чего она не могла загородиться или отвернуться. Некоторое время они пристально смотрели друг на друга, и внутри Кэт появилось новое ощущение. Нечто такое, чего она никак не ожидала и чему была очень удивлена. Все вокруг: вестибюль, люди, шаги и голоса… все это перестало существовать. Точнее, она перестала это замечать.

Чары разрушил женский голос, окликнувший Адама по имени.

– Адам! Это как понимать? Что ты с собой сделал?

Это была Изабель, только что приехавшая в больницу. На ней по-прежнему было нарядное вечернее платье. Изабель смотрела на Адама и морщилась.

– Что с твоей одеждой? А с лицом? Что тут вообще произошло?

Она дотронулась до израненной щеки Адама. Он дернулся.

– Мы попали в небольшую… заварушку, – сказал он. – Но как ты здесь очутилась?

– Услышала, что Томас собирается ехать за тобой. Сказала, что поеду сама.

– Придется сделать ему внушение.

– Он тут ни при чем. Я настояла. Думала, ты обрадуешься, что я тебя спасаю. – Изабель наградила Адама улыбкой. – Разве ты не рад?

– Тебе не следовало сюда ехать, – сказал Адам. – Особенно на ночь глядя. Здесь небезопасно.

– Допустим.

Изабель оглядела пространство, в котором оказалась. Возможно, только сейчас она увидела уставших, измученных людей, вынужденных дожидаться своей очереди. Зябко поежившись, она плотнее закуталась в накидку.

– Но зачем ты поехал туда, где небезопасно?

Ее взгляд задержался на лице Кэт, украшенном синяком.

– Нечего сказать… заварушка, – пробормотала она.

– Доктора Новак тоже нужно отвезти домой, – сказал Адам. – У нее украли машину. И сейчас ни у нее, ни у меня – ни цента.

– Чем дальше, тем веселее, – пожала плечами Изабель. – Она повернулась к выходу. – Что ж, идемте. Не стоит ждать, пока и мою машину украдут.

– Подожди, – остановил ее Адам и посмотрел на Кэт. – Нам нужно еще кое-что сделать.

– Что еще? – удивилась Изабель.

– Взглянуть на одного пациента. Он лежит в отделении интенсивной терапии.

Кэт одобрительно кивнула. Наконец-то мистер Куонтрелл созрел для правды.

– Я пойду с вами, – сказала Изабель. – Я тут одна не останусь.

Кэт повторяла путь, уже проделанный сегодня. Снова по коридору с грязно-голубыми стенами. Снова в лифт и другой коридор. Высокие каблуки Изабель цокали по блеклому линолеуму.

Отделение интенсивной терапии, как и отделение экстренной помощи, не знало затишья. Сновали медсестры, попискивали мониторы, шелестели вентиляторы. Возле стола дежурного, на стене, висело два десятка экранов, и каждый отражал биение чьего-то сердца.

– Вы пришли кого-то навестить? – удивленно спросил дежурный.

– Я доктор Новак из судмедэкспертного бюро, – представилась Кэт. – Я сюда приезжала днем. Мы с доктором Дицем смотрели карточку Никоса Бьяджи. Я хотела узнать, готовы ли результаты его токсикологических анализов?

– Я только что заступил на смену. Сейчас посмотрю.

Дежурный наклонился к лотку, перелистал недавно полученные результаты.

– По Бьяджи ничего нет.

– А как он себя чувствует?

– Говорю вам, я только что заступил. Спросите у медсестер. Какая у него койка?

– Тринадцатая.

Дежурный повернулся к картотеке и нахмурился:

– Тринадцатая койка свободна.

– Но днем он лежал на той койке. Я не могла ошибиться.

Кэт подняла глаза к мониторам. Экран под тринадцатым номером был погашен.

Мимо шла медсестра с ворохом карточек.

– Лори, можно вас на минутку? – окликнул ее дежурный. – Днем на тринадцатой койке лежал некий мистер Бьяджи. Вы не знаете, куда его перевели?

Лори остановилась, смерив взглядом троицу странных посетителей.

– Вы кто, друзья или родственники?

– Ни то ни другое, – ответила Кэт. – Я из городского судмедэкспертного бюро.

С лица женщины исчезла настороженность.

– Тогда вам можно сказать.

– Что мне можно сказать?

– Мистер Бьяджи умер. Два часа назад.

6

Джейн Доу, Зиния Варгас, Никос Бьяджи. Все мертвы.

Сколько еще будет жертв?

Кэт сидела на заднем сиденье «мерседеса» Изабель и смотрела на редкие ночные огни Южного Лексингтона. Она забыла о своих ранах, пустом желудке и пульсирующей боли в области шеи, где наложили швы. Смерть Никоса вогнала ее в ступор. Три трупа за два дня. Новый наркотик смертельно опасен. Он с безжалостностью стрихнина высасывает жизнь из своих жертв. Если о его опасности не раструбить на весь город, в ячейках морга появятся новые трупы. Кэт надеялась, что Уилок все-таки созвал пресс-конференцию и рассказал о более чем драматичном положении дел. А если не созвал? Вечерний выпуск новостей она пропустила…

Кэт устало откинулась на роскошную мягкую спинку сиденья. Она никогда не ездила в такой шикарной машине. Она вообще не ездила на заднем сиденье «мерседеса». Со временем она бы привыкла к этому кожаному салону. К плавной езде и чувству безопасности. Наверное, это и давали большие деньги.

Изабель остановилась на красный свет. Ее наманикюренные пальцы коснулись волос Адама.

– Бедненький! Ну тебе и досталось. Потерпи немного. Когда приедем домой, я тебе все промою и смажу.

– Не надо ничего промывать, – устало отмахнулся Адам.

– А где твой плащ?

– Они забрали. Вместе с бумажником.

– Понимаю. Ты не хотел отдавать им бумажник, и они тебя поколотили.

– Нет. Мне досталось, когда я пытался от них удрать.

– Адам, не говори глупости. Я же прекрасно знаю, что ты не трус.

«Я тоже это знаю», – подумала Кэт.

– Если тебе дороги твои иллюзии, не смею на них покушаться, – пожал плечами Адам.

Светофор загорелся зеленым. Изабель вывернула на скоростную магистраль.

– За ужином нам так тебя не хватало, – заметила она.

Адам смотрел не на нее, а в окно.

– Надеюсь, в погребе осталось еще немного вина.

– Для бокальчика перед сном хватит.

– Я жутко устал. Думаю, сразу завалюсь спать.

Возникла пауза.

– Но этот вечер не единственный. Завтра у тебя другое торжество. Ты о нем не забыл?

– А что у меня завтра?

– Обед у мэра. Адам, разве можно забывать о таких вещах?

– Представь себе, забыл.

– Ты произведешь фурор, – засмеялась Изабель. – Явишься с боевыми ранами. Настоящий мачо. Говорят, шрамы украшают мужчину.

– Или свидетельствуют о его глупости, – бросил он.

– Да что с тобой?

– Ничего. Не пропусти поворот на Бельмид.

– А почему я должна сворачивать на Бельмид?

– Я там живу, – напомнила Кэт.

Никак Изабель забыла о ее существовании?

– Да, конечно. – Изабель свернула. – Милое местечко.

– Близко к городу, – нейтральным тоном заметила Кэт.

Пусть понимают, как хотят.

Еще несколько кварталов, несколько поворотов, и «мерседес» остановился возле дома Кэт. Она гордилась своим домом. Четыре комнаты, симпатичное переднее крыльцо и лужайка, которую она возделывала без химических удобрений. Конечно, это не Сарри-Хайтс, но она здесь была вполне счастлива. Тогда с чего ее вдруг потянуло оправдываться?

Адам вышел, открыл заднюю дверцу. К удивлению Кэт, он протянул ей руку. Кэт вышла. Свет уличного фонаря красиво золотил волосы Адама.

– А как вы попадете в дом? – спросил он. – Вы же его заперли.

– У меня под цветочным горшком лежат запасные ключи.

– И машины у вас теперь нет.

– Поеду на автобусе.

– Это безумие. Я что-нибудь придумаю.

– Не беспокойтесь, Адам. У меня не всегда была машина.

– Все равно я виноват. Вы же из-за меня вляпались в эту историю. Так что я позабочусь, чтобы вы не ездили на автобусе. На худой конец, такси.

Кэт чувствовала: Адаму очень хотелось, чтобы она приняла его помощь.

– Хорошо. Но всего на один-два дня. Пока я не куплю новую машину.

Она пошла к крыльцу и через несколько шагов, не выдержав, оглянулась.

Адам наблюдал за ней. Наверное, ждал, пока она не войдет в дом.

Только когда она оказалась внутри и зажгла свет, он вернулся в машину. Кэт встала у окна прихожей, глядя вслед удалявшемуся «мерседесу».

«Возвращается в Сарри-Хайтс, – подумала она. – В свой мир».

И в мир Изабель.

Она заперла переднюю дверь и потащилась наверх.

Отправив Изабель домой, Адам уединился в кабинете с рюмкой долгожданного бренди. У него болела голова, перед глазами плыл туман. Каждый глубокий вдох отзывался болью в ребрах, но Адам не мог заставить себя лечь.

Память снова и снова воспроизводила жуткую картину. Кэт Новак на коленях, ее волосы откинуты назад, а к горлу приставлен автоматический нож. Адам закрыл глаза, постаравшись усилием воли стереть этот страшный эпизод, но не смог. Когда он увидел это в первый раз, у него мгновенно пропал страх за себя. Собственная жизнь перестала его волновать. Адам понимал, что какие-то подонки могут убить Кэт, а он совершенно бессилен их остановить.

Схватив рюмку, он залпом выпил бренди.

«Она держалась лучше, чем я», – подумал он.

Получалось, что Кэт Новак – личность уникальная. С высоким уровнем выживаемости, позволяющим ей каждый раз подниматься на ноги. Учитывая ее корни, выживаемость у нее наследственная. Интересно, а каким он предстал в ее глазах?

Наконец Адам заставил себя подняться с кресла. Выходя из кабинета, он зацепился взглядом за фотографию Мэв на боковом столике. Падчерица улыбалась ему со снимка. Часто ли улыбается Мэв сейчас?

Он должен был это предвидеть. Должен был заметить первые признаки надвигающейся беды.

Ему нечем оправдаться. Разве что традиционным мужским аргументом: он пропадал на работе. Заслонялся работой от своего положения отца-одиночки. От дочери. Смерть матери вышибла Мэв из детства. Улыбчивый ребенок превратился в хмурого подростка. Хуже всего, что Мэв застряла на этой стадии. Все попытки Адама откровенно поговорить с ней кончались ничем. Точнее, все более агрессивными требованиями не соваться в ее жизнь. Отчаявшись, он прибегнул к последнему родительскому средству – попытался надавить отцовской властью. Но и это не принесло желаемого результата.

Когда он понял, что Мэв в беде, было уже слишком поздно. Она постоянно находилась под кайфом, возбуждая себя выпивкой, таблетками. Всем чем угодно.

Как и Джорджина.

Возможно, генетическая предрасположенность. Трагический сбой в коде ДНК, вызывавший зависимость. А может, и мать, и дочь просто не могли совладать с жизненными трудностями и так защищались от стрессов?

Или причина в нем?

Адам закрыл дверь кабинета, поднялся в спальню. Снова один в постели. А ведь так не должно быть. Изабель сегодня не скрывала своей готовности и желания остаться у него на ночь. Ее больно задело его равнодушие. Они были знакомы не один год. Несколько месяцев подряд регулярно встречались. Не пора ли делать дальнейшие шаги?

Но сегодня, когда Изабель привезла его домой, он внимательно пригляделся к этой женщине. Слов нет, она совершенна во всем: от волос и платья до улыбки. Тем не менее он не испытывал никакого желания укладываться с ней в постель. Он смотрел бы на нее, а видел бы Кэт Новак и ее прощальную горделивую улыбку. Выглядела она как победительница женских боев без правил.

«Ну и ну, – подумал Адам. – После стольких лет я наконец решил, что готов к романтическим отношениям… но с кем? С женщиной, чуть не погубившей меня из-за своего задрипанного „субару“».

Трудно было вообразить менее подходящую пару.

Кэт проснулась с болью во всем теле. Чтобы встать с кровати, ей понадобилось призвать всю свою силу воли. Зеркало в ванной показало ей следы вчерашней потасовки: три аккуратных шва на шее и лицо, сплошь покрытое ссадинами и сияющее синяком. Значит, все это не кошмарный сон.

Кое-как она умылась и завязала волосы в конский хвост. Никакой косметики. На работу она поедет во всей боевой красе.

Спустившись в кухню, Кэт взбодрилась чашкой крепчайшего кофе «Юбен» и занялась неотложными делами. Перво-наперво она заблокировала все свои кредитные карточки и банковскую карту. Затем подала заявку на новое водительское удостоверение. Естественно, снять деньги по ее карточкам эти тупые парни не смогут. Но она и сама на

время лишилась доступа к своим финансам. Хорошо еще чековая книжка осталась дома. Последний звонок Кэт сделала в слесарную мастерскую, умоляя как можно скорее поменять ей замки. Затем она налила себе вторую чашку крепчайшего кофе. Кофеин действовал на нее самым благотворным образом. Она снова почувствовала себя человеком. Правда, злым и раздраженным. Но она не слышала, чтобы избиение и ограбление приводили кого-то в благодушное состояние.

Когда на ступенях переднего крыльца послышались шаги, Кэт приготовилась к худшему. Неужели эти одноклеточные так обнаглели, что решили нанести ей визит?

Бросившись в гостиную, она достала из шкафа бейсбольную биту и замерла возле входной двери. Снаружи звякнули ключи. Кэт подняла биту, ожидая, что в любую секунду дверь распахнется.

Но распахнулась почтовая щель, и на деревянный пол упали автомобильные ключи. Кэт отупело смотрела на них. Что за чертовщина?

Бросивший ключи удалялся. Кэт открыла дверь и увидела дворецкого Адама Куонтрелла. Он садился в машину, за рулем которой сидел другой человек.

– Эй! – крикнула Кэт, размахивая ключами. – Это как понимать?

Дворецкий приветственно махнул ей:

– Примите поклон мистера Куонтрелла!

Кэт очумело смотрела вслед уехавшей машине. Затем ее взгляд переместился к проезду.

Там стоял лимонно-желтый «мерседес».

Кэт еще раз посмотрела на ключи, зажатые в руке, после чего спустилась с крыльца и медленно обошла машину. Автомобиль был красивый. Очень красивый. На табличке номерного знака она прочла: „РЕДЖИС“. ПРОКАТ РОСКОШНЫХ АВТО». Кэт заглянула через окно в салон. Сиденья, обитые кожей. Чистота. Она отперла дверцу, села за руль и некоторое время просто сидела. К приборной доске была пришпилена записка, адресованная «доктору Новак». Кэт развернула записку.

«Надеюсь, это Вам подойдет. А. К.»

– Не знаю, не знаю, мистер Куонтрелл, – вслух сказала она, откидываясь на сиденье. – Лимонно-желтый не совсем мой цвет. Но в остальном, думаю, мне подойдет.

Она запрокинула голову и рассмеялась.

На работе ей стало не до смеха.

Дэвис Уилок сообщил, что мэр на корню зарубил идею пресс-конференции.

– Вы, наверное, шутите, – сказала Кэт.

Уилок виновато на нее посмотрел и покачал головой:

– Я пытался объяснить ситуацию и мэру, и его команде. Сказал им, что у нас два трупа…

– Увы, Дэвис, уже три. Сегодня ночью умер Никос Бьяджи. Скорее всего, мне придется проводить вскрытие.

– Хорошо, три. Я говорил мэру об опасной тенденции. Обрисовал мрачные перспективы. Но власти считают, что пресс-конференцию созывать преждевременно.

– А когда наступит «своевременно»? На каком витке кризиса?

– Я не могу действовать через голову властей, – пожал плечами Уилок. – У них четкая позиция. Когда понадобится, мэр выступит с заявлением.

– Может, ваши доводы не показались им убедительными?

– А может, нам не стоит торопиться? Посмотрим, как дальше будут развиваться события.

– Я знаю как. Не в нашу пользу. – Кэт уперлась ладонями в стол Уилока. – Кончится тем, что нас же обвинят в некомпетентности. Дескать, мы прохлопали, вовремя не предупредили. Когда счет жертв пойдет на десятки, думаете, мэр скажет хоть слово в нашу защиту? Нет. Он вместе с журналистами будет во всем винить меня и вас.

Лицо Уилока все сильнее мрачнело.

– Позвольте мне самой поговорить с мэром, – попросила Кэт. – Я возьму себе на подмогу доктора Дица из «Хэнкок дженерал». Эти сведения

нужно обнародовать, и как можно скорее. Пока Южный Лексингтон не превратился в кладбище.

Уилок задумался, потом кивнул:

– Хорошо. На ваш страх и риск. Но не удивляйтесь, если они заткнут вам рот.

– Спасибо, Дэвис.

Вернувшись к себе, Кэт сразу позвонила секретарше мэра. Та сказала, что график у его чести весьма плотный, но около часу дня есть небольшое окно. Правда, никаких гарантий, что мэр будет на месте, секретарша дать не могла.

Следом Кэт позвонила в «Хэнкок дженерал». Ей ответили, что доктора Дица нет на месте.

– Подскажите, как мне с ним связаться? Дело очень срочное. На час дня я записалась на прием к мэру. Доктору Дицу необходимо поехать со мной.

– Боюсь, это невозможно, – ответили ей.

– Почему?

– Доктор Диц уехал из города. Он уволился из нашей клиники. Вчера был его последний рабочий день.

Три с половиной года правления мэра Сэмпсона пришлись едва ли не на самое тяжелое для Альбиона время. Честно говоря, это не было целиком его виной. По всей стране города страдали от экономического спада. Но не везде последствия спада были столь тяжелыми, как в Альбионе. В городе закрылись три крупных завода. Многие сферы бизнеса обанкротились. Центр города пустел и ветшал. На фоне всего этого красочный плакат, выпущенный к двухсотлетию города, смотрелся странно. Он висел на стене в приемной. С плаката улыбалась красивая пара в вечерних туалетах, танцующая на фоне панорамы вечернего Альбиона.

АЛЬБИОН – ГОРОД НА ВСЕ ДВЕСТИ.

Нолан Сэмпсон, мэр

«Это всего лишь ваш рекламный трюк», – подумала Кэт.

Его чести повезло: празднование двухсотлетия города удачно совпало с началом кампании по его переизбранию.

Она подошла к столу секретарши:

– Я доктор Новак судебно-медицинского экспертного бюро. Я бы хотела видеть мэра Сэмпсона. Это возможно?

– Сейчас проверю. – Секретарша нажала кнопку интеркома. – Мэр Сэмпсон! Здесь доктор из судебно-медицинского экспертного бюро. Вы свободны?

– Да. Мы уже перекусили. Скажите ему, пусть пройдет, – донеслось из динамика интеркома.

«Ему? Должно быть, мэр решил, что это Уилок», – мысленно усмехнулась Кэт.

Она открыла дверь, из-за которой слышались раскаты мужского смеха. Едва войдя в кабинет, она замерла.

Мэр восседал за письменным столом, попыхивая сигарой. Рядом на стуле сидел нынешний окружной прокурор – бывший муж Кэт.

– Привет, Эд, – сдержанно поздоровалась она. – Добрый день, мэр Сэмпсон.

Вид у мужчин был удивленный.

– Ты, – пробормотал Эд, поскольку ничего другого сказать не мог.

Кэт заметила, что после развода ее бывший муж стал наряднее одеваться. На нем был новый костюм, итальянские ботинки, рубашка из натурального хлопка.

«Кто же тебе так рубашечки гладит? – не без ехидства подумала Кэт. – Складка на складке».

– Вы по… официальному делу? – спросил явно ошеломленный мэр.

– Да, – ответила она. – Вчера у вас был Дэвис Уилок. Разговор касался пресс-конференции.

– Что?.. Ах да. – Сэмпсон брезгливо махнул рукой. – Вы имеете в виду эту уличную наркоту. Мы с ним поговорили.

– Думаю, сэр, нам пора обратиться к прессе. Уже три смерти.

– Уилок говорил, что две.

– Сегодня ночью скончалась еще одна жертва передозировки. В «Хэнкок дженерал».

– У вас есть подтверждение, что всех их сгубило одно и то же вещество?

– Пока нет, но мои подозрения растут.

– Вот оно что. – Сэмпсон облегченно усмехнулся. – Значит, подтверждений у вас нет.

– Токсикологические анализы требуют времени. Особенно когда вещество неизвестно. К тому моменту, когда мы получим подтверждение, в Южном Лексингтоне может разразиться полномасштабный кризис.

– Весь Южный Лексингтон – это кризис, – усмехнулся Эд.

Кэт пропустила его слова мимо ушей.

– Я всего лишь прошу сделать публичное заявление. Собрать журналистов местных газет и телеканалов. Сказать, что в городе появился новый неизвестный наркотик, от которого уже умирают.

Мэр иронично посмотрел на Эда.

– Кое-кто назвал бы это прогрессом.

Кэт старалась сохранять спокойствие.

– Сэр, люди должны знать об этой угрозе.

– И здесь мы сталкиваемся с весьма серьезной проблемой. – Мэр подался вперед. – На всякий случай, доктор Новак, ставлю вас в известность: грядет празднование двухсотлетия нашего города. Парад, марширующие оркестры. Словом, все, что должно включать в себя подобное торжество. На празднование приглашены руководители восьми крупных корпораций. Эти люди приедут не только развлекаться. Взглянуть на наш город. Решить, привлекателен ли Альбион для их бизнеса. Если мы им понравимся, у нас появятся новые рабочие места. А теперь представьте их реакцию, если они увидят заголовки вроде «Наркоманы мрут как мухи». Или: «Коса смерти занесена над городом». И новые рабочие места достанутся не нам, а Бостону или Провиденсу.

– Так что вы предлагаете? – спросила Кэт. – Замести угрозу под ковер?

– Зачем же? Мы просто… немного подождем.

– Сколько?

– До тех пор, пока вы не соберете больше информации. Скажем, до следующей недели.

– А сколько новых жертв появится за это время?

– Кэт, пора усвоить простые вещи, – вмешался Эд. – Мы говорим не о столпах общества. Не о лучшей его части. Ты жалеешь наркош, которые беззастенчиво грабят старух и кассиров на бензозаправках. Знала бы ты, сколько этой публики я отправил в тюрьму за разбой и изнасилования.

Он помолчал.

– Такая же шушера оставила тебя без машины.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Кэт.

– А мы в своем ведомстве много чего знаем, – усмехнулся Эд. – Сведения об угонах получает не только полиция.

– Плевать мне на машину. Я хочу знать, когда мы начнем действовать.

– Доктор Новак, кажется, я ответил на ваш вопрос, – отрезал мэр.

– Вы совершаете ошибку.

– Боже мой, – вздохнул Сэмпсон. – Вы даже не можете доказать мне взаимосвязь этих смертей. Так зачем будоражить город?

– Особенно когда речь идет о кучке наркоманов, – подхватил Эд.

Кэт невесело рассмеялась:

– Знаешь, Эд, ты не перестаешь меня удивлять.

– Чем?

– И что я могла в тебе найти?

Повернувшись, она вышла из кабинета.

Эд последовал за ней в приемную, а потом и в коридор.

– Кэт, постой.

– Мне нужно возвращаться на работу.

– К твоим любимым трупам?

– Уж лучше с ними, чем с такими, как вы!

Она вошла в лифт, но Эд тоже успел проскочить.

– Смотрю, с тех пор как ты от меня ушла, жизнь не очень-то тебя балует, – заметил он, разглядывая ее исцарапанное лицо.

– Ошибаешься. Жизнь меня не баловала, когда я жила с тобой. И потом, насколько помню, это ты от меня ушел.

– Ну и разнос ты устроила Сэмпсону. В следующий раз стоит добавить немного меда и не злоупотреблять дегтем. Так будет лучше для твоей карьеры.

– А твоя карьера, как посмотрю, идет в гору, – бросила Кэт, покосившись на его дорогую рубашку.

Эд улыбнулся:

– Ты слышала, что Сэмпсон сделал меня своим доверенным лицом? Сундуки его избирательной кампании полнехоньки.

– Смотри внимательно, за чьи фалды держишься. Дни Сэмпсона сочтены.

Они вышли из лифта, потом из здания.

– Это всего лишь промежуточная ступень, – сказал Эд. – Сегодня окружной прокурор, а завтра… кто знает? Кстати, ты идешь вечером на прием в поддержку его избирательной кампании? Ты была бы мне там полезна. Поддержала бы мэра от лица судмедэкспертного бюро.

– У меня есть идеи получше, как потратить свои деньги.

Эд достал из кармана приглашение и запихнул в ее сумочку.

– Был рад тебя повидать. Надеюсь, ты за меня проголосуешь.

– А сам-то как думаешь? – усмехнулась Кэт.

– Я думаю, тебе не помешает иметь друга в высших эшелонах власти. Особенно учитывая ухабы твоей карьеры и…

Эд не договорил. Он совсем не ожидал увидеть, как его бывшая жена отпирает дверцу «мерседеса».

– Это твоя машина?

– Правда симпатичная?

Кэт нырнула на водительское сиденье и захлопнула дверцу. Потом лучезарно улыбнулась бывшему мужу:

– Это в качестве компенсации. Чтобы не так трясло на ухабах моей карьеры.

Пару минут она улыбалась, вспоминая растерянную физиономию Эдда. Потом ее захлестнул гнев и на него, и на Сэмпсона с Уилоком. На саму себя тоже. Как-никак она сегодня потерпела поражение. Конечно, можно плюнуть на них и пойти напролом. Ни у кого не спрашивать разрешения, собрать газетчиков и телевизионщиков и рассказать о надвигающемся кризисе…

На следующий день ее уволят.

Кэт вцепилась в рулевое колесо, молча негодуя на себя, на политику в год выборов и на государственную систему, заставляющую тебя ставить совесть на тормоз, если не хочешь вылететь с работы.

Но если идти от противного: что бы она сказала на пресс-конференции? Те же газетчики потребовали бы доказательств. А у нее пока ничего нет. Ей сейчас как воздух нужны совпадающие результаты двух токсикологических анализов. Всего одна пара, чтобы говорить об общей причине смертей. Тогда она с полным основанием сможет сказать: «Возникла тенденция…»

Вернувшись в кабинет, Кэт сразу позвонила в гослабораторию.

– Говорит доктор Новак, младший судмедэксперт из Альбиона. У вас уже есть результаты анализов по Джейн Доу, номер 373-4-3-A?

– Сейчас проверю, – ответил секретарь.

Где-то через минуту он снова взял трубку:

– У меня есть результаты анализов крови, мочи и стекловидной жидкости по Джейн Доу, номер 372-3-27-B.

– Это совсем другой номер.

– Заказ поступил от какого-то доктора Кларка. Тоже альбионского судмедэксперта. Наверное, ваш коллега. Вам нужны эти результаты?

– Мне нужны результаты по совсем другой Джейн Доу. Еще раз повторяю номер: 373-4-3-А.

– У меня нет записи об этом запросе.

– Я вчера отправляла вам образцы. Доктор Новак.

– Просматриваю журнал за вчерашний день. Никаких запросов по Джейн Доу из Альбиона. И доктор Новак тоже нигде не значится.

От досады Кэт вцепилась в свой конский хвост.

– Послушайте, я же помню, что отправляла вам образцы. Даже приписку сделала: «срочно».

– В журнале на моем компьютере нет подобных записей.

– Это просто невероятно! Чтобы из всех заказов на анализы потерялся именно этот! Мне очень нужны результаты.

– Без образцов мы не можем проводить анализы, – с железной логикой ответил секретарь.

– Ладно, – вздохнула Кэт. – Тогда дайте мне результаты по другому телу. Зиния Варгас. Запрос я отправила сегодня утром. Этот вы получили?

– Да, его занесли в журнал. Сейчас посмотрю…

В трубке слышался негромкий стук компьютерных клавиш.

– Мы перенаправили ваш запрос в стороннюю лабораторию.

– Почему?

– Здесь написано: «Обнаружены синтетические наркотические вещества неизвестного состава. Определить состав на имеющемся оборудовании не представляется возможным. Для проведения дальнейших анализов образцы направлены в независимую лабораторию». Это все.

– Стало быть, рано или поздно я получу результаты?

– Рано или поздно.

Кэт поблагодарила секретаря и повесила трубку. Интересно. Отрава, унесшая жизни трех человек, настолько уникальна, что даже геслаборатория не смогла определить ее состав.

Но это только по одному трупу. Чтобы говорить о тенденции, как минимум, нужны данные по второму.

Кэт надела халат и вышла в коридор морга. Дневной дежурный убирал помещение.

– Привет, док, – поздоровался он. – Что-то случилось?

– Хэл, помните образцы, которые я вчера отправляла на анализы? По трупу Джейн Доу. Я положила их в ящик. Вы, случайно, не видели, как курьер забирал их оттуда?

– Только не говорите, что образцы опять потерялись по дороге.

– Я звонила в лабораторию. Там говорят, что таких образцов не получали.

Хэл выпучил глаза:

– Слышал, они то же самое говорили доктору Кларку. Мне что, отвезти им образцы на повторный анализ?

– Я вам буду очень признательна. – Кэт взглянула на часы. – Сейчас четыре часа. Добавлю вам час сверхурочной работы. Это с лихвой покроет время на поездку. И пожалуйста, проследите, чтобы они записали в журнал.

– Не волнуйтесь. Сделаю.

Опять потянутся дни ожидания. К счастью, сохранились дополнительные пробирки с образцами крови и мочи Джейн Доу. Для подстраховки прозекторы всегда дублировали образцы. Пусть и редко, но образцы терялись.

У Кэт снова заболела голова, напоминая о вчерашней потасовке. По правде говоря, ей сегодня надо бы уйти с работы пораньше, двинуть домой, сесть, задрав ноги, и как следует вмазаться «наркотиком для масс» – телевизором. Но у нее накопилось писанины, требовавшей завершения.

Сев за стол, Кэт принялась разгребать бумаги. Результаты обследования трупов, которые она надиктовывала на магнитофон. Теперь они лежали в виде печатного текста, принесенные ей на подпись. Результаты

лабораторных анализов (увы, не те, что ей были остро нужны). Результаты баллистической экспертизы. Журналы по патологии. Кэт едва успела рассортировать эту кипу, как парень-экспедитор, весело насвистывая, принес ей новую стопку.

– Этого я не видела, – пробормотала Кэт. – Я собираюсь домой.

Потом ее взгляд упал на конверт, где было крупно выведено: «Доктору Новак». Ни адреса, ни марки. Должно быть, конверт передали через секретаря.

Кэт вскрыла конверт и прочла:

Токсикологическая лаборатория прислала результаты по Никосу Бьяджи. Вещество, которым он отравился, идентифицировано как наркотик нового поколения с длительным сроком действия: лево-N-циклобутилметил-6, 10-й класс бета-дигидроксидов. Управление по контролю за продуктами и лекарствами не давало разрешения тестировать это вещество на людях. По сведениям токсикологической лаборатории, патентная заявка на это вещество была подана полгода назад. Торговое название: зестрон-Л. Производитель: фармацевтический концерн «Сигнус».

Простите, что сваливаю все это на вас, но мне не нужна головная боль. Удачи вам, доктор Новак. Она вам понадобится.

Майкл Диц

Фармацевтический концерн «Сигнус». Ошеломленная прочитанным, Кэт смотрела на идентифицированное название страшного зелья. «Спасибо вам, трусливый доктор Диц. Бросили мне гранату на стол, а сами сбежали».

Кэт схватила телефонную трубку и набрала номер гослаборатории.

– Я уже звонила вам насчет анализов Зинии Варгас. Пожалуйста, проведите тест на наличие еще одного вещества. Оно называется зестрон-Л.

– Вам нужно связаться со сторонней лабораторией. Я же говорил, что мы все передали им.

– Хорошо, я туда позвоню. Как называется лаборатория?

– Объединенная лаборатория корпорации «Сигнус». Это в Альбионе. Вам дать их номер?

Кэт молчала, глядя на записку Дица. Все замыкалось на «Сигнусе». Фармакологическое производство. Диагностические лаборатории. Сколько еще щупалец у этой корпорации?

– Доктор Новак, вы меня слышите? – спросил секретарь. – Вам дать их номер?

– Нет, – тихо ответила она и повесила трубку.

Несколько минут она собирала остатки сил еще для одного звонка. Она должна позвонить и поставить Адама Куонтрелла перед фактом.

После второго длинного гудка трубку взяли.

– Резиденция Куонтрелла, – ответил мужской голос. – Томас у телефона.

– Добрый день, Томас. Это доктор Новак.

– Добрый день, доктор Новак. Надеюсь, новая машина не вызывает у вас нареканий?

– Нет. Все замечательно. Скажите, а мистер Куонтрелл дома?

– К сожалению, только что уехал. Вы же знаете: сегодня торжественный обед у мэра. Что ему передать?

Что она передаст через дворецкого? «Я знаю: людей убивает наркотик, который производит ваша компания»?

– Доктор Новак, вы на линии? – спросил Томас.

Кэт сложила записку Дица и убрала к себе в сумочку.

– Спасибо, Томас. Не надо ничего передавать. Я увижусь с мистером Куонтреллом на приеме.

Она повесила трубку и вышла из кабинета.

7

За полтора часа Кэт успела съездить домой, переодеться и, сражаясь с пробками, вернуться в город. К этому времени основной затор возник в районе Дорчестер-авеню, ведущей к отелю «Фор сизонс». Кэт то и дело останавливалась и, пока очередной светофор горел красным, успевала поправить волосы, подкрасить губы и ресницы, смотрясь в зеркало заднего обзора. Густой слой пудры не смог полностью замаскировать ссадины на лице. Хорошо еще нашелся шелковый шарфик, под которым

она спрятала заштопанную шею. Красные и сиреневые пятна на фоне черного платья смотрелись очень даже стильно. Однако к такому наряду нужны были туфли на высоком каблуке. И Кэт их надела, понимая, что губит себя. При нынешнем состоянии ее ног через два часа она просто рухнет.

Танцевальный зал «Фор сизонс» был полон гостей. Стоимости мехов и драгоценностей вполне хватило бы на годовой городской бюджет. В качестве угощения предлагались креветки, копченый лосось, икра и пирожные. Все это, естественно, подавалось на тарелках из тонкого фарфора. Слух гостей услаждал ансамбль балалаечников – гостей из волжского города-побратима, где экономика тоже переживала тяжелые времена. Кэт достала приглашение и, протянув его охраннику у двери, влилась в поток гостей.

Она не любила бывать на таких приемах, особенно в одиночку. Женщин замечали, только когда они являлись в сопровождении мужчины. Еще лучше – нескольких. Тогда женщина сразу же становилась центром внимания. Но стоило ей прийти одной, и она превращалась в невидимку. Кэт взяла фужер белого вина и двинулась сквозь толпу гостей, пытаясь разыскать хоть одно знакомое лицо. Сплошные незнакомцы и незнакомки в смокингах и норковых горжетках. Одинаковые безупречные улыбки с выставкой безупречных искусственных зубов.

Ее окликнули. Обернувшись, Кэт увидела бывшего мужа.

– А я думал, ты не захочешь нас поддержать, – сказал он, подходя к ней.

– Я и не обещала этого. Просто решила воспользоваться бесплатным приглашением.

– Как насчет фото? Ты и мэр.

Он поискал глазами Сэмпсона. Мэр стоял в углу, окруженный своими сторонниками и поклонницами.

– Вон он. Идем.

– С меня достаточно фотографий трупов.

– Один раз можно сделать исключение.

– Я тебе уже сказала, что приехала сюда не ради поддержки его избирательной кампании. Просто решила немного потусоваться, угоститься бесплатным вином и…

Она не договорила, вдруг заметив в дальнем конце зала Адама Куонтрелла. Адам ее не видел. Он смотрел в другую сторону, поглощенный разговором с каким-то мужчиной. Рядом с ним стояла Изабель. Волосы у них с Адамом были почти одинакового цвета. Локоны Изабель украшали нити искусственного жемчуга.

«Идеальная пара», – подумала Кэт.

Удивительно гармоничная пара в смокинге и вечернем платье. Они вполне могли бы украсить собой обложку «Космополитен».

Должно быть, Адам почувствовал, что на него смотрят. Он прервал разговор, обвел глазами зал и застыл, увидев Кэт. Она никак не ожидала, что он бросит собеседника и пойдет к ней. Она заметила, как нахмурилась Изабель. Заметила удивленные лица гостей, оборачивающихся вслед широкоплечему Адаму. Потом она смотрела только на него и видела только его.

Адам улыбался. Радостно, как улыбаются старому другу. Улыбка почти совсем спрятала ссадину на щеке.

– Добрый вечер, Кэт. Не думал, что увижу вас здесь.

Его рукопожатие было сильным и теплым.

– Я сама не думала, что приеду.

Рядом раздалось вежливое покашливание. Кэт вспомнила о существовании Эда.

– Надо вас познакомить. Эд, это Адам Куонтрелл. Адам, это Эд Новак, действующий окружной прокурор.

– Новак? – удивился Адам, машинально пожимая протянутую руку.

– Я бывший муж Кэт, – улыбаясь, сообщил Эд. – Но мы с ней по-прежнему очень близки.

– Говори за себя, – отрезала Кэт.

– Так вы оба участвуете в кампании по поддержке Сэмпсона?

– Эд участвует. Я – нет.

– Стараюсь переубедить Кэт, – хохотнул Эд.

– Я тебе уже сказала, что пришла сюда поесть задарма.

Глотнув вина, она пристально посмотрела на Адама. Ее взгляд был холодным и жестким. Ни у кого не повернулся бы язык назвать такой взгляд кокетливым.

– А еще мне нужно было увидеть вас.

– Кэт всегда сразу переходит к делу, – пояснил Эд.

– Что ж, я польщен таким вниманием. – Улыбка постепенно сходила с его лица. – Но, насколько понимаю, меня ждет не беззаботная дружеская беседа.

– Нет. Я намерена поговорить о Никосе Бьяджи.

– Понятно. – Адам напрягся и насторожился. – Тогда нам лучше поговорить наедине. Надеюсь, мистер Новак нас извинит, – добавил он, кладя руку на плечо Кэт.

– Адам! – крикнула Изабель, торопливо приближаясь к ним. – Хочу тебя познакомить с… Добрый вечер, доктор Новак. Вижу, вы вполне оправились после вчерашней ночи.

Кэт кивнула:

– В нескольких местах еще болит. А так все в порядке.

– Вы на удивление стойкая женщина. Я бы, наверное, умерла от ужаса.

– Мне самой было страшно. И еще как, – призналась Кэт.

– И вдобавок лишиться машины. Хорошо, что это была всего-навсего «субару».

– С твоего позволения мы удалимся, – сказал Адам, уводя Кэт. – Не скучай, Изабель. Я появлюсь позже.

– Позже – это когда?

– Позже, – лаконично повторил Адам, не вдаваясь в подробности.

Он вывел Кэт в вестибюль. Здесь было не менее шумно и людно.

– Давайте выйдем, – предложил он. – Хоть на время исчезнем из этого сумасшедшего дома.

Они нашли местечко возле гостиничного фонтана. Подсветка расцвечивала его струи. Шум сборища долетал и сюда, но не мешал. Из танцевального зала доносились балалаечные трели.

Адам повернулся к Кэт. В его волосах отражались огни подсветки.

– Так в чем дело?

– Я могла бы задать вам аналогичный вопрос.

– Вы за что-то на меня сердитесь?

– За зестрон-Л, – ответила Кэт, впившись в него взглядом. – Думаю, это слово вам знакомо.

Знакомо! Шок, промелькнувший на лице Адама, был секундным. Потом оно вновь стало спокойным и непроницаемым. Выходит, он знал. Все это время он знал, каким препаратом травятся люди.

– Если вы что-то забыли, позвольте освежить вашу память, – продолжала Кэт. – Зестрон-Л относится к наркотическим веществам длительного срока действия. Наркотик нового поколения из группы лево-N-циклобутил...

– Я знаю, о чем вы говорите.

– Тогда вы должны знать и о том, что «Сигнус» имеет патент на его производство.

– Да.

– А вы знаете, что ваш наркотик вышел за стены лаборатории и оказался на улицах?

– Такого просто не может быть. Работы по зестрону-Л пока находятся на стадии исследований. Все эксперименты проводятся только на приматах. Никаких испытаний на людях еще не было.

– Боюсь, что испытания на людях уже начались. Местом экспериментов избран Южный Лексингтон. Результаты далеко не блестящие. Значительные побочные эффекты. В основном смерть.

– Говорю вам, зестрон-Л не мог выйти за стены нашей лаборатории!

– Но он каким-то образом попал в руки Никоса Бьяджи.

– Откуда вы знаете?

– В больнице не смогли выявить состав наркотика. Отправили на анализ в университетскую лабораторию. А там докопались, что это за штука.

– Но были еще две жертвы.

– Были. И с их образцами произошли подозрительные странности. Образцы по Джейн Доу… потерялись в пути. Что же касается образцов по Зинии Варгас, они наверняка окажутся липовыми. Я почти уверена, что и они «потеряются».

– Вам не кажется, что ваши слова слегка отдают паранойей?

– Паранойей? Параноики обладают развитым воображением, а у меня всегда было с этим плоховато. Один из моих недостатков.

Адам приблизился к ней почти вплотную. Кэт едва поборола инстинктивное желание попятиться.

– Доктор Новак, возможно, у вас и есть недостатки. Но воображения вам не занимать.

– Сейчас меня интересуют факты. Тревожные, однако достоверные. Первый. Образцы по Джейн Доу пропали. Я помню, что подготовила их по всей форме, заполнила все необходимые бумаги и положила конверт в нужный ящик.

– Курьер мог потерять ваш конверт. Конверт могли выкрасть из его машины. Да мало ли что могло случиться с этим конвертом!

– Теперь об образцах по Зинии Варгас. Они благополучно достигли геолаборатории, но там не смогли определить состав наркотика. И что они сделали? Отправили образцы в стороннюю лабораторию для дальнейших исследований. Угадайте куда?.. В «Сигнус».

Лицо Адама не дрогнуло.

– Мы постоянно выполняем государственные заказы, – спокойно пояснил он. – Мы находимся всего в тридцати милях от города. Наши лаборатории прекрасно оснащены.

– А вот и третий факт. Он касается доктора Майкла Дица, лечащего врача Никоса Бьяджи. Диц точно определяет, что́ это за наркотик. Зестрон-Л. Затем тут же увольняется из «Хэнкок дженерал» и бежит из города. Думаю, его просто вынудили уйти из больницы. Причина проста: «Сигнус» – главный спонсор больницы «Хэнкок дженерал».

– «Сигнус» не имеет никакого отношения к увольнению Дица. Его давно собирались уволить.

– Откуда вы знаете?

– Я вхожу в совет клиники. Три врачебные ошибки – это значительно превышает предел нашего терпения. Диц был на грани увольнения. Его профессиональная компетентность давно вызывала сомнения.

Так вот почему Диц не хотел общаться с прессой. Публичность бы ему только повредила.

– Но зестрон-Л – это ваш наркотик. И кто-то пытается сделать так, чтобы судмедэкспертное бюро не узнало ни его состава, ни происхождения. Кто-то оберегает «Сигнус».

Адам расхаживал перед фонтаном.

– Нелепица какая-то, – бормотал он. – Я не представляю, как вообще появились эти результаты.

– Надеюсь, вы не будете их оспаривать?

Адам остановился. Фонтанная подсветка создавала вокруг него бледный мерцающий ореол.

– Нет, не буду, – наконец сказал он. – Вы правы. Я не могу их оспаривать.

Его взгляд оставался абсолютно спокойным. Кэт хотелось верить, что Адам ей не лжет, не утаивает факты и что его ошеломление вполне искреннее.

«Должно быть, я просто теряю голову, – подумала она. – Серо-голубые глаза, смокинг, мужчина, обаяние которого не выразишь словами. Неужели можно так легко усыпить мой здравый смысл? Что со мной?»

– Едемте, – сказал Адам, протягивая ей руку.

Кэт не двинулась, борясь с искушением взять его руку и раствориться в его тепле. Этот человек пробуждал в ней желание, которому она сопротивлялась с их первой встречи.

Она попала в плен. Его руки́. Его взгляда.

– Едемте, Кэт, – повторил он.

– Куда?

– В «Сигнус». В нашу лабораторию. Я хочу все выяснить, и как можно скорее. А вы будете свидетелем.

Кэт встряхнула головой:

– Сомневаюсь, что это все вам понравится.

– Скорее всего, не понравится. Но я понял, что вы не отступитесь. Перепробуете разные способы и докопаетесь до правды. Поэтому я намерен действовать вместе с вами, а не против вас.

Дьявольская логика. Разве тут что-то возразишь?

– Хорошо. Я поеду с вами.

– Я только улажу все с Изабель.

Они вернулись в танцевальный зал. Кэт стояла поодаль. Адам что-то торопливо объяснял Изабель. Похоже, извинялся. Изабель с нескрываемым раздражением посмотрела в ее сторону.

Кэт поискала глазами Эда. Он стоял возле столов с угощениями. Она прошла к нему.

– Ну что, прямой подход сработал? – усмехаясь, спросил он.

– Куонтрелл предложил мне поехать в его лабораторию.

– Когда?

– Сейчас.

– Тебе повезло.

– Сообщи Сайксу и Рэтчету. На всякий случай.

– На какой случай?

Кэт не успела ответить. К ним подошел Адам.

– Просто запомни, что я тебе сказала.

Нацепив на лицо улыбку, она присоединилась к Адаму, и они покинули шумный зал.

– Поедем на вашей машине, – сказал он, когда они спустились в гараж отеля. – Изабель вернется домой на моей.

– Кажется, ей не понравилось ваше внезапное исчезновение.

– В данном случае от ее мнения ничего не зависит.

Кэт удивленно покачала головой:

– Вы всегда такой заботливый с вашими приятельницами?

– Изабель – красивая женщина со свободными воззрениями. У нее целый табун ухажеров. Ее постель без меня не остынет.

– А ваша без нее?

– А вы греете постель Эда Новака?

– Вас это не касается.

– Так же как и вас.

Они уселись в прокатный «мерседес». Запах кожаных сидений смешивался с туалетной водой Адама. От такого сочетания у Кэт закружилась голова.

«Мерседес» вырулил из гаража, влившись в вечерний поток машин.

– Как вам машина? – спросил Адам.

– Устраивает.

– Устраивает? – удивленно переспросил он, ожидая более развернутого ответа.

– Да. Она меня вполне устраивает.

– В следующий раз придется поломать голову и выбрать то, что вас по-настоящему впечатлит.

Кэт увеличила скорость.

– Например, карета, запряженная четверкой лошадей, – вслух рассуждал Адам. – Или, допустим, сани с собачьей упряжкой. Как вам такие варианты?

– У меня аллергия, – ответила Кэт, выворачивая на скоростное шоссе.

– На лошадей или на собак?

– На кареты и сани.

– Понятно, – с серьезным видом кивнул Адам. – Тогда, я думаю, вам понравится одноколесный велосипед.

Кэт позволила себе улыбнуться уголками губ.

– Следующий поворот наш, – предупредил Адам. – Потом восемь миль на север.

Дорога привела их из центра города в промышленную зону, где находились предприятия и здания корпораций. За последние десять лет многие здания опустели. Повсюду взгляд натыкался на темные окна и плакаты «АРЕНДА». «Сигнус» был одной из немногих процветающих корпораций. Часы показывали восемь вечера, но в некоторых окнах горел свет, а на стоянке хозяев дожидались десятка полтора машин. Миновав будку охраны, Адам и Кэт проехали в уголок парковки, имевший навес с надписью: «КУОНТРЕЛЛ».

– У вас засиживаются допоздна? – спросила Кэт, кивая в сторону машин.

– Вечерняя смена, – пояснил Адам. – Наша диагностическая лаборатория работает круглосуточно. Добавьте к этому исследователей, у которых свои представления о времени. Вы же знаете этих яйцеголовых. Они работают по собственному графику.

– Компания с гибким подходом.

– Ничего не поделаешь, если мы хотим сохранить при себе хорошие мозги.

У входной двери Адам набрал шифр. Дверь бесшумно распахнулась. Коридор был ярко освещен. Никаких обшарпанных стен и моргающих трубок дневного света. Американская корпорация уровня «Сигнус» могла себе позволить самое лучшее.

– Куда мы идем? – спросила Кэт.

– В диагностическую лабораторию. Хочу вам доказать, что мы не ведем побочный бизнес и ничего не делаем под шумок.

– И как вы собираетесь это доказывать?

– Я собственноручно передам вам результаты токсикологических анализов по Зинии Варгас.

Диагностическая лаборатория занимала просторное помещение. Оборудование вполне соответствовало космической эре. Работало здесь человек десять или двенадцать. Навстречу Адаму и Кэт вышла пожилая женщина в лабораторном халате – начальник вечерней смены. По лицу и манере двигаться она напоминала заботливую бабушку.

– Грейс, можете не волноваться. Это не внезапная проверка, – успокоил ее Адам.

– Слава богу, – засмеялась женщина. – А то мы поспешили спрятать бочки с пивом и танцовщиц. Что вас привело в столь поздний час, мистер Куонтрелл?

– Познакомьтесь: это доктор Новак из судмедэкспертного бюро. Ей необходимы результаты токсикологических анализов по образцам, которые вам прислали из геслаборатории.

– Под каким именем проходили образцы?

– Зиния Варгас.

Грейс выдвинула клавиатуру и набрала имя и фамилию.

– Да. Образцы поступили к нам сегодня, во второй половине дня. Поскольку срочность не помечена, мы пока не брали их в работу.

– А можете взять прямо сейчас? – спросил Адам.

– Можем, только анализы потребуют некоторого времени.

Адам вопросительно посмотрел на Кэт. Она кивнула.

– Мы подождем.

Грейс подозвала лаборанта:

– Вэл, посмотрите образцы, присланные нам из геслаборатории. Сейчас мы займемся анализом по Зинии Варгас. Сейчас – значит немедленно.

Она повернулась к Адаму:

– Мистер Куонтрелл, неужели вы все это время будете здесь сидеть? Вы со скуки помрете.

– Мы пройдем ко мне в кабинет, – сказал Адам. – Когда закончите, позвоните туда.

– Хорошо. – Грейс покосилась на их вечерние туалеты. – Но я в таких нарядах лучше пошла бы потанцевать.

– Возьмем на заметку, – улыбнулся Адам.

Его кабинет находился на верхнем этаже, в конце длинного коридора. Ноги Кэт вовсю бастовали против высоких каблуков, и она мысленно ругала всех итальянских сапожников. Едва переступив порог кабинета, она сняла туфли. Ее ноги, обтянутые чулками, утонули в мягком ковре. Наверное, это был плюш или что-то похожее. Она неторопливо оглядывала кабинет Адама. Чувствовалось, кабинет служил ему не столько рабочим местом, сколько вторым домом. Мягкий диван, уютные кресла, небольшой холодильник.

– А я все гадал, долго ли вы продержитесь в этих туфельках, – улыбаясь, признался он.

– Когда Грейс заговорила о танцах, мне реветь захотелось, – призналась Кэт, усаживаясь на диван. – Я из тех женщин, кто предпочитает носки и кроссовки.

– Мертвецам все равно. А как живой человек, могу сказать, что вам очень идут туфли на высоком каблуке.

– Мои ноги не согласны.

Наклонившись, она принялась массировать стопы.

– Вашим ногам нужна капелька заботы, – сказал Адам.

Он сел рядом и в знак приглашения похлопал себя по коленям.

– Позвольте мне.

– Позволить вам… что?

– Немного компенсировать вам прогулку по длинному коридору.

– Со мной это не сработает, мистер Куонтрелл, – засмеялась Кэт и встала. – Чтобы размягчить мои мозги, массажа ног недостаточно.

– Она мне не доверяет, – как актер на сцене, воскликнул Адам, разводя руками.

– Не принимайте это на свой счет. Когда дело касается мужчин, вылезает мой давний скептицизм.

– Понятно. Страхи, уходящие корнями глубоко в прошлое. Невнимательный отец?

– У меня не было отца.

Она подошла к книжному шкафу и стала медленно осматривать содержимое. Весьма пестрое собрание. Книги стояли бессистемно. Философия. Физика. Художественная литература. Фармакология. Над шкафом висело несколько дипломов в рамках. Все – из учебных заведений «Лиги плюща».

– Так что случилось с вашим отцом? – спросил Адам.

– Это я вряд ли узнаю. – Кэт повернулась к нему. – Я даже не знаю его фамилии.

Адам удивленно вскинул брови. Единственная реакция, но весьма красноречивая.

– Я знаю, что у него были светло-каштановые волосы и зеленые глаза. Еще я знаю, что он ездил на красивой машине. И у него были деньги. А моя мать тогда отчаянно нуждалась в деньгах. Так что… – Кэт улыбнулась. – У меня зеленые глаза, светло-каштановые волосы и еще кое-что от отца.

Она ожидала, что его это шокирует. Ожидала увидеть в его глазах жалость. Ничего подобного. Адам умел сохранять нейтральное выражение лица.

– Как видите, я не из высших слоев. Правда, мама часто повторяла, что в ее жилах течет кровь испанских аристократов. Но под конец жизни мама говорила много нелепостей.

– Значит, она… – Он деликатно замолчал.

– Умерла. Семь лет назад.

Адам запрокинул голову. В его глазах читался очередной вопрос.

– Мама с детства удивляла меня своими небылицами, – пояснила Кэт. – А потом ее начали мучить головные боли. Прямо с утра. Я тогда училась на последнем курсе медицинской школы. Я же поставила ей диагноз: опухоль головного мозга.

– Представляю, что вы испытывали, – сказал Адам.

– Меня ужасал не сам диагноз. Ожидание конца. Я дневала и ночевала в «Хэнкок дженерал». Я всерьез возненавидела это место. И поняла, что не могу находиться среди больных людей. – Она встряхнула головой. – Представьте себе.

– И потому вы выбрали морг.

– Там спокойно. Там не нужны ни электрошок, ни искусственная вентиляция легких.

– Место, где вы спрятались от жизни.

Внутри Кэт поднялась злость, которую она подавила. Адам сказал правду. Она действительно спряталась в морге от всей боли и страданий, которых вдоволь насмотрелась в больничной палате.

– Моя работа меня вполне устраивает, – сказала она. – Смотрю, у вас тут холодильник. Но вряд ли в нем найдется что-нибудь съедобное. Вино на голодный желудок всегда бьет меня по голове.

Адам встал, прошел к холодильнику, открыл дверцу.

– Я сам иногда засиживаюсь допоздна и на такой случай держу сэндвичи. На наше счастье, как раз два.

Он достал пару упаковок.

– Что у нас есть? Ростбиф и… ростбиф. Такое вот меню, – виновато улыбнулся он, подавая Кэт тарелку, завернутую в пластиковую пленку. – Конечно, не угощение на приеме у мэра.

– Спасибо, я не гурманка. Тем более я не платила за приглашение.

– Я тоже, – улыбнулся Адам.

– Это как?

– У Изабель было приглашение на два лица. Она горячо поддерживает мэра Сэмпсона.

– Не понимаю ее мотивов, – призналась Кэт. Она развернула пленку и надкусила сэндвич. – Мэр Сэмпсон для Альбиона – как капитан, что ведет «Титаник» на айсберг.

– Почему вы так думаете?

– Достаточно взглянуть на Южный Лексингтон. Сэмпсон делает вид, будто этого района не существует. Он будет сколько угодно рассуждать о пригородах, начиная с Бельмида и дальше. А большой депрессивный район? Забудьте. Вам показалось. Он не хочет слышать ни о каких Джейн Доу и Никосах Бьяджи.

Кэт вернулась на диван и села, подогнув ноги под себя.

Адам тоже сел. Не совсем близко (этот факт ее обрадовал и огорчил), а на расстоянии, на каком и должен сесть внимательный хозяин.

– Честно говоря, я тоже не сторонник Сэмпсона, – признался он. – Но Изабель требовался сопровождающий.

– А у вас не было более заманчивых перспектив на этот вечер. Я угадала?

– Да. – Он откусил ростбиф, зажав розовое мясо между своими ровными прямыми зубами. – Пока не появились вы.

Кэт поставила пустую тарелку на кофейный столик и медленно вытерла бумажной салфеткой пальцы.

– Можете льстить мне сколько угодно, – сказала она. – Это ничего не изменит. И моя работа никуда не денется. Вопросы ждут ответов.

– А подозреваемые – проверки на причастность.

– Да.

– Заносите меня в подозреваемые, мне все равно. Я не чувствую за собой никакой вины. И моя корпорация тоже не виновата.

– Но куда ни сунься, везде наткнешься на «Сигнус».

– Чего вы ждете от меня? Признания, что где-то в подвале я втайне произвожу наркотик? И продаю его уличным наркоманам ради дополнительной прибыли? А может, мы додумаемся до более дьявольской схемы? Допустим, я в одиночку пытаюсь решить проблему альбионской преступности, истребляя всю эту шушеру. Самый радикальный вид терапии. И потому я оказался на приеме у мэра. Ведь Сэмпсон тоже в это вовлечен, и мы с ним в доле. – Адам подался вперед. – Как вам такое, Кэт? – улыбнулся он. – Не правда ли, звучит смешно?

В его подаче это действительно звучало смешно, но Кэт не утратила бдительности.

– Я принимаю в расчет все варианты, – сказала она.

– Даже нелепые и откровенно безумные?

Он пододвигался ближе, однако Кэт не желала уступать ни дюйма своей территории. Она сидела неподвижно и стоически выдержала прикосновение его руки, погладившей ей щеку. Она сидела точно мумия, даже когда его губы коснулись ее губ.

– Не надо, – сказала она, а внутри вовсю бурлило желание.

У нее горели щеки, но она уперлась ему в грудь и уже громче повторила:

– Не надо.

Адам отпрянул и теперь изучающе смотрел на нее.

– Что-то не так?

– Вы. Я.

Она резко встала с дивана:

– Адам, это не сработает.

– Я думал, это работает великолепно.

– Вы думали. А вы спросили о моих чувствах? Вам до них есть дело?

Адам глуповато рассмеялся:

– Кажется, я не учел все факторы.

– Зачем вы это делаете?

– Неужели нужен повод, чтобы поцеловать красивую женщину?

– Вы пытаетесь отвлечь меня своей лестью?

– Если бы вы меня знали, вы бы не задавали таких вопросов.

– Здесь вы правы. Я действительно вас не знаю. Если бы не те спички с телефонным номером, обнаруженные в руке мертвой женщины, мы бы с вами вообще не познакомились. Но подобные обстоятельства не развивают доверие.

Зазвонил телефон. Адам с явной неохотой встал и прошел к письменному столу.

– Да, Грейс… Хорошо, мы сейчас придем. – Он повернулся к Кэт. – Результаты готовы.

Грейс они нашли за компьютером. Принтер выстукивал данные анализов. Она вытащила лист и подала Адаму.

– Взгляните, мистер Куонтрелл. Небольшое содержание алкоголя. Следы противоотечного препарата. И еще вот это.

Она указала на распечатку данных по хроматографии.

– Вы проанализировали эти данные? – спросил Адам.

– Я просмотрела масс-спектрограммы и данные ультрафиолетовой спектрофотометрии. Стопроцентной уверенности по структуре у меня нет. Понадобятся дополнительные анализы. На данный момент могу сказать: это аналог морфина. Новое средство. Лево-N-циклобутилметил-6, десятый класс бета-дигидроксидов.

Кэт пристально смотрела на Адама. Чувствовалось, результаты повергли его в шок.

– Это средство называется зестрон-Л, – сказала Кэт.

Ей показалось, что Грейс впервые слышит такое название.

– Зестрон-Л? Это что такое?

– Спросите у вашего исследовательского отдела. Они вам помогут с иммунологическим анализом. И тогда разночтений в идентификации не будет.

– Вы сказали, у нашего исследовательского отдела? – Грейс повернулась к Адаму. – Значит, это…

Адам кивнул:

– Одна из наших разработок.

8

Лу Сайкс устало смотрел на Кэт. Он почти не спал. В два часа ночи его подняли: убийство на бытовой почве. Он даже не успел побриться, и на обычно гладком лице пробивалась щетина.

– Лу, мы имеем дело не просто с тремя жертвами передозировки, – сказала Кэт. – Все гораздо серьезнее. Речь идет о краже корпоративной

разработки. Сильнодействующее лекарство, которое еще находится в стадии тестирования на животных, попало на улицы. Так что можно ждать новых смертей.

Вошел Рэтчет. Вид у него был не свежее, чем у Сайкса. Из ближайшего «Макдоналдса» он принес гамбургер, в который тут же вгрызся.

– Винс, слышал последние новости? – спросил Сайкс. – Боюсь, как бы они тебе аппетит не отбили.

– И что за новости? – поинтересовался Рэтчет, аппетитно откусывая гамбургер.

– Новак получила результаты токсикологических анализов по двум нашим трупам с передозировкой.

– Да?

Чувствовалось, гамбургер волновал его больше.

– Оказалось, их убило зелье под названием зестрон-Л.

– Не слышал о таком.

– Где тебе слышать? Это новый препарат, который варганили в «Сигнусе». И он ни в коем случае не должен был появиться на улицах.

– Каким-то образом его вынесли из стен «Сигнуса», – сказала Кэт. – Впору возбуждать дело о краже.

– Мы занимаемся убийствами, – пожал плечами Рэтчет.

– Это и есть убийство. Ты забыл, Винс? У нас уже три трупа. Хочешь, чтобы их стало больше? Или тебя так напрягает сверхурочная работа?

– Так мы берем это дело? – спросил Рэтчет, мрачно глядя на Сайкса.

– Если бы все было так просто, – простонал Сайкс, откидываясь на спинку стула. – Дырка там от пули, след от удара ножом.

– А что, есть сложности?

– Я сам не любитель лишних проблем. Конечно, все куда проще, когда имеешь дело с дырками от пуль и ранами. Уличные наркоманы – уже группа риска. Честно говоря, меня не колышет, где они достают свою дурь.

– А если бы они ширялись стрихнином, тебя бы это волновало?

– Сравнил!

– Никакой разницы. Зестрон-Л в больших дозах тоже смертельно опасен. Вдруг в городе завелся какой-нибудь псих, решивший таким способом очистить улицы от наркоманов? И он, кстати, делает полезное дело.

– Знаешь, Новак, есть черта, которую я в тебе терпеть не могу, – вздохнул Сайкс.

– Это какая?

– Твоя непрошибаемая логика. Она у тебя совсем не женская.

Сайкс тяжело поднялся со стула.

– Попробуем урвать пару часиков от основной работы и прямиком в «Сигнус». Воров ловить.

– Только все взбаламутил, – проворчал Рэтчет, когда Сайкс ушел. – Лучше бы я сейчас спал.

От запаха гамбургера желудок Кэт голодно заурчал. Чтобы отвлечься от мыслей о еде, она стала разглядывать стол Сайкса. С фотографии в рамке улыбалась тоненькая чернокожая женщина и двое ребятишек. Семья Лу? Почему-то она забыла, что у копов тоже есть семьи, дома и платежи по ипотеке. Рядом с семейной была другая фотография. Сайкс и его спутник стояли на ступенях полицейского управления Альбиона и улыбались, словно уличные торговцы.

– Это напарник Лу? – спросила Кэт. – Тот, кого застрелили в Южном Лексингтоне?

Рэтчет кивнул:

– Представляешь? Он сидел в неприметной машине. Просто сидел и вел наблюдение. Вдруг мимо едет какой-то парень и начинает стрелять. Как я слышал, они с Лу были неразлейвода.

Он потер друг о друга указательные пальцы, показывая Кэт, насколько тесной была дружба Лу и того копа.

– На этом перекрестке мы потеряли двоих. Убойный перекресток. И таких в городе полно. Еще один – это угол Болтон и Суортмор. Там

шлепнули моего напарника. Был неподалеку тупичок. Наркотой торговали чуть ли не в открытую. Ну он туда и сунулся.

Рэтчет отложил гамбургер, словно у него пропал аппетит.

– В прошлом месяце мы девчонку потеряли. Пять лет у нас работала. Какой-то отморозок сумел отобрать у нее пистолет, из которого ее и убил…

Он тяжело покачал головой, смахнул со стола крошки и скомкал бумагу вместе с недоеденным гамбургером.

Кэт только сейчас задумалась о том, что у полицейских свое видение города. Альбионский коп смотрит на карту и видит не только название улиц и магистралей. Он видит перекресток, где застрелили его напарника. Глухой переулок, где обнаглевшие наркоторговцы продавали свою отраву. Улицу с разбитым асфальтом, куда под дождем, утопая в грязи, ехала «скорая», чтобы спасти ребенка. Карта города для копа – это летопись трагедий.

В кабинет вернулся Сайкс.

– Все в порядке, Винс, – сказал он. – У нас пока тихо. Можем и сгонять.

Кэт встала:

– Встретимся на месте.

Рэтчет достал из стола мобильный телефон и прикрепил себе на пояс.

– Так мы едем в «Сигнус»?

– А что еще нам остается? Новак все равно не даст сачкануть.

– Лу, я всего лишь прошу вас заняться вашей работой, – сказала Кэт.

– Тоже мне, нашла работу. Я оказываю тебе услугу.

– Не мне. Городу.

– Альбиону? – Сайкс захохотал и потянулся за пиджаком. – Наркоши убивают своих же. Самая большая услуга, какую я мог бы оказать Альбиону, – это отвернуться.

– Это охраняемая территория, – сказал Адам. – Сюда допускают только проверенных сотрудников.

Он набрал шифр на стенном пульте. На экране вспыхнули слова: «ПАРОЛЬ ПРИНЯТ». Адам открыл дверь, жестом приглашая Кэт и полицейских войти.

Первыми вошли Сайкс и Рэтчет. Потом Кэт. Когда Кэт проходила мимо, Адам крепко сжал ее руку. Этот неожиданный интимный жест и аромат его туалетной воды подействовали на Кэт возбуждающе. Но Адам был предельно собран и корректен. Стопроцентный бизнесмен в сером костюме. Только выражение глаз подсказывало, что его обаяние при нем.

– Рад, что вы приехали, – тихо сказал он. – Как вам это удалось?

– Уилок согласился подменить. Взяла выходной. Сказала ему, что покупаю новую машину.

– А почему не сказали правду?

– Его бы устроило, если бы я прекратила расследования. Да и их тоже.

Она кивнула в сторону Сайкса и Рэтчета. Полицейские с любопытством глазели на мигающий компьютерный экран.

– Мне совесть не позволяет отказаться. А для них я источник лишних проблем.

Они подошли к двери с надписью: «ОТДЕЛ 8».

– Вот здесь ведутся исследования по зестрону-Л, – сказал Адам, толкая дверь.

У Кэт захватило дух. Дверь показалась ей порталом в будущее. Мир, куда она попала, состоял из трех цветов: белого, черного и хромового блеска металлических поверхностей. Даже сотрудник, вышедший им навстречу, не выбивался из этой цветовой гаммы. Черноволосый, в ослепительно-белом халате.

– Доктор Герберт Эстерхаус, руководитель проекта, – представился он, пожимая руки гостям. – Я отвечаю за разработку зестрона-Л.

– И это подконтрольная вам территория? – спросил Сайкс, оглядывая помещение, где работало человек пять или шесть.

– Да. Все, что делается в рамках проекта, сосредоточено в этом помещении и трех примыкающих. Попасть сюда можно только через дверь, в которую вы входили. Есть еще аварийный выход, через биолабораторию, где содержатся подопытные животные. Но та дверь подключена к системе сигнализации.

– Сюда допускаются только сотрудники отдела?

– Совершенно верно. Только сотрудники. Честно говоря, не представляю, как хотя бы крупица зестрона могла оказаться за стенами отдела.

– Ясное дело как, – сказал Сайкс. – Кто-то вынес.

Доктор Эстерхаус посмотрел на Адама. Взгляд был мимолетным, но Кэт он сказал очень многое. Прежде всего – молчаливый вопрос. Только сейчас она обратила внимание на нервозное поведение Эстерхауса. Он потирал свои костлявые пальцы. Крысиные глазки следили за каждым движением Сайкса и Рэтчета.

– А как вы отбираете людей в подобные отделы? – поинтересовался Рэтчет.

– Мы в первую очередь интересуемся профессиональными качествами человека и его способностями к исследовательской работе. Никаких проверок на детекторе лжи мы не ведем. Изощренных психологических тестов тоже не применяем. Мы исходим из предпосылки, что у нас работают честные люди.

– Получается, ваша предпосылка не совсем верна, – заметил Сайкс.

– На этом проекте нет текучки кадров, – сказал Адам. – Герберт может подтвердить мои слова.

Эстерхаус кивнул:

– Я здесь работаю шесть лет. А большинство работников, – он указал на людей в белых халатах, – пришли в «Сигнус» еще раньше.

– И никаких исключений? – спросил Сайкс.

Эстерхаус снова посмотрел на Адама. Опять этот нервозный, вопросительный взгляд.

– Исключением была моя падчерица Мэв, – сказал Адам.

Сайкс и Рэтчет удивленно переглянулись.

– Она работала в этом отделе? – не скрывая изумления, спросил Сайкс.

– Всего лишь уборщицей, – быстро ответил Эстерхаус. – Для другой работы у Мэв не было соответствующего образования. Но качество ее уборки нареканий не вызывало.

– Тогда почему она ушла?

– У нас возникли… разногласия, – ответил Эстерхаус.

– Какие именно? – напирал Сайкс.

– Она… начала опаздывать. И не всегда одевалась надлежащим образом. Я говорю не о зеленых волосах и вызывающих нарядах. Но украшения, свисающие с ее шеи… в лабораторных помещениях, учитывая наше оборудование… это было небезопасно.

Кэт представила, как появление Мэв взрывало этот бело-черный мир. Цветовое буйство ее волос и нарядов не сочеталось со строгой лабораторной обстановкой. И все сотрудники – такие одинаковые в своих белых халатах – втайне ненавидели эту экзотику, сочетающуюся с необузданным поведением, но были вынуждены терпеть падчерицу босса.

– И ваши, так сказать, разногласия закончились ее увольнением? – спросил Сайкс.

– Да, – вздохнул Эстерхаус, всем видом показывая, как он сожалеет. – Я обсуждал этот вопрос с мистером Куонтреллом, и мистер Куонтрелл разрешил мне поступить так, как сочту нужным.

– А почему Мэв начала опаздывать? – спросила Кэт.

Все удивленно посмотрели на нее.

– Что вы сказали? – переспросил Эстерхаус.

– Я пытаюсь понять причину. Судя по вашему рассказу, вначале Мэв работала вполне нормально. Нареканий у вас не было. И вдруг в ее поведении что-то поменялось. Когда это произошло?

– Полгода назад, – ответил Эстерхаус.

– Итак, полгода назад Мэв вдруг начала опаздывать на работу, а то и просто прогуливать. Что изменилось?

Этот вопрос был обращен к Адаму.

– Мэв уже жила отдельно, – покачал головой он. – Я не знаю, что именно повлияло на ее поведение.

– Может, с наркотиками познакомилась? – предположил Сайкс.

– Такого я за ней не замечал, – сказал Эстерхаус.

– Разозлилась она, вот и все, – послышался женский голос.

Все повернулись к женщине, сидевшей за компьютером.

– Герберт, я же помню, как вы с ней тогда повздорили. Она не то что разозлилась. Она была вне себя от ярости. Заявила, что больше не собирается... плясать под вашу дерьмовую дудку. Потом ушла и дверью хлопнула. – Женщина покачала головой. – Без тормозов девочка. Чистый импульс.

– Спасибо вам, Роуз, за информацию, – сухо произнес Эстерхаус и повернулся к гостям. – Идемте, я покажу вам другие помещения.

Экскурсия продолжалась. Эстерхаус привел их туда, где в клетках сидели, лежали и прыгали лабораторные собаки. Он специально подвел гостей к двери аварийного выхода и показал крупную надпись: «САМОВОЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ ДВЕРИ ВКЛЮЧАЕТ СИГНАЛИЗАЦИЮ».

– Как видите, сюда никто не может проникнуть и что-то похитить, – заметил Эстерхаус.

– Но кто-то проник и похитил, – невозмутимо возразил ему Сайкс.

– Я допускаю единственную возможность, – сказал Эстерхаус. – Параллельная разработка. Какая-то лаборатория может вести работы в аналогичном направлении. А проникнуть сюда... Если через эту дверь – тревога по всему зданию. А чтобы пройти через основную, надо знать коды доступа.

– Которые знают все ваши сотрудники, – подхватил Сайкс.

– Ну да, знают.

– Один вопрос. – Рэтчет делал пометки в своей записной книжке. – Вы меняли коды доступа?

– В прошлом году – нет.

– Значит, в прошлом году каждый, кто здесь работал… та же Мэв… знали код, – подытожил Сайкс.

Эстерхаус замотал головой:

– Она бы такого не сделала! При всех недочетах ее характера, при всей ее неуправляемости Мэв не воровка. Наконец, это же компания ее отца!

– Я всего лишь привел пример, – спокойно заметил Сайкс.

И опять Эстерхаус взглянул на Адама. Кэт вдруг поняла: они с Адамом пытаются выгородить Мэв.

Адам решил плавно переключить внимание гостей.

– Теперь я покажу вам, где хранится это средство.

Они вошли в боковую комнату, одну стену которой занимал холодильник.

– Особой необходимости хранить что-то в холодильнике нет, – сказал он, открывая дверцу. – При комнатной температуре кристаллы вполне стабильны. Мы делаем это из предосторожности.

Он выдвинул поднос, уставленный пробирками, аккуратно вытащил одну из стойки и протянул Кэт.

– Это и есть зестрон-Л.

Кэт даже залюбовалась ярко-розовыми кристаллами, похожими на крошечные самоцветы. Свет играл на их гранях. Кэт наклонила пробирку, продолжая наблюдать за розовым вихрем, остановленным черной пробкой.

– Красивое зрелище, – признала она.

– Кристаллическая форма лучше подходит для хранения, – сказал Эстерхаус. – Перед вами – зестрон-Л в его чистом виде. Но подопытным животным вводят его раствор. При нагревании кристаллы полностью растворяются в смеси спирта с водой. Препарат очень экономичен.

– Что значит экономичен?

– Всего одного такого кристаллика хватает для изготовления пятидесяти терапевтических доз.

– Пятидесяти? – переспросил Сайкс.

– Да. Из одного кристалла, растворенного в пятидесяти кубических сантиметрах смеси, получается пятьдесят доз.

Рэтчет разглядывал дверцу холодильника:

– Она что же, не запирается?

– Нет, – ответил Адам. – Здесь ничего не запирается. Как я уже сказал, мы доверяем своим сотрудникам.

– А инвентаризационные проверки бывают? – поинтересовался Сайкс. – Вы следите за сохранностью своих пробирок?

– Они все пронумерованы. Если бы хоть одна исчезла, мы бы сразу заметили.

– И все-таки есть какой-нибудь способ незаметно похитить эти кристаллы?

Эстерхаус задумался.

– Если только кто-то догадался…

– О чем? – навострил уши Сайкс.

– Что можно взять один-два кристалла из каждой пробирки. Внешне это практически незаметно.

Все замолчали, раздумывая над услышанным. Звонок сотового телефона прозвучал неожиданно. Оба копа посмотрели на свои мобильники.

– Это мой. Прошу прощения, – сказал Сайкс, отойдя в дальний угол комнаты.

– Ну что ж, мы вряд ли можем чем-то помочь, – сказал Рэтчет. – Если где-то существует лаборатория и там тоже делают розовые кристаллы…

– Вероятность существования такой лаборатории ничтожно мала, – возразил Адам. – Зестрон-Л не из тех соединений, которые можно изготовить в подвале. Мы занимаемся им уже несколько лет, но о промышленном производстве пока не может быть и речи.

– Но доктор Эстерхаус говорит, что в каком-то другом месте вполне могли сделать аналог вашего зестрона.

– «Сигнус» – единственная корпорация, располагающая необходимым оборудованием. Поверьте, такие работы стоят очень больших денег.

– Вы бы удивились, узнав, какими суммами ворочает преступный мир, – сказал Рэтчет, закрывая записную книжку. – Я привык говорить честно. Дело о хищении зестрона – почти «глухарь». Вряд ли, мистер Куонтрелл, мы вам чем-то поможем.

– Можно было бы проверить работников на детекторе лжи, – предложила Кэт. – Хоть какое-то начало.

– И оскорбление, которого никто из них не заслужил, – усмехнулся Эстерхаус.

– Я на такое не согласен, – покачал головой Адам.

– Вряд ли это даст результаты, – сказал Рэтчет. – Ваши люди будут нервничать, напрягаться. Боюсь, сейчас вам уже не поймать крысу. Опоздали.

– А как насчет Южного Лексингтона? – не унималась Кэт. – Винс, нужно трясти получателей. Узнавать, кто распределяет наркотик, и через «шестерок» добираться до главарей. Расспросить родственников и друзей жертв. Кто-нибудь да укажет на источник.

– Этим можно было бы заняться, – без особого энтузиазма согласился Рэтчет.

– Винс, нам надо ехать, – сказал вернувшийся Сайкс. – Здесь наша работа закончена.

– Вы никого не будете опрашивать? – удивилась Кэт.

– Потом.

Простившись с Адамом и Эстерхаусом, полицейские направились к выходу.

– Наверное, срочный вызов, – пробормотала Кэт. – Я узнаю, в чем дело.

Копов она настигла уже на стоянке.

– Лу! Постой!

Сайкс повернулся к ней. Вид у него был безмерно усталый.

– Ну что еще, Новак?

– Почему вы вот так срываетесь?

– Потому что мне нужно прикрыть собственную задницу. Это понятно? И потому что у меня есть начальство, которому жутко не нравится, что я разбазариваю свое рабочее время.

– Тебе позвонил начальник?

– Да. И потребовал объяснить, почему я пытаюсь спасти наркош, когда в наших пригородах орудуют убийцы. И я не смог придумать ни одного убедительного ответа. – Он распахнул дверцу. – Залезай, Винс.

– Постой! А кто рассказал твоему начальству об этом деле?

– Я не спрашивал, – раздраженно ответил Сайкс.

– Но ведь он откуда-то узнал.

Сайкс забрался в машину и громко хлопнул дверцей.

– Я знаю лишь то, что надо мной есть начальство и оно мне приказывает. Всё. Сваливаем отсюда. – Он посмотрел на Рэтчета и рявкнул: – Поехали!

Кэт смотрела вслед удаляющейся машине копов.

«Надо мной есть начальство, и оно мне приказывает».

А кто приказывает твоему начальству? Ведь кто-то позвонил начальнику полиции и потребовал отозвать Сайкса и Рэтчета. Кто? Люди из окружения мэра? Эд?

Она задрала голову и только сейчас увидела громадные буквы «СИГНУС» на крыше здания. Ей очень не хотелось допускать такую возможность. Но еще глупее прятать голову в песок.

Если у кого и были причины остановить расследование, так прежде всего у него, Адама Куонтрелла. Иначе пострадает его корпорация. Иначе его репутацию изваляют в грязи. И пусть не врет, что на прием к мэру он приехал в качестве сопровождающего Изабель.

«На какой стоянке ты оставила свои мозги, Кэт Новак?»

Она повернулась и пошла к своей машине.

Кэт было тяжело расставаться с «мерседесом», но она не собиралась отказываться от своих принципов. Пусть Адам Куонтрелл не думает, что ее можно купить. Она не будет его должницей. Ни в чем.

Заехав в прокатную фирму «Реджис», она вернула «мерседес» и заплатила за все время пользования. Оттуда она пешком двинулась в фирму, где торговали подержанными машинами.

Кэт выбрала себе серый «форд». Пять лет эксплуатации, несколько ржавых пятен на крыле. Салон слегка затхлый. Обивка на заднем сиденье порвана, но двигатель работает исправно, и цена вполне устраивает.

За рулем такой машины Кэт не испытывала ни малейшего чувства вины.

Она поехала прямиком в мэрию.

Ей вежливо, но холодно объяснили, что мэр Сэмпсон очень занят и сегодня не сможет ее принять. Не только сегодня. Кэт понимала: после давешнего разговора ее вообще больше не пустят к Сэмпсону. Оставался окружной прокурор. Своего бывшего мужа она застала на рабочем месте. Письменный стол Эд содержал в образцовом порядке. Никакого вороха бумаг, ручек и скрепок. Все лежало на своих местах. Сам хозяин кабинета выглядел столь же безупречно. Его рубашка из чистого хлопка была идеально выглажена. Кэт еще раз удивилась, как она выдержала два года совместной жизни с этим человеком.

Ее появление удивило Эда.

– Кэт? Решила нанести мне неофициальный визит?

– Кто нашептал начальнику полиции? – вместо приветствия спросила она.

– Ясно. Визит сугубо официальный.

– Это сделал Сэмпсон?

– Ты о чем?

– Сам знаешь о чем.

Кэт уперлась ладонями в стол.

– Сержанту Сайксу велели держаться от «Сигнуса» подальше. Кто отдал приказ? Сэмпсон? Ты?

Эд откинулся на спинку кресла.

– Не я, – ответил он, подкрепляя слова невинной улыбкой. – Как говорят, не сойти мне с этого места.

– Сэмпсон?

– Без комментариев. Но ты знаешь, какое давление он испытывает. Если полиция начнет копать, сведения просочатся в СМИ. А нам такая публичность не нужна. Особенно сейчас.

– Куонтрелл к этому причастен?

– Что?

– Он просил Сэмпсона убрать копов?

На лице Эда отражалось неподдельное изумление.

– А ему это зачем? Я не понимаю, зачем ты копаешься в таком дерьме? Или возвращаешься ко временам похода в защиту сирых и убогих?

– Я не участвовала ни в каких походах!

– Участвовала, и еще как. Думаешь, мне было легко жить с тобой? Сплошные принципы, с которыми я должен считаться. Женившись на тебе, я не давал обет бедности и нестяжательства. Но стоило мне купить «БМВ» или… или вступить в клуб ракетбола, ты морщилась, словно я совершил что-то гнусное.

– Эд, ты просто забыл нашу совместную жизнь, а теперь придумываешь черт-те что. Я никогда не призывала тебя к бедности.

– Не напрямую. Но неимущие как были, так и остались предметом твоих забот. Кэт, пора менять свои взгляды. Ну что ты носишься с этими нариками? У нас на улицах грабят туристов! Добропорядочных туристов из добропорядочных мест. Вот кого мы должны защищать, а не отбросы из Южного Лексингтона.

Кэт тряхнула головой и невесело рассмеялась:

– Эд, я только сейчас поняла. Представляешь? До сих пор не понимала.

– Чего ты не понимала?

– Какой ты добрый и чувствительный придурок.

– Опять проблема восприятия.

– Не восприятия, Эд. Принципов. – Кэт подошла к двери. – Будь у тебя собственные принципы, возможно, ты бы понял, о чем я говорю.

Едва за бывшей женой закрылась дверь, Эд Новак позвонил мэру.

– Она только что ушла, – сказал он. – Настроение у нее далеко не радужное.

– Как вы считаете, у нее хватит мозгов сунуться к газетчикам? – спросил Сэмпсон.

– Если и сунется, мы будем хранить полное молчание. На каждый их вопрос – «без комментариев». Или отрицать кризис.

– Нужно выставить ее заурядной паникершей, чьи слова нельзя принимать всерьез. В ближайшее время сделайте что-нибудь, чтобы остудить ее пыл. А то она станет занозой в заднице.

– Она всегда такой была, – вздохнул Эд.

Весь день Адам Куонтрелл ждал звонка Кэт. Он чувствовал: чтобы внести ясность в их отношения, нужно было пообедать в каком-нибудь уютном местечке. Исполненный оптимизма, он заказал столик на двоих в китайском ресторане «Йенькин». Это поможет Кэт понять, что он на ее стороне и хочет сделать их отношения более тесными. Время приближалось к пяти часам, однако Кэт не звонила.

Когда телефон в кабинете Адама наконец зазвонил, он услышал в трубке не ее голос, а голос своего дворецкого Томаса.

– Доктор Новак вернула «мерседес», – сообщил Томас. – Совсем недавно я говорил с фирмой «Реджис».

– Да. Она сегодня собиралась покупать машину.

– Мистер Куонтрелл, я бы не стал отрывать вас от работы, но думаю, вам необходимо знать, что она сама оплатила стоимость проката. За все дни.

– Как так? Я же просил прислать счет мне.

– Я помню. Они пытались объяснить это доктору Новак. Но она потребовала, чтобы они приняли у нее плату за прокат.

– Им надо было проявить больше твердости.

– Мне сказали, что никому из их персонала не удалось переупрямить доктора Новак.

«Ну что мне делать с этой женщиной?» – подумал Адам, вешая трубку.

Совсем недавно она радовалась этой машине. Ему казалось, Кэт поняла, что плата за прокат – его подарок. Что же заставило ее расплатиться самой?

В половине шестого он покинул здание «Сигнуса» и поехал на север. По пути он решил заехать к Кэт, надеясь застать ее дома.

Проезд был пуст. На стук в дверь никто не отзывался. Адам вернулся в машину и стал ждать.

Минут через двадцать, когда уже собирался завести мотор и поехать домой, он заметил приближающийся серый «форд». За рулем сидела Кэт. Вскоре она свернула в проезд.

Адам вылез из машины. Кэт вышла из своей. В руке у нее был бумажный пакет с едой из ресторана «Хоп Син».

– Кэт! Я несколько раз вам звонил…

– Я была занята, – сухо ответила она.

На что же она рассердилась? Словно не замечая Адама, Кэт пошла к крыльцу своего дома. Адам не отставал.

– Почему бы нам не полакомиться настоящей китайской едой? – предложил он.

– Меня вполне устраивает еда из «Хоп Сина», – отрезала она, открывая дверь.

Адам был полон решимости выяснить причину столь странной отчужденности. Не дожидаясь приглашения, он последовал за Кэт в дом, прошел в кухню.

– Кэт, я честное слово не понимаю, в чем дело.

– Зато я прекрасно понимаю вас, Адам. Если бы «Сигнус» принадлежал мне, я бы тоже постаралась остановить расследование.

– Я не останавливал никакого расследования, – покачал головой Адам.

– Вы подумали, какой шум поднимут газетчики. Представили себе заголовки. «Новое детище „Сигнуса“ – лекарство-убийца».

– С чего вы решили, что я зашел так далеко в стремлении выгородить свою компанию?

– А разве нет?

Кэт принялась выгружать содержимое пакета.

– Слушайте, я сегодня почти ничего не ела. Я хочу нормально поесть, пока... а, черт!

– Что?

– Жареный рис в машине оставила.

Она стремительно вышла. Адам побежал за ней.

– Давайте куда-нибудь съездим пообедать, – предложил он.

– Нет уж, спасибо. – Кэт открыла дверцу машины и вытащила второй пакет. – Сегодня я наслаждаюсь одиночеством. Обед. Горячая ванна. И никаких развлечений.

Она захлопнула дверцу... и в этот момент оглушительный взрыв потряс ее дом. Взрывная волна опрокинула Кэт на спину. Ее ранило осколком стекла. К счастью, Кэт упала в сухую траву. Сверху на нее дождем сыпались щепки, осколки и куски асфальта.

Затем, словно мягкий снегопад, с небес опустились хлопья белой пыли.

9

Кэт не понимала, что происходит вокруг. Она оцепенело лежала на траве и смотрела в небо. Постепенно к ней вернулся слух. Она услышала, как ее окликают по имени. Кто-то откинул волосы, упавшие ей на лоб. Кто-то погладил ее по лицу.

– Кэт, посмотрите на меня. Я здесь, рядом. Ну посмотрите же на меня!

Она слегка повернула голову и увидела Адама. В его глазах был нескрываемый страх. Почему он так испугался?

– Кэт! – крикнул он. – Да скажите хоть слово!

Она попыталась ответить, но смогла лишь прошептать:

– Адам?

А к ним уже бежали. Она слышала взволнованные голоса и повторяющийся вопрос: «Она не пострадала?»

– Что случилось? – спросила Кэт.

– Не двигайтесь. Сейчас приедет «скорая».

– Что случилось?

Кэт заставила себя сесть. Окружающий мир качнулся, словно она плыла на лодке. Но вокруг была не вода, а лица зевак. Лужайку покрывали обломки ее дома. Это зрелище окончательно привело ее в чувство.

Фасад полностью исчез, обнажив внутренние стены. Все это напоминало громадный кукольный дом. Даже проезд был завален лоскутами материи, кусками диванной обивки и обломками мебели. С ветки дерева свисала пустая рамка.

– Боже милосердный, – произнес в толпе зевак чей-то голос. – Вы никак газ оставили открытым?

– Мой дом, – прошептала Кэт.

Ее захлестнула волна злости. Вместе со злостью пришли силы. Она встала на ноги.

– Что они сделали с моим домом?

И вдруг, как будто было мало разрушенной стены, в развороченном доме вспыхнул первый язык пламени. Огонь стал быстро распространяться.

– Назад! – крикнул Адам. – Всем отойти!

– Нет! – заорала Кэт.

Надо спасать хотя бы то, что еще можно спасти. Если присоединить поливочный шланг, если уличный водопровод действует, она зальет огонь.

– Пустите меня! – Она оттолкнула Адама. – Там все сгорит!

Кэт успела пройти всего пару шагов. Адам схватил ее и потащил назад. Она сердито отбивалась, но Адам сжал ей руки, стараясь оттащить подальше от горящего дома.

– Вы понимаете, что мой дом горит? – кричала она.

– Кэт, вы его не спасете. Там утечка газа!

Языки пламени резко взметнулись вверх и лизнули покосившуюся крышу. Огонь уже вовсю бушевал в гостиной, пожирая остатки мебели. Густой клубящийся дым отгонял собравшихся.

– Мой дом, – рыдала Кэт, извиваясь в руках Адама.

Адам крепко прижал ее к себе, стараясь хотя бы так защитить от зрелища и звуков гибнущего дома. Когда послышались сирены пожарных машин, Кэт стояла, уткнувшись в плечо Адама и заливая слезами его рубашку. Постепенно гул пламени и крики пожарных стали отдаляться, уходя в другое измерение. Ее единственной реальностью была мокрая от слез рубашка Адама и ровные удары его сердца.

Потом он осторожно разжал руки и что-то шепнул ей на ухо. Кэт нехотя вернулась в реальный мир и увидела двоих людей в форме. Один был полицейским, второй – пожарным.

– Как это случилось? – спросил коп.

– Не знаю, – покачала головой Кэт.

– Мы с Кэт почти одновременно подъехали к ее дому, – сказал Адам. – Вошли внутрь. Затем Кэт обнаружила, что забыла в машине пакет с едой. Мы вышли, и через считаные секунды… взрыв. Кэт досталось сильнее. Я стоял сзади.

– Вы чувствовали запах газа?

– Нет, – уверенно ответил Адам. – Газом в доме не пахло.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Огонь вспыхнул после взрыва.

Люди в форме переглянулись. Кэт стало не по себе от многозначительности их взглядов.

– Это была бомба? – спросила она.

Коп и пожарный не ответили. Ответа и не требовалось. Их молчание говорило само за себя.

К дому Адама они подъехали около часа ночи. Два часа пришлось просидеть в местной клинике, где им обрабатывали порезы и ссадины. Оттуда они отправились в полицейское управление Бельмида, где еще два часа отвечали на вопросы. Оба безумно устали. Они не вышли, а буквально вывалились из машины и, спотыкаясь, поднялись на крыльцо.

Их встретил Томас.

– Мистер Куонтрелл, что случилось? – спросил он, с ужасом глядя на порванный мятый костюм хозяина. – Никак опять потасовка?

– Нет. На этот раз всего-навсего бомба. – Адам поднял руку, пресекая дальнейшие вопросы Томаса. – Утром я вам все расскажу. А сейчас нужно поскорее уложить доктора Новак спать. Она переночует у нас.

Томас невозмутимо кивнул.

– Я приготовлю гостевую комнату, – сказал он и пошел впереди.

Адам медленно вел Кэт по лестнице. Она казалась ему такой маленькой и хрупкой. К тому моменту, когда она доковыляла до южной гостевой комнаты, Томас успел застелить постель и задвинуть шторы.

– Спокойной ночи, мистер Куонтрелл, – сказал дворецкий и деликатно исчез.

– Ложитесь. Я вам помогу.

Адам откинул покрывало и присел, чтобы разуть Кэт.

– Представляю, какое я сейчас чучело, – пробормотала она, глядя на свои лохмотья.

– Этот вопрос мы решим утром. А сейчас нужно выспаться. Вам помочь раздеться?

На лице Кэт появилось легкое изумление.

– Честное слово, мои намерения не выходят за рамки дружеской помощи безумно усталой женщине.

– У меня хватит сил раздеться, – буркнула она.

Адам присел на краешек постели.

– Это зашло слишком далеко, – сказал он. – Ваша работа – одна сторона. Меня восхищают ваша стойкость и напористость. Поверьте, это не комплимент. Но ситуация становится просто мерзкой. Сегодня вам повезло. А в другой раз…

Ему не хотелось договаривать.

Впрочем, договаривать было и не нужно. Кэт уже спала.

Она все еще спала, когда утром Адам заглянул к ней.

Он тихо сел на стул. За шторами светило солнце. Лучи, пробивавшиеся между штор, танцевали на стенах и полированной мебели. Адам совсем забыл, какой красивой бывает эта комната при утреннем свете. А может, комната стала такой, потому что в ней спала Кэт Новак?

В дверь постучали. Повернувшись, Адам увидел Томаса.

– Я подумал, ваша гостья не откажется позавтракать, – шепнул дворецкий.

В руках у него был поднос с едой.

– Пусть спит, пока сама не проснется, – сказал Адам.

Он выпроводил Томаса в коридор и вышел сам, тихо затворив дверь.

– Что с ее одеждой?

– Только выбросить, – вздохнул дворецкий.

– Тогда я попрошу вас обзвонить магазины и заказать доставку на дом. Ей придется обновить весь гардероб. В таком пожаре едва ли что-то уцелело.

– Я позвоню в местный «Нейман Маркус». Скорее всего, она носит обувь шестого размера.

Адам живо вспомнил вчерашнюю картину, когда он вел Кэт наверх. Маленькая, хрупкая женщина.

– Да. Я тоже так думаю.

Он спустился в столовую, где его уже ждал завтрак. Есть Адаму не хотелось. Он ограничился кофе, слушая телефонный разговор Томаса с представителями магазинов. Дворецкий был прав: Кэт лишилась всей своей одежды и составлять ее гардероб придется с нуля. Верхняя одежда. И белье тоже. Откуда ему знать, лифчики какого размера она носит?

Томас повесил трубку и вскоре появился в столовой. Вид у него был смущенный.

– Меня сразу спросили о… размерах.

Адам засмеялся:

– Я тоже об этом подумал. Теперь уж точно придется ждать, пока доктор Новак не проснется.

– Вы совершенно правы, – обрадовался Томас.

Снаружи донеслось шуршание шин по гравию. Выглянув в окно, Адам увидел синий «шевроле».

– Должно быть, сержант Сайкс, – сказал он. – Я открою.

К его удивлению, Сайкс приехал вместе с Рэтчетом. Даже в выходные дни (а была суббота) они составляли полноценную команду. Они и одеты были совершенно одинаково – в непривычные рубашки поло и кроссовки.

– Доброе утро, мистер Куонтрелл, – поздоровался Сайкс, снимая темные очки. – Я привез то, что вы просили. – Он кивнул на портфель.

– Прошу в дом. Кофе и завтрак, если желаете.

– Заманчивое предложение, – заулыбался Рэтчет.

Мужчины прошли в столовую. Томас принес чашки, блюдца и свежезаваренный кофе. Рэтчет повязал салфетку и принялся уминать рогалики, щедро намазывая их сливочным сыром. Работа в полиции никак не сказывалась на его отменном аппетите. Сайкс ограничился чашкой приторного кофе. Его «энергетический напиток» с тех самых времен, когда он был дежурным полицейским.

– И что вы привезли? – спросил Адам.

Сайкс открыл портфель, вынув несколько папок.

– Документы, которые вы просили. И еще данные по вчерашнему взрыву.

– Значит, это не утечка газа?

– Ни в коем случае. Характер разрушений совершенно иной, – сказал Сайкс. – Скорее всего, открыв дверь, Кэт привела в действие контактный запальник. Через шестьдесят секунд сработал детонатор замедленного действия, и – бах! Со взрывчаткой особо не заморачивались. Обычный тол, зато в щедром количестве.

Адам нахмурился:

– Теперь понятно, почему взрыв не прогремел сразу.

– Детонатор замедленного действия, – кивнул Сайкс. – Такие штучки взрываются после того, как жертва войдет в дом.

– Кто бы ни были эти парни, дело свое они знают, – добавил Рэтчет, успевая и жевать, и говорить.

Адама потряс такой поворот событий. Вплоть до появления полицейских он надеялся, что взрыв был чисто бытовой. Неисправность в системе отопления, утечка газа, запах которого он просто не заметил. Но Сайкс и Рэтчет привезли неопровержимые доказательства. Кто-то хотел физически устранить Кэт, причем самым радикальным способом.

На какое-то время из-за шока Адам лишился способности видеть окружающий мир. Он не заметил, что в столовой появилась Кэт. Казалось, его старый, наспех подвязанный купальный халат поглотил крохотную Кэт. Она встала возле стола, глядя на Сайкса и Рэтчета.

– Вы слышали, о чем говорил Лу? – спросил Адам.

Кэт молча кивнула, хватая ртом воздух.

– Пора взглянуть фактам в лицо. Кто-то пытается меня убить.

– Похоже, что так, – кивнул Адам.

Кэт не присела к столу. Обхватив себя за плечи, она медленно ходила по столовой. Наверное, так ей было легче думать. Потом она встала у окна, глядя на залитую солнцем лужайку и деревья.

– Кэт, сейчас все полицейские Бельмида занимаются исключительно взрывом, – сказал Сайкс. – Я говорил с детективами. Они проверяют все версии.

– Что, серьезно?

– Говорю тебе, проверяют все версии. Возможно, кто-то затаил на тебя обиду после твоего выступления в суде. Такое бывает. Твое экспертное заключение отправило кого-то за решетку. Проверяли твоих бывших друзей. Они даже Эда допросили.

– Эда? – невесело рассмеялась Кэт. – Он и с видеомагнитофоном-то толком обращаться не умеет. А уж подложить бомбу...

– Не забывай, можно действовать чужими руками. Его тоже допросили.

Кэт повернулась к Сайксу:

– Значит, в полиции никто не сомневается, что это была самая настоящая попытка физически меня устранить.

– Никто. Достаточно взглянуть на твой дом. Точнее, на то, что от него осталось.

Она снова повернулась к лужайке и деревьям.

– Я знаю. Это из-за них.

– Из-за кого?

– Из-за Никоса Бьяджи. Из-за Джейн Доу. Из-за того, что происходит в «муниципалке».

– У тебя могут быть и другие враги, – заметил Сайкс. – Если помнишь, тогда украли твою сумочку. Кто-то из этих отморозков вполне мог проникнуть в твой дом...

– И установить взрыватель замедленного действия? – Кэт покачала головой. – Тогда такие штучки должны продавать в супермаркетах. И тол тоже. Лу, они всего лишь трудные дети. Я росла с такими же. Чаще всего их умственное развитие оставляет желать лучшего. Установка хитрых бомб им не по мозгам. И потом, какие у них мотивы?

– Не знаю, – беспомощно вздохнул Сайкс. – Они же тогда напали на вас.

– Но они нас не убили! А там расправиться со мной было гораздо проще.

– Сержант, она права, – поддержал Кэт Адам. – Уличная шантрапа не разбирается в таких вещах. Бомбу устанавливал человек знающий и, скорее всего, опытный.

– Профессионал, – резюмировал Рэтчет.

Кэт мгновенно побледнела, плотно сжав губы. Адам видел: ей страшно. Ничего удивительного. На ее месте любой бы испугался. Кэт молча подошла к столу и села напротив него. Халат слегка распахнулся. Только сейчас Адам сообразил, что под махровой тканью – только ее голое тело. До чего же она сейчас беззащитна. Взрыв лишил ее всего. Даже одежды.

Он угадал. Кэт действительно чувствовала себя совершенно беззащитной.

Она сидела, придерживая халат. Ее взгляд был уперт в стол. Она слышала, как Сайкс и Рэтчет встали, каким-то краешком сознания отметила их слова прощания и шаги. Стук закрывшейся двери. Закрытые двери – вот что видела Кэт, пытаясь заглянуть в будущее. Закрытые двери и скрытые опасности.

Еще совсем недавно собственная жизнь казалась ей вполне предсказуемой. Утренняя поездка на работу, вечернее возвращение домой. Отпуск два раза в год. Редкие встречи с мужчинами. Последовательное движение по служебной лестнице, пока должность главного судмедэксперта не перейдет от Дэвиса Уилока к ней. Помнится, однажды он сказал, что когда-нибудь она займет его место.

Вчера ей напомнили: в ее жизни нет больше определенности. Нет будущего. Если бы не забытый пакет с жареным рисом, не было бы и ее самой.

– Кэт, вы же не одиноки, – сказал Адам.

Она подняла голову и увидела, что все это время Адам наблюдал за ней.

– Все, что вам нужно, – говорил он. – Все, что угодно…

– Благодарю, – улыбнулась Кэт. – Но я не очень-то умею принимать милостыню.

– Я имел в виду совсем не это. Вы не из тех, кто способен жить за счет благотворительности.

– Ничего своего у меня не осталось.

Кэт встала и опять начала расхаживать по столовой.

– Я теперь… бездомная! Лицо, размещенное в вашей гостевой спальне.

К ее удивлению, Адам засмеялся:

– Если уж совсем честно, сейчас вы действительно похожи на бездомную. Где вы откопали это старье?

Кэт осмотрела поношенный халат и невольно тоже засмеялась:

– В вашем комоде. Нужно было что-то на себя нацепить. Выбор оказался невелик: либо полотенце, либо эта экзотика. Кстати, где моя одежда?

– Вы хотели сказать, лохмотья. Увы, Томасу пришлось их выбросить.

– Он выбросил мои вещи?

– Он выбросил то, что осталось от ваших вещей. Не волнуйтесь, вам сегодня же привезут новую одежду.

Кэт вдруг заметила, с каким интересом Адам на нее глазеет. Ну конечно, полы халата опять разошлись. Она сердито затянула пояс. В этот момент ее взгляд упал на папки, оставленные копами.

– Что это у вас?

– Сержант Сайкс привез сегодня. Кое-какие полицейские документы. Точнее, их копии.

– И он привез вам копии? Это же строго запрещено.

– Официально – да. Но у нас с ним… неофициальное взаимовыгодное сотрудничество.

– Очень интересно. И какие материалы он вам привез?

Адам раскрыл верхнюю папку:

– Здесь собраны данные по Никосу Бьяджи, Зинии Варгас и Джейн Доу. – Вид у Адама был почти виноватый. – Буду с вами честен. Я запросил эти данные не ради вас. Ради себя. Ради «Сигнуса». Я не могу спорить с фактами. А факты таковы: сильнодействующий препарат, который создается в помощь безнадежно больным, каким-то образом вышел за стены нашей корпорации и стал убивать людей. Я хочу знать, как зестрон-Л попал ко всем троим.

– Вы уже смотрели материалы? – спросила Кэт.

– Не успел. Давайте вместе посмотрим. – Адам открыл папку данных по Никосу Бьяджи. – Здесь имена и адреса. Возможно, в его семье знают, где он покупал наркотик.

– Если и знают, вам они ничего не скажут. Даже Сайкс не сумел выудить это у них.

– Ничего удивительного. Полицию там не любят и копа чуют за милю. Я хочу сам заняться расспросами.

– Интересно, какой запах они почуют от вас.

– Запах денег. Запах, способный развязать языки даже самых упорных молчунов.

– Адам, в «муниципалку» нельзя идти с туго набитым бумажником!

– У вас есть более удачная идея?

– Если явитесь туда без прикрытия, вас сожрут с потрохами.

– Тогда как мне добраться до их родственников и друзей? – спросил он, тыча пальцем в папки. – Пытаясь выследить Мэв, я нанимал частных детективов. Все они обещали мне полный успех, а потом разводили руками. Больше я не верю этим так называемым профессионалам. Но я знаю, что кто-то из друзей Никоса или Зинии Варгас сможет ответить на мои вопросы. Между прочим, первой на это меня надоумили вы, Кэт. Если нельзя узнать, как зестрон-Л просачивается сквозь стены «Сигнуса», возможно, мы сумеем докопаться, к кому он попадает на другом конце. И как.

– Вы действительно хотите докопаться? – спросила Кэт. – А вдруг правда вас неприятно удивит?

– Вы про Мэв?

– Не скрою: я думала о ее возможной причастности.

– Что ж, мне… придется принять горькую правду.

– Это ведь основная причина, почему вы намерены заняться расследованием? С вашими деньгами вы могли бы найти отличного частного сыщика и поручить ему всю грязную и опасную работу. Но вы боитесь, что посторонние узнают не слишком приятные факты о вашей дочери.

– Я долго тешил себя мыслью, что смогу защитить Мэв. Вытащить ее с улицы, помочь вернуться к нормальной жизни. Но у меня ничего не получалось. Она отказывалась от помощи. Не желала, чтобы ей помогали. А теперь, когда дюди начали умирать, у меня невольно возник вопрос: нет ли здесь и ее вины?..

– Адам, вы не сможете ее уберечь. Рано или поздно ей придется держать ответ.

– Думаете, я этого не знаю? – Адам не скрывал своего отчаяния. – Чем я занимался все эти годы? Оберегал ее! Везде и всюду, как только мог! Оплачивал ее покупки, улаживал последствия ее фокусов с кредитными картами. Возил ее к лучшим психологам. Меня не оставляла уверенность: если только я найду к Мэв подход, если между нами возникнет мостик доверия, я сумею вытащить ее из этого болота. И тогда она не пойдет по стопам Джорджины.

Джорджина. Кэт сразу вспомнила: реабилитационное отделение в «Хэнкок дженерал» носило имя покойной жены Адама.

– Простите, что задаю вам такой вопрос… От чего умерла ваша жена?

Адам молчал. Кэт подумала, что он либо не слышал вопроса, либо не хочет отвечать.

– Она умерла по множеству причин, – наконец сказал он. – Официальный диагноз – цирроз печени. Но корни ее болезни уходили в детство. Отец, в жизни которого было две страсти: работа и мартини. Мать, не выпускавшая сигарету изо рта и без разбору глотавшая таблетки. Джорджине было тяжело в родительском доме, и она искала спасение везде. К тому времени, когда мы встретились, она успела дважды побывать замужем и влить в себя невесть сколько бутылок джина. Мне тогда было всего двадцать четыре. Я многого не понимал и видел лишь удивительно красивую женщину с очаровательной маленькой дочкой. Джорджина виртуозно умела преподнести себя с лучшей стороны. Если требовалось, могла неделями не притрагиваться к бутылке. До свадьбы она была трезва как стеклышко. А после медового месяца я стал замечать, что она выпивает слишком много стаканов виски с содовой и слишком много бокалов вина. Потом Томас обнаружил в укромном углу целую батарею бутылок. Только тогда я понял, насколько далеко все зашло… – Адам вздохнул. – А через четырнадцать лет она умерла. Я до сих пор пытаюсь разобраться с последствием по имени Мэв.

– И вы четырнадцать лет терпели этот брак?

– У меня не было иного выбора. Да и у Джорджины тоже. Программа саморазрушения была записана в ее генах. У нее не хватало сил бороться с наследственностью. Она была слабой женщиной… в отличие от вас, – тихо добавил он.

И снова Кэт попала под обаяние его серо-синих глаз. Они потянулись друг к другу через стол. Их пальцы переплелись. Оба замерли, не

обращая внимания ни на дверной звонок, ни на шаги Томаса, шедшего открывать.

Только вежливое покашливание дворецкого рассеяло эти чары. Томас стоял в дверях.

– Мистер Куонтрелл, приехала консультант из универмага «Нейман Маркус». Возможно, доктору Новак будет интересно взглянуть на привезенные образцы.

– Консультант? – удивленно переспросила Кэт. – Меня сейчас вполне устроили бы джинсы, футболка и смена белья.

– Вам не обязательно следовать советам консультанта, – успокоил ее Томас. – Хотя… – он взглянул на потертый халат, – некоторые из ее предложений покажутся вам… полезными.

Кэт засмеялась и встала.

– Хорошо, зовите ее. Не могу же я и дальше ходить в этом халате.

– Доктор Новак, когда подберете одежду, пожалуйста, отдайте этот халат мне. Я позабочусь о нем должным образом.

– Пожалуйста. Тем более что халат не мой.

– Вот и отлично.

Томас вышел в коридор. Он явно ликовал.

– Наконец-то я сожгу это старье, – добавил дворецкий.

Южный Лексингтон был враждебной территорией, куда не сунешься без надежного прикрытия. Вернее всего заручиться поддержкой кого-то из местных. Поэтому первым местом, куда Кэт и Адам направились, была квартира Папы Эрла. Они намеревались поговорить с Энтони. Вряд ли этот парень имел в «муниципалке» какую-либо власть, но он знал тех, у кого власть была.

Энтони они застали в гостиной. Он сидел на диване в одной майке и смотрел по телевизору «Дни нашей жизни».

– Энтони, Катрина хочет с тобой поговорить, – сказал внуку Папа Эрл.

Парень молча взял пульт и переключился на другой канал, где шла телеигра «Равные шансы».

– Ты слышал, что я тебе сказал? – рявкнул Папа Эрл.

– Что?

– Катрина и ее друг хотят с тобой поговорить.

Кэт встала перед диваном, намеренно загородив экран телевизора. Темные глаза Энтони смотрели угрюмо и враждебно. Неужели она когда-то нянчилась с этим мальчишкой? Теперь перед ней сидел волчонок, чьим доминирующим чувством была злость.

– Мы хотим попросить большого человека об услуге, – сказала Кэт.

– О каком большом человеке ты базаришь?

– Мы заплатим вперед. Нам нужны гарантии безопасности, только и всего. Возможно, один или два твоих друга в качестве прикрытия. Никаких копов на хвосте. В этом можем поклясться.

– А гарантии безопасности зачем?

– Хотим поговорить с местными. О Никосе и Зинии… Можешь передать Мэв, что мы не за ней приехали.

Энтони вздрогнул и отвернулся. Значит, ее предположение оказалось верным: это он тогда предупредил Мэв.

– Сколько? – спросил Энтони.

– Сотня.

– А сколько получит большой человек?

Нет, он не волчонок. Уже волк.

– Тоже сотню.

Энтони задумался.

– Отойди-ка, – бросил он Кэт.

Кэт отошла. Энтони выключил телевизор.

– Ждите здесь, – распорядился он и вышел из квартиры.

– Ваши впечатления? – спросил Адам.

– В лучшем случае он приведет нам местных телохранителей. А в худшем… каких-нибудь головорезов.

– Ума не приложу, что мне делать с этим мальчишкой, – завел свою старую песню Папа Эрл. – Ни в грош меня не ставит.

Прошло минут десять. Все сидели в кухне, где Белла гремела кастрюлями и сковородками. Пахло перегоревшим жиром и жареными колбасками. В масле шипела пятнистая фасоль. Запахи были тошнотворными. В Кэт они пробуждали лавину не самых приятных воспоминаний. Душные летние вечера. Мать у плиты. И смрад, способный убить всякий аппетит. Казалось, плита втягивала в себя весь воздух, какой был в квартире, наполняя пространство нестерпимым жаром. Следя за движениями юной Беллы, Кэт видела в ней призрак своей матери. Пар от раскаленных сковородок наполнял кухню сизоватой дымкой.

Громко хлопнула входная дверь. Энтони вернулся с двумя парнями лет шестнадцати. У обоих был холодный, равнодушный взгляд наемников.

– Разрешение получено, – объявил Энтони. – Только на сегодня. Если приедете в другой день, платить по новой. Они – ваше прикрытие.

Энтони взял у Адама деньги.

– С кого начнете?

– С квартиры Бьяджи, – ответила Кэт.

Энтони посмотрел на парней:

– Лады. Отведите их туда.

10

– Никос был хорошим мальчиком, – в один голос утверждали мистер и миссис Бьяджи.

Эту фразу, словно мантру, в Южном Лексингтоне повторяли все родители. «Он был хорошим мальчиком». Чей-то отпрыск, раздобыв пистолет, мог уложить нескольких человек, но его родители все равно твердили о «хорошем мальчике».

Чета Бьяджи понятия не имела, зачем Никосу понадобились шприц и жгут. Он не был наркоманом. Он учился в колледже имени Луиса

Френча-младшего, а по вечерам подрабатывал грузчиком в бельмидском супермаркете «БигЭ». На шее у родителей не сидел. Заработал на новую машину. Сам покупал себе одежду.

«И наркотики тоже покупал себе сам», – подумала Кэт.

Проведя в квартире Бьяджи час, она и Адам бросили попытки пробить брешь в стене упрямого родительского отрицания малейшей причастности их сына к потреблению наркотиков. Оставалось лишь признать, что Никос действительно был святым, и уйти.

Их телохранители торчали у входной двери дома, от нечего делать наблюдая за девчонкой. Та прыгала через скакалку и напевала:

Мама доктора позвала, и доктор ей сказал:

«Слушай, как сердце бьется,

Как оно стучит…»

Увидев Кэт и Адама, девчонка замолчала и с любопытством уставилась на чужаков.

– С этим адресом все, – объявила Кэт. – Ничего не узнали.

Парни переглянулись.

«Еще бы», – говорили их кривые усмешки.

Девчонка продолжала глазеть.

– Теперь попробуем расспросить про Зинию Варгас, – сказал Адам. – Вы знаете, где она жила?

– Тут рядом, – встряла девчонка со скакалкой. – Только она умерла.

Кэт пригляделась к ребенку. На вид девчонке было лет восемь. Маленькая, худенькая, с плохо расчесанными волосами. Комбинезон весь в заплатах, скрывавших изначальный рисунок ткани.

– Шла бы ты домой, Селеста, – сказал ей один из парней. – Мама тебя уже кричала.

– Я не слышала.

– А я слышал.

– И все-то ты врешь. Мама у меня на работе до семи часов. Вот так.

Кэт присела на корточки перед Селестой:

– А ты знала Зинию?

Девчонка рукавом комбинезона вытерла сопливый нос.

– Конечно знала. Я ее постоянно видела.

– Где?

– Везде. Вечно ошивалась возле автоматической прачечной.

– Одна или с кем-нибудь?

– Бывало, что одна. Иногда с парнями. Им нравилось болтать с Зинией.

– Больше она ни на что не годилась. Только болтать, – хохотнул один из телохранителей.

Селеста наградила его хмурым, совсем не детским взглядом.

– Потому, Лиланд, они и клеились к твоей сестре.

Усмешка мигом сползла с лица парня. Он хмуро поглядел на маленькую ябеду. Селеста довольно усмехнулась.

– А Никос Бьяджи бывал там, у прачечной? – спросил Адам.

– Иногда.

– Селеста, может, ты и эту женщину знаешь?

Кэт достала фотографию Джейн Доу, сделанную в морге. После недолгих колебаний она все-таки решила показать девчонке снимок.

Детские глаза равнодушно скользнули по фото. Никаких эмоций, как у хорошего прозектора.

– Она мертвая? – спросила Селеста.

Кэт кивнула.

– Как звать, не знаю, но я ее видела с Зинией. Она не местная.

– Что значит не местная? – спросил Адам.

– Не жила она здесь. Она, это… приносила визиты.

– Ты хочешь сказать, наносила визиты?

– Ну да. Как вы.

– Вали отсюда! – прикрикнул на Селесту Лиланд.

Девчонка не шевельнулась.

Они пошли к дому, где жила Зиния. Через пару минут Кэт оглянулась. Позабыв про скакалку, Селеста смотрела им вслед.

– За ней что, никто не присматривает? – спросила Кэт. – Она еще маленькая.

– Попробуй присмотри за этим шилом в заднице, – усмехнулся Лиланд.

Селеста снова прыгала через скакалку. Отличная уловка: двигаешься, куда тебе нужно, не вызывая подозрений.

Не обращая внимания на любопытную Селесту, они дошли до третьей высотки. Лифт и здесь не работал. Лиланд провел их на шестой этаж и кивком указал на нужную дверь.

Открыла женщина… точнее, девушка с густым макияжем и неумело выщипанными бровями. В ушах покачивались тяжелые серьги. Мельком взглянув на Кэт, девица с нескрываемым интересом разглядывала Адама.

– Чего надо? – спросила она.

– Я из больницы, – начала Кэт, решив пока не называть свою настоящую профессию.

– Мне доктор не нужен, – отрезала девица.

– Я не из местной больницы. Я из…

– Ну сколько можно? Я на уколы ходила? Ходила. Мне ж ваши сказали, что я здорова. Тогда и нечего лезть.

Она хотела закрыть дверь, но Лиланд подставил ногу.

– Эти со мной. Хотят узнать про Зинию.

– С какой радости?

– Она здесь жила.

– Не жила, идиот. А им чего надо?

– Зиния умерла от передозировки наркотиков, – сказала Кэт. – Вы об этом знали?

– Может, и знала, – ответила девица, беспокойно озираясь на Лиланда.

– Вам известно, что она кололась?

Опять настороженное пожатие плеч.

– Может, и кололась.

Диалог явно заходил в тупик, и Адам решил вмешаться.

– Вы позволите нам зайти в квартиру? – спросил он. – Просто поговорить.

Он улыбнулся девице, демонстрируя свои великолепные зубы.

«Редкая женщина устоит перед такой улыбкой», – подумала Кэт.

Чувствовалось, Адам произвел на девицу должное впечатление. Она оценивающе проехалась глазами по его рубашке без галстука, дорогим слаксам и, естественно, по прекрасной фигуре, на которой и рубашка, и слаксы отлично сидели.

– Вы тоже из докторов? – спросила она.

– Не совсем…

– Коп, что ли?

– Ни в коем случае.

Похоже, его ответы вполне устроили девицу. Кокетливо тряхнув серьгами, она впустила гостей в свое жилище.

Комната напоминала шатер бедуина. На окнах висели тяжелые шторы, отчего внутри царил фиолетовый сумрак. Вместо стульев – подушки. Единственной мебелью была низкая тахта. Там тоже лежали подушки, украшенные вышитыми слонами и зеркальной мозаикой. Запах в комнате показался Кэт знакомым. Скорее всего, марихуана вперемешку с пачули. Кэт села на тахту рядом с Адамом. Лиланд и его дружок отошли к стене, словно пытаясь слиться с восточным гобеленом.

Хозяйка квартиры, которую звали Фрэн, расположилась на подушке.

– Мы с Зинией… мы не были близкими подругами. У нее своя жизнь. У меня – своя. Вряд ли я вам чего полезного скажу.

– А вы знали, что она наркоманка? – спросила Кэт.

– Знать знала, но в душу не лезла.

– Где она доставала наркотики?

– Много где. – Фрэн мельком взглянула на стену, возле которой стоял Лиланд, и облизнула губы. – Но чаще в наших краях и доставала.

– Где?

– Она не говорила, я не спрашивала. Наверное, знала кого-то, кто привозил. Я от этой синтетической дури держусь подальше. Я люблю натуральную, растительную.

– А она знала Никоса Бьяджи?

– Так кто ж его не знал? – засмеялась Фрэн. – Никос со всеми дружил.

Кэт достала фотографию мертвой Джейн Доу:

– А эта женщина вам знакома?

Увидев снимок покойницы, Фрэн побледнела. Проглотила слюну.

– Да. Это одна из подружек Никоса. Элайза.

– Она тоже мертва, – заметила Кэт. – Ее, Никоса и Зинию погубил один и тот же синтетический наркотик.

Фрэн вернула снимок. На незваных гостей она старалась не смотреть.

– Фрэн, вы с Зинией жили в одной квартире, – сказал Адам. – Не может быть, чтобы она вам ничего не рассказывала.

– Поймите, мы просто жили вместе. Так за жилье платить легче. Но близкими подругами не были. У нее своя комната, у меня – своя.

– Там остались ее вещи?

– Скажете тоже. Они уже там похозяйничали и все забрали.

– Кто «они»?

– Копы, кто же еще?

– Вы ничего не путаете? – спросила Кэт.

– Этих тварей с бляхами и палками ни с кем не спутаешь. Вломились сюда и все забрали как вещественные доказательства.

– Они хоть назвали свои имена? Из какого отделения?

– Смешная вы! Когда вам бляхой в морду тычут, вы будете лишние вопросы задавать?

Кэт перехватила ошеломленный взгляд Адама. Зачем сюда приходила полиция? Что они искали в комнате Зинии Варгас?

Кэт раздумывала над этим, спускаясь вниз по заплеванным ступенькам. Над Южным Лексингтоном светило блеклое солнце, такое же серое, как высотные дома «муниципалки». Тюремные башни. Постоянное напоминание о мире, откуда нелегко сбежать.

И куда нелегко проникнуть. Полдня они болтаются по Южному Лексингтону, а результат? Настоящее имя Джейн Доу и то, что все три жертвы были знакомы между собой. Большего они сегодня не узнают.

Они отпустили Лиланда с дружком, заплатив каждому сверху по двадцать долларов. С машиной Адама все было в порядке. Она стояла на месте. Как объяснили телохранители, стеречь тачку они не нанимались и сделали это в качестве дополнительной услуги, за что полагалась отдельная плата. Адам не спорил. Спровадив парней, они залезли в машину и некоторое время сидели молча, разглядывая унылый пейзаж Южного Лексингтона.

– Не очень-то продуктивно съездили, – вздохнул Адам.

Чувствовалось, он глубоко разочарован скудными результатами.

– Бумажник они мне облегчили, и не более того.

– По крайней мере, теперь ясно, что все трое были знакомы. Кто-то один доставал наркотик и сбывал остальным. Бьюсь об заклад, что это Никос.

– Почему Никос?

– Вы слышали рассказ его родителей. Вечерами их примерный сын подрабатывал в супермаркете «БигЭ». А теперь нехитрый расчет. Можно ли, подрабатывая грузчиком, купить новую машину?

Адам покачал головой.

– Он зарабатывал, торгуя наркотиками. Я в этом уверена. И к нему каким-то образом попало некоторое количество зестрона-Л.

– Возможно, через Мэв.

Адам смотрел в конец улицы.

– А если источник – ваша падчерица? Что тогда?

– Сам не знаю. Вряд ли она выпутается. Ей предъявят обвинения по нескольким статьям. Кража опасного вещества. Продажа. Этим будет заниматься суд. Я уже бессилен что-либо сделать. Три трупа – это не мелкая кража в магазине.

Они снова замолчали.

Теперь он понял: Мэв уже не спасти.

Время, когда ее можно было направить на путь истинный, давно прошло. Упущенные возможности. Месяцы и годы, когда он еще мог что-то сделать. Чувство вины будет преследовать Адама до конца жизни. Этим мучаются родители всех оступившихся детей.

В тишину салона вклинился звук извне: ритмичные удары скакалки. Повернувшись, Кэт увидела приближавшуюся Селесту. Ее спутанные волосенки подскакивали в такт. Поравнявшись с машиной, девчонка продолжала прыгать, совершенно не обращая внимания на взрослых.

– Селеста! – окликнула ее Кэт.

– Привет, – ответила девчонка, поглядывая искоса.

– Смотрю, ты сегодня повсюду успеваешь.

– Развлекаюсь, как могу. – Селеста тяжело дышала. – Мама всегда так говорит.

Девчонка подошла ближе. С любопытством заглянула через окно в салон машины.

– Нравится мне ваша тачка.

– Благодарю, – улыбнулась Кэт.

– Она вам ничего не сказала?

– Ты про кого?

– Да про Фрэн, про кого же. Будет она говорить, когда Лиланд рядом.

– Она боится Лиланда? – спросила Кэт.

– Все его боятся. Он человек Джоны.

– Джоны?

– Он здесь главный. У нас шагу не ступишь, если Джона не позволит.

– Мы просили у Джоны помощи. Он прислал Лиланда.

– Правильно. Кого же еще? Ему надо знать, о чем вы там говорили.

Селеста оглянулась через плечо и увидела мальчишку. Тот стоял и как будто подпирал собой входную дверь дома. Селеста снова запрыгала по тротуару. Кэт решила, что их разговор окончен, но девчонка обогнула машину спереди и выскочила на проезжую часть, оказавшись возле окошка Адама.

– Джона, он волнуется, – сообщила Селеста, прыгая на одном месте.

– Почему? – спросил Адам.

– Он думает, вы один из них. Но это глупо. Я знаю, что нет. Сказать почему? Вы слишком… заметный.

– А как понимать…

Селеста попрыгала дальше, к багажнику машины.

– Эта девчонка – готовая полицейская осведомительница, – пробормотал Адам.

Селеста обогнула задний бампер и снова приблизилась к окошку Кэт.

– Кого он боится?

– Людей, которые убили Никоса.

– И Зинию?

– Да.

– Селеста, ты о ком говоришь? О каких людях?

Девчонка перестала прыгать и посмотрела на взрослых, как на отъявленных идиотов:

– О полицейских! Вот о каких!

Она запрыгала прочь.

– Что за чушь? – поморщился Адам. – Это сидит в крови и передается по наследству. Они боятся властей. Неудивительно, что у них во всем виновата полиция.

– Но Фрэн точно чего-то опасалась, – сказала Кэт.

– Джону. Он тут на всех страху нагнал.

Однако Селеста не считала разговор законченным. Просто жизнь научила ее осторожничать. Попрыгав по тротуару, она снова оказалась возле окошка Адама.

– А почему Джона думает, что это полицейские убили Никоса? – спросил он.

– У него и спросите.

– Как мне с ним встретиться?

– Никак, – ответила Селеста, сжимая скакалку. – Он с чужими говорить не будет.

– Понятно, – вздохнул Адам.

– Покажите ей фото Мэв, – предложила Кэт. – Вдруг девочка ее знает.

Адам достал из бумажника снимок:

– Ты видела эту девушку?

Селеста замерла. Она перестала прыгать и нагнулась к окошку, чтобы получше рассмотреть.

– Очень на нее похожа.

– На кого?

– На женщину Джоны.

Селеста отскочила от окошка и начала удаляться.

– Боже мой… Мэв.

Слова девчонки вышибли Адама из колеи.

– Попросите Селесту посмотреть еще раз.

На этот раз их разговор с Селестой закончился. Маленькая попрыгунья стремительно удалялась. Теперь к их машине направлялся Лиланд.

– Пора уезжать, – сказал он, наклоняясь к окошку Кэт. – Сейчас же.

– Я хочу поговорить с Джоной, – заявила Кэт.

– Он ни с кем не говорит.

– Скажи ему, что я на его стороне. Скажи, что хочу всего лишь…

– Вашу тачку подтолкнуть или сами уедете?

Это была угроза. Пока что не высказанная прямо, но достаточно ощутимая. Их присутствие начинало мешать.

– Мы тебя услышали, – сказал парню Адам и завел двигатель.

Немного проехав вперед, он развернул машину. Лиланд сердито смотрел им вслед.

– Парень не хочет рисковать? – спросил Адам, глядя в зеркало заднего обзора.

– Парень выполняет приказы Джоны.

Они нагнали Селесту, скачущую по тротуару. Девчонка ненадолго остановилась и помахала им. Затем, сообразив, что за ней тоже наблюдают, схватила концы скакалки и запрыгала по Южному Лексингтону.

Вот уже два дня доктор Герберт Эстерхаус не появлялся дома. Он жил под вымышленным именем в захудалом отеле с громким названием «Кров святого Франциска». Он не спускался в ресторан, заказывая еду в номер. Отель не был из разряда комфортабельных. Чаще всего в таких местах останавливались коммивояжеры, весьма ограниченные в средствах. Обветшалые простыни, вытертый ковер. Вода, текущая из гостиничных кранов, имела ржавый оттенок. Однако номер вполне

отвечал потребностям Эстерхауса. Здесь он мог спрятаться и обдумать следующий шаг.

Выбор у него был невелик.

Эстерхаус не сомневался, что его вскоре арестуют. В «Сигнусе» началось расследование о хищении зестрона-Л. Не сегодня завтра полиция займется личными делами сотрудников лаборатории и проверками на детекторе лжи. Эстерхаус знал, что провалится. По одной простой причине: он виновен.

Он мог бы бежать из города. Сменить имя, документы. Такое с ним уже было. Страна большая. В ней полным-полно городишек, где можно спрятаться. Но он устал прятаться, устал привыкать к новому имени. Целых десять лет он вживался в личность Герберта Эстерхауса. Он любил свою работу. В «Сигнусе» его профессионализм ценили и уважали. Что еще важнее, там ценили и уважали его самого. Даже мистер Куонтрелл.

Сохранятся ли хоть крупицы этого уважения, когда в корпорации узнают, что́ он сделал?

Эстерхаус подошел к окну номера. День был ветреным. Ветер нес по улице обрывки бумаги. Отель находился в центральной части Альбиона. Отнюдь не город его мечты, но он привык к нему. Здесь у него был дом, хорошая зарплата, работа в одной из самых современных и динамичных корпораций. По субботам он ходил в клуб народных танцев, а воскресными вечерами посещал занятия по акварельной живописи. Правда, рядом не было любимой женщины, но он не оставлял надежд, что Мэв к нему вернется.

– Здесь мой дом, – сказал он себе, вздрогнув от звука собственного голоса. – Я здесь живу. И я никуда не собираюсь уезжать.

Второй вариант: во всем сознаться.

Естественно, будут последствия. Скорее всего, с работы его выгонят. Но, учитывая обстоятельства, понимая, что он действовал по принуждению, возможно, к нему проявят снисхождение. Особенно когда он назовет имена и укажет места.

«Ей-богу, на этот раз я никуда не побегу».

Эстерхаус схватил телефонную трубку и набрал домашний номер Адама Куонтрелла. Говорят, признания облегчают душу.

Но Куонтрелла дома не было. Человек, ответивший Эстерхаусу, спросил, не желает ли он что-то передать хозяину.

– Передайте ему, что мне необходимо с ним поговорить. Но не по телефону.

– Можно узнать о чем?

– Это… сугубо личное.

– Я обязательно передам мистеру Куонтреллу. Как он сможет с вами связаться, доктор Эстерхаус?

– Я буду…

Назвать номер этого задрипанного отеля? Тогда Куонтрелл и впрямь подумает, что он сбежал. А если сбежал, значит виноват. Совесть заела.

– Я буду дома.

Повесив трубку, Эстерхаус почувствовал себя лучше. Теперь, когда он определился со стратегией, всю энергию, которую растрачивал на сомнения и терзания, он направит на действие. Вещей с собой у него было не много: зубная щетка, бритва, смена белья. Собрав их, Эстерхаус выписался из номера и поехал домой.

Поставив машину под навес, он через боковую дверь вошел в кухню. Его сразу же окружили знакомые запахи. Запах жидкости для мытья раковины. Запах краски в недавно отремонтированном коридоре. Здесь, дома, он чувствовал себя в безопасности.

В гостиной зазвонил телефон. Куонтрелл? От этой мысли у него заколотилось сердце. Приготовившись сказать боссу всю правду, он взял трубку.

– Дебби позовите, – раздался в трубке детский голосок.

Он не слышал шагов на крыльце. Не слышал, как подергали ручку. Но стук он услышал. Повесив трубку, Эстерхаус прошел в коридор и распахнул дверь.

– А-а… это ты, – вздохнул он.

– Все в порядке.

– Все ли?

– Я же тебе говорил, чтобы не дергался.

Посетитель вошел в дом и закрыл дверь.

– Слушай, я не знаю, как мне из всего это выбраться! Не думал, что это зайдет так далеко.

– Герб, говорю тебе, что беспокоиться не о чем.

– Куонтрелл скоро докопается! Это дело нескольких…

Эстерхаус умолк, глядя на пистолет в руках собеседника. Что за дурацкие шутки?

Пистолет выстрелил дважды, пометив тело Эстерхауса двумя аккуратными дырочками.

Эстерхаус покачнулся и рухнул на диван. Кровь ручейками текла по его рубашке. Окружающие предметы тускнели. Фигура его убийцы – тоже.

– Зачем? – прошептал он.

– Я говорил тебе, Герб, не надо дергаться. А теперь и я дергаться не буду.

Томас, как всегда, встретил их у входа. Кэт успела привыкнуть к его присутствию. Он казался ей такой же неотъемлемой частью дома, как каминная полка или деревянные панели на стенах. Вся разница в том, что Томас был живой его частью и что амплуа дворецкого ему нравилось. Кэт видела, с какой искренней улыбкой Томас приветствовал хозяина, как заботливо помогал снять куртку. Похоже, они знали друг друга очень давно, не менее тридцати лет. Она представила себе молодого человека, помогающего мальчишке расстегивать зимнее пальто.

Томас повесил их куртки в шкаф.

– Мистер Куонтрелл, вам дважды звонили.

– Что-то важное?

– Звонила мисс Калдервуд. Интересовалась, по-прежнему ли вы настроены пойти сегодня к Уайеттам. Если да, то в котором часу?

– Боже мой! – простонал Адам. – Я совсем забыл про Изабель!

Он потянулся к телефону, набрал номер Изабель.

– Кто еще звонил? – спросил Адам, ожидая ответа.

– Некий доктор Эстерхаус. Около двух часов назад.

– Эстерхаус? – насторожился Адам. – Зачем?

– Он не сказал. Полагаю, что-то связанное с лабораторией. Говорил, это очень срочно.

– Где он сейчас?

– Я записал его номер.

Томас раскрыл блокнот.

Адам нажал рычаг, затем набрал записанный номер. В трубке слышались длинные гудки.

– Доктор Эстерхаус говорил, что весь день будет дома, – сказал Томас. – Возможно, он ненадолго отлучился.

Кэт поймала мимолетный взгляд Адама. Обыкновенный взгляд, но она почувствовала: Адам встревожен.

«Что-то случилось. Адам это тоже чувствует».

– Едем к нему, – сказал Адам, вешая трубку.

– Но вы ведь только что вернулись, – мягко упрекнул его Томас.

– Что-то случилось, иначе Герберт не стал бы звонить мне домой.

Сокрушенно пожимая плечами, Томас вновь полез в шкаф за их куртками.

– Давно у нас не было такой суматохи.

Адам улыбнулся и потрепал его по плечу:

– Зато мы не будем путаться у вас под ногами.

Томас лишь вздохнул и проводил их до двери.

Они уже садились в машину Адама, когда в проезд влетел «мерседес». Из окошка высунулась Изабель:

– Адам, ты никак забыл про Уайеттов?

– Извинись за меня перед ними!

– Я думала, этот день мы проведем вместе.

– Непредвиденные обстоятельства. Изабель, мне надо ехать. Я потом тебе позвоню.

– Но, Адам, ты…

Последние ее слова потонули в шуме двигателя «вольво». Изабель оставалось лишь провожать глазами машину Адама и недоумевать.

– Черт! Как я все это потом объясню? – поморщился Адам.

– Расскажите ей правду, – предложила Кэт. – О чем-то она уже догадывается. Во всяком случае, мне так кажется.

– Изабель? Догадывается? – хмыкнул Адам. – Во-первых, Изабель старается не знать ни о каких неприятностях. Они портят ей картину мира. Во-вторых, она не умеет хранить тайны. Мой рассказ превратится в сплетню и пойдет гулять повсюду. Потом окажется, что я крупный наркодилер, а Мэв – трехглавая ведьма вуду.

– Так она… вообще ничего не знает о Мэв?

– Только то, что у меня есть падчерица. Но Изабель никогда о ней не расспрашивала, да и меня самого рассказывать не тянуло. Такими вещами не хвастаются.

– Вы не хотели, чтобы правда о проблемной девушке портила вашей подруге картину мира?

– Подруге? – засмеялся Адам.

– А как вы ее называете?

– Социальной компаньонкой. Статус, подходящий для всех случаев.

– О, это многое объясняет. Действительно, на все случаи жизни.

К удивлению Кэт, Адам погладил ее по ноге.

– Не на все, – сказал он.

– А чего недостает? – спросила Кэт, несколько рассерженная его фривольностью.

– Уличных потасовок, взрывающихся домов и иных ситуаций, которые бы ей явно не понравились.

– Я, знаете ли, от всего этого тоже не в восторге.

Адам смотрел не на нее, а на дорогу.

– Если вам интересно, я с Изабель ни разу не спал.

Менее всего Кэт ожидала услышать такое признание. Она не знала, как относиться к услышанному. Лицо Адама ничего не подсказывало.

– Зачем вы мне это вывалили? – наконец спросила она.

– Подумал, что вам стоит знать.

– Ладно, спасибо, что удовлетворили мое жгучее любопытство.

– Всегда пожалуйста.

– И что прикажете делать с этими сведениями?

– Положите их на какую-нибудь полочку ваших удивительных мозгов, – подмигнул ей Адам.

Кэт невольно засмеялась:

– Я даже не знаю, как к вам относиться, Куонтрелл. Иногда кажется, что вы флиртуете со мной. А иногда этот флирт представляется мне лишь плодом воображения.

– Отчего бы мне не пофлиртовать с вами? Вы же знаете, что меня к вам тянет.

– Почему?

Адам вздохнул:

– Вам сейчас надо было не спрашивать: «Почему?» – а сказать то, что у вас вертелось на языке: «И меня тоже тянет к вам».

– И все-таки я спрашиваю: почему?

Он удивленно покачал головой:

– Неужели так трудно поверить, что я считаю вас привлекательной женщиной?

– В это как раз я поверить могу. Я для вас – что-то новенькое. Непохожее на других ваших… компаньонок.

– Верно.

– Но со мной это не сработает.

– Ну и пессимистка, – вздохнул Адам.

Он снова потянулся к ноге Кэт и на этот раз слегка сжал ее, ослепительно улыбнулся и опять превратился во внимательного водителя.

Рокбрук был одним из стандартных пригородов, какие встретишь на окраинах любого крупного города. Скучный мир подстриженных лужаек, гаражей на две машины, дворов, забитых детскими велосипедами. Во дворе дома, где жил Герберт Эстерхаус, велосипедов не было. В гараже стояла только одна машина. Но во всем остальном его дом ничем не отличался от соседних. Типовое строение, содержавшееся в порядке, с кирпичной дорожкой и азалиями по обе стороны от входной двери.

Похоже, дома никого не было. Они нажимали кнопку звонка, стучали, однако никто не отзывался. Входная дверь была заперта.

– И что теперь? – спросила Кэт.

Через дорогу, в таком же доме, двое мальчишек бросали мяч в кольцо, приделанное к гаражной двери. С заднего двора слышалось тарахтение невидимой газонокосилки.

Они обогнули дом. Подошли к навесу.

– Его машина здесь, – сказал Адам. Он присмотрелся к газете, оставленной на переднем сиденье. – Сегодняшняя. Наверное, он куда-то ездил, потом вернулся.

– Тогда где же он сейчас? – спросила Кэт.

Пройдя еще немного, они остановились возле боковой двери. Та была не заперта. Адам просунул голову внутрь и крикнул:

– Герберт! Вы дома?

И снова никакого ответа.

– Давайте посмотрим внутри, – предложила Кэт.

Они вошли в кухню.

– Герберт! – позвал Адам.

Опять молчание. И какой-то странный спертый воздух, как будто в доме очень давно не открывали окна и двери.

На разделочном столе валялась связка ключей. Вряд ли такой аккуратный человек, как Герберт Эстерхаус, ушел бы из дома, оставив ключи.

– Давайте позвоним Томасу, – предложила Кэт. – Может, Эстерхаус снова звонил вам и оставил какое-нибудь сообщение.

– Хорошая мысль. Только вначале я загляну в гостиную.

Адам вышел из кухни. Не прошло и полминуты, как Кэт услышала его громкий возглас:

– Боже мой!

– Адам! – позвала она, потом сама бросилась в гостиную.

Адам стоял возле дивана. Он словно примерз к месту.

– Адам!

Он медленно повернулся к ней:

– Это… он.

Обогнув диван, Кэт увидела большое ярко-красное пятно, расплывшееся по ковру. Ей почему-то вспомнились бесформенные пятна из теста Роршаха. Поперек пятна вытянулась рука с белыми, сжатыми в кулак пальцами.

Рука Герберта Эстерхауса.

11

Фотограф щелкнул вспышкой. Кэт вздрогнула и зажмурилась. Фотограф был ветераном криминалистической лаборатории. Он привычно двигался вокруг трупа, отрешенно выбирая ракурсы для съемки. Непрестанные «фотомолнии», громкие голоса, звучащие одновременно, выбивали Кэт из колеи. Ей самой не раз приходилось работать в

криминалистических бригадах. Казалось бы, можно и привыкнуть к хаотичности осмотров места преступления. Но сейчас все было по-иному. Все, начиная с жертвы. Убитый не был безымянным трупом. Еще вчера он, живой и здоровый, пожимал Кэт руку. Сама не зная почему, она слишком остро отреагировала на гибель Эстерхауса. Потом включился инстинкт самосохранения, и она впала в заторможенное состояние. Так она чувствовала себя в безопасности, плавая в море собственной усталости.

Ее окликнул знакомый голос. В гостиной появился Лу Сайкс.

– Что тут за чертовщина приключилась? – спросил он.

– Убили Эстерхауса, – пояснил Адам. – Моего сотрудника. Я вас недавно знакомил. Днем он звонил мне домой, но меня не было. Хотел поговорить о чем-то важном. Вернувшись, я ему сразу же позвонил. Телефон не отвечал. Тогда мы поехали сюда и…

Сайкс мельком взглянул на труп, распластавшийся на диване.

– Когда вы приехали?

– Около пяти.

– Он уже несколько часов был мертв, – добавила Кэт. – Его убили вскоре после полудня.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил Сайкс.

– По опыту, – ответила она и отвернулась.

К Сайксу подошел рокбрукский детектив.

– Извините, Лу, что пришлось вас дергать. Территориально это наше дело, но начальство потребовало, чтобы я вас вызвал.

– Что успели узнать?

– Два пулевых ранения в грудь. Смерть наступила очень быстро. Следов насильственного проникновения в дом не обнаружено. Свидетелей нет. Судмедэкспертное бюро проведет вскрытие и назовет примерное время убийства.

– Доктор Новак говорит, его убили вскоре после полудня.

– Да, конечно. – Детектив неловко переминался с ноги на ногу. – Мне сказали, что вскрытием займется Дэвис Уилок.

«Мне они больше не доверяют», – подумала Кэт.

Местный детектив был опытным полицейским. Он не знал о роли Кэт во всем этом деле. Ее статус изменился с младшего судмедэксперта на… кого? Свидетельницы? Подозреваемой? Это было видно по тому, как рокбрукский коп следил за ее глазами и оценивал каждое ее слово.

Теперь настал черед Сайкса. Он задавал ей и Адаму те же вопросы, что и местная полиция. Нет, они ни к чему не притрагивались, кроме телефона. Тело трогали, пытаясь прощупать пульс. События дробились на фрагменты. Сайкса интересовала каждая минута, начиная с той, когда они подъехали к дому Эстерхауса и вышли из машины. Когда Сайкс закончил расспросы, Кэт уже ничего не соображала. Ей мешали гул голосов в гостиной и шум снаружи, где соседи так и норовили прорваться через желтую полицейскую ленту.

Труп Эстерхауса поместили в черный мешок и вынесли из дома. Помимо соседей и зевак, к дому успели приехать газетчики и телевизионщики. Фотографы вовсю щелкали вспышками, разрывая вечернюю темноту.

Адам и Кэт вышли вслед за каталкой «скорой». Возле дома был настоящий бедлам. Полицейские кричали на собравшихся, требуя отойти. В патрульных машинах трещали рации. Возле двух телевизионных автобусов вспыхнули прожекторы. Какой-то репортер подскочил к Кэт.

– Так это вы обнаружили труп? – спросил он, тыча в нее микрофоном.

– Оставьте нас в покое, – потребовал Адам, отталкивая микрофон.

– Сэр, можете ли вы сказать, в каком состоянии…

– Я могу сказать лишь одно: оставьте нас в покое!

– Ого! – крикнул другой репортер. – Никак это Адам Куонтрелл? Мистер Куонтрелл, как вы…

И сейчас же переносные прожекторы телевизионщиков оказались направлены на них. Адам схватил Кэт за руку, и они стремглав бросились к машине. Забравшись в салон, Адам блокировал все двери и окна. Но чьи-то настырные руки барабанили по окнам «вольво».

Адам завел мотор.

– Убираемся из этого ада, – прорычал он, давя на газ.

Толпа газетчиков неохотно расступалась, продолжая забрасывать их вопросами.

Обессиленная Кэт привалилась к спинке.

– Я думала, мы там застрянем на всю ночь.

– Как вы? – спросил Адам, встревоженный ее состоянием.

– Мне холодно, – передернула плечами Кэт. – И страшно. Больше страшно. Почему убили Эстерхауса? Адам, что вообще происходит?

Адам смотрел на дорогу. Он был бледен.

– Я и сам хочу знать.

Дома их ждал Томас.

– Мистер Куонтрелл, вам постоянно звонили репортеры.

– Скажите им, чтобы убирались ко всем чертям, – ответил Адам, ведя Кэт наверх.

– Но…

– Вы слышали меня?

– Так и передать, если еще позвонят?

– Слово в слово.

– Ну и ну, – пробормотал смущенный Томас. – Не знаю…

Дворецкий задрал голову. Адам и Кэт уже почти поднялись на второй этаж.

– Мистер Куонтрелл, вам что-нибудь принести?

– Бутылку бренди. К телефону я сегодня не подхожу. Ясно?

Томас покосился на телефон, который в эту самую секунду опять зазвонил. Он нехотя снял трубку.

– Резиденция Куонтрелла, – привычно произнес Томас.

Несколько секунд он слушал, затем, вытянувшись во весь рост (а Томас был достаточно рослым мужчиной), сказал:

– Мистер Куонтрелл уполномочил меня передать вам следующее. Дословно: убирайтесь ко всем чертям.

Он повесил трубку и почувствовал странное удовлетворение.

– Томас, я просил бренди! – крикнул Адам.

– Сейчас принесу, – ответил дворецкий, устремляясь к библиотеке.

Адам нежно развернул Кэт лицом к спальне.

– Вам надо лечь, пока вы не рухнули на пол, – прошептал он.

Приведя Кэт в спальню, он усадил ее на кровать. Взял ее за руки. Руки Кэт были как две льдинки.

Томас принес бренди и два бокала.

– Поставьте. Я сам налью, – распорядился Адам.

Томас молча кивнул и удалился.

Адам налил бокал и протянул Кэт. Кэт безучастно смотрела на бокал.

– Это всего лишь бренди, – сказал он. – Традиция семьи Куонтрелл.

Кэт сделала глоток.

– У семьи Куонтрелл прекрасные традиции, – прошептала она, зажмурившись.

Адам откинул ей волосы с лица. Оно тоже было холодное, словно мрамор, но его обладательница была жива, и она была в беде. Ее потряхивало от страха.

– Если бы я только знала, – сказала она. – Если бы я только знала, с кем сражаюсь. Тогда бы я не так боялась... Больше всего меня пугает неопределенность. От этого весь мир кажется полным зла.

– Не весь. У вас есть я. И я о вас позабочусь.

– Адам, не надо обещаний.

– Я не обещаю. Я просто говорю. Пока вы во мне нуждаетесь...

Она поднесла пальцы к его губам:

– Не надо. Прошу вас. Вы загоните себя в угол, а потом, когда не сможете дальше выполнять обещание, вас начнет грызть чувство вины.

– Кэт!

Он крепко стиснул ее руку:

– Не надо обещаний.

– Хорошо. Если вы так хотите, обещаний не будет.

– С обеих сторон. Так честнее.

– Но вы ведь останетесь здесь? Пока вам это нужно. Если только… у вас нет другого места, куда вы захотите отправиться. Такое место есть?

Кэт покачала головой.

Адама ударило волной пьянящей радости. Как хорошо, что ей больше некуда идти. Она останется здесь. С ним.

– Нет такого места, – тихо сказала она.

Адам не собирался ее целовать, но сейчас ей так отчаянно нужен был поцелуй, что он взял ее лицо в свои ладони.

Поцелуй был совсем коротким. Мимолетное касание губ. Сладковатый привкус выпитого ею бренди. Ни капли страсти, никакого вожделения. Обычная человеческая доброта.

А потом словно искра упала на сухой трут. Огонь вспыхнул сам собой. Адам видел это в ее глазах, а она – в его. Оба удивленно смотрели друг на друга. Оба испытывали смущение. Адаму очень хотелось снова поцеловать Кэт, но она была слишком беззащитна. Прояви он настойчивость, она уступит. А утром возненавидит его и будет совершенно права. Что угодно, только не ее ненависть.

Адам сделал глубокий вдох (точнее, заставил себя сделать) и отстранился.

– Вы можете спать здесь, в моей спальне. Так будет безопаснее. Я лягу в гостевой.

Он встал.

– Адам.

– Утром придется подумать, как быть дальше. Но сегодня…

– Я не хочу, чтобы вы уходили, – сказала она. – Останьтесь здесь. Со мной.

Последние слова она произнесла едва слышно. Адам снова сел и попытался заглянуть дальше пелены страха в ее глазах.

– Вы уверены? – тихо спросил он.

Ее ответ отмел все сомнения. Кэт потянулась к нему, обняла за шею и привлекла к себе. Их губы встретились. Губы Кэт отчаянно жаждали поцелуя. Они искали его губы. И Адам ответил, вдруг почувствовав такой же голод.

Он зарылся пальцами в волосы Кэт. Ее волосы напоминали гриву дикого зверя. Каждый волос был предельно живым. И вдруг она вся ожила. Усталость и страх отступили перед нарастающей волной желания. Ее волосы накрыли его лицо. Адам вдыхал тепло и особый, ни с чем не сравнимый запах женщины. А какие удивительные звуки срывались с ее губ. Вздохи, негромкие стоны, после которых она была готова к новым поцелуям.

Они катались по широкой кровати. Сначала Кэт оказалась сверху, и ее шелковистые волосы гладили ему лицо. Потом Адам осторожно накрыл ее своим телом. Кэт не была пассивной участницей. Она прижималась к нему, изгибала спину. Ее тело жаждало более близкого контакта. Желание подстегивалось страхом. Адам ощущал это по ее поцелуям.

Он заставил себя чуть отодвинуться.

– Кэт, посмотрите на меня, – попросил он.

Она открыла глаза. В них блестели слезы.

Адам обхватил ее щеки, не позволяя отвернуться.

– Что-то не так? – спросил он.

– Я вас хочу, – только и ответила Кэт.

– Однако вы плачете.

– Я просто вас хочу.

– И вы боитесь.

Кэт едва заметно кивнула.

– Я всего боюсь, – сказала она. – Всех. Всего мира.

– И даже меня?

Она всхлипнула, проглотив слезы.

– Особенно вас, – прошептала она.

Адам давно спал. Кэт лежала в его объятиях. Ей не спалось. Они оба устали за этот день, но только Адам мог спать так спокойно и безмятежно.

Это ж не он влюбился.

Кэт уткнулась ему в грудь. Человек, лежащий рядом с нею, имел все.

«А теперь еще и меня», – подумала она.

Она чувствовала себя беспомощной, попав в плен не только своего сердца, но и обстоятельств. Кэт хорошо знала основополагающее правило независимой женщины: никогда не подпускать мужчину так близко, чтобы он стал тебе необходим. Она старалась жить сообразно этому правилу, а теперь сама же его нарушила.

Взглянув на Адама, она снова почувствовала прилив сексуального голода. Но было что-то еще, не имевшее ничего общего с вожделением. Нежность. Радость. Она металась между желанием поверить в любовь и здравым смыслом.

Когда она наконец заснула, это было похоже на падение в тесное черное пространство. В тюрьму без окон.

Кэт проснулась первой. Сквозь шторы светило солнце. Адам спал. Его золотистые волосы разметались по подушке, не подвластные никакому гребню. Кэт осторожно вылезла из постели, прошла в ванную и встала под душ. Обратно она вернулась, надев его халат. Только теперь Адам проснулся. Он с неподдельным изумлением смотрел на Кэт.

– Доброе утро, – пробормотал Адам. – Или ты ранняя пташка, или я неисправимый лентяй.

– Уже половина девятого, – улыбнулась Кэт. – Так что второе предположение вернее.

– Иди сюда, – позвал Адам, похлопывая по одеялу. – Посиди со мной.

Кэт неохотно подчинилась, и это лишний раз напомнило ей, насколько ее тянет к Адаму. Гормоны уже включились в работу. Ее захлестнуло желание.

– А ты ночью мне снилась, – сказал Адам, слегка поглаживая ее по спине.

– Адам… То, что было минувшей ночью…

Она не договорила, млея от наслаждения, когда его рука, проникнув под халат, добралась до ее груди. Кэт резко встала и отошла от кровати подальше.

– Ничего не получится, – качая головой, сказала она.

Адам не произнес ни слова. Он лишь смотрел на нее. Его взгляд слишком откровенно предлагал утешение.

Кэт принялась метаться по спальне, только бы не встречаться с Адамом глазами.

– Я прихожу в вашу ванную. Вокруг – мрамор и золото. Французское мыло. Набор полотенец. Они все одинакового размера. – Она засмеялась. – У меня никогда не было двух одинаковых полотенец.

– Ничего не получится из-за моих полотенец?

– Нет, конечно, не из-за них. Я просто… не вписываюсь в ваш мир. Вряд ли ваши друзья меня примут. Вряд ли вы меня примете. Сейчас, наверное, да. Я вас интересую.

– Вне всякого сомнения.

– Но новизна отношений с подружкой из Южного Лексингтона постепенно пройдет. Адам, вы заботливый, деликатный мужчина. Я знаю, что у вас и в мыслях нет сделать мне больно. Возможно, вы даже испытаете чувство вины, когда все закончится. Но я не из тех женщин, кому можно сделать больно. Понимаете? Я отрицаю само это состояние. И потому я охотнее останусь вашим другом.

– Ты думаешь, наши отношения обречены на провал?

– Увы, да.

Адам обдумывал ее слова. Его лицо не отражало никаких эмоций. Потом он вполне спокойно сказал:

– Думаю, так действительно лучше для… вас. Мы оба знаем, как непросто женщинам бывает с этими богатыми придурками. А потому девиз женщин: люби их, но не забудь вовремя бросить.

– Адам, ну не надо так, – вздохнула Кэт.

Он встал, потянулся за одеждой.

– А ведь вы меня обидели. Всерьез обидели. Мы занимались любовью… во всяком случае, я думал, что это было проявлением любви. И вдруг вы подаете мне сценарий дальнейшего развития наших отношений!

– Просто я уже играла эту роль. С Эдом. С другими мужчинами.

– С такими же богатыми придурками?

Неожиданный стук в дверь заставил их вздрогнуть.

– Что там еще? – резко спросил Адам.

Вошел Томас, весьма удивленный таким тоном хозяина.

– Я подумал… вас необходимо поставить в известность. В нашем доме… полиция.

– Кто?

– Сержант Сайкс и тот краснощекий детектив. Подать им завтрак?

– А что еще вам остается? – вздохнул Адам. – Не забудьте рогалики для Рэтчета.

– И побольше сливочного сыра, – уходя, пробормотал Томас.

Адам и Кэт переглянулись. Напряжение между ними не исчезло. Желание тоже.

Маятник качнулся. Влечение и страх. Кэт чувствовала и то и другое.

Она собрала свою одежду.

– Встретимся внизу, – сказала Кэт и пошла в гостевую комнату одеваться.

Полицейские сидели за обеденным столом. Сайкс потягивал черный кофе. Рэтчет вовсю уплетал яичницу с колбасой. В их поведении ничего не изменилось, если не считать некоторой настороженности. Как будто сегодня им придется тщательно взвешивать каждое сказанное слово.

«Должно быть, они что-то узнали, – подумала Кэт. – Что-то, не слишком приятное для Адама».

Они с Адамом сели рядом, напротив копов. Адам держался отрешенно. Он даже ни разу не взглянул на нее. Расстояние между ними с каждой минутой увеличивалось.

– Мы по поводу убийства Эстерхауса. Рокбрукская полиция передала дело нам.

– Почему? – спросил Адам.

– Сейчас вы поймете.

Сайкс достал большой конверт и подвинул его к Адаму.

– Мне очень неприятно показывать вам подобные вещи. Но я должен услышать ваше подтверждение.

Заинтригованный, Адам потянулся к конверту и достал с десяток фотографий. Едва увидев заснятую женщину, он побледнел. Аппарат запечатлел ее обнаженной. Снимки были черно-белыми, довольно зернистыми. Любительская съемка. Проявляли и печатали тоже дома. На одном женщина призывно разлеглась на постели. Ее волосы разметались по подушке. Руки прикрывали грудь. На другом фото она соблазнительно улыбалась, сидя на барном стуле и держа в руке бокал виски. Где-то фотограф пытался придать снимку элементы художественной эротической фотографии, а где-то тупо нажимал спуск. С каждого снимка на Адама смотрело худенькое девичье лицо. Только позы менялись.

Адам отвернулся и низко опустил голову.

– Это она? – спросил Сайкс.

– Да, – почти шепотом ответил Адам. – Это Мэв.

Сайкс кивнул:

– Я так и подумал. Я узнал ее. Вы же давали мне фото.

– Где вы это нашли?

– В спальне Герберта Эстерхауса.

– Что-о?

– Они лежали в ящике комода. Там было немало и других… интересных вещей.

– Эстерхаус и Мэв… – качая головой, прошептал Адам.

– Мы пытаемся ее найти и допросить. Но нам к ней не подобраться. Она скрывается где-то в Южном Лексингтоне, в какой-то очень замкнутой группе. Как туда проникнуть – этого нам не скажут ни за какие деньги. Однако Мэв нечего опасаться. Обычные вопросы. Когда случаются подобные убийства, полиция всегда опрашивает бывших подруг.

– Но вы же не думаете, что Мэв каким-то образом к этому причастна?

– Я же вам сказал: рутинная процедура. Правило, которое мы обязаны выполнять.

– А мне кажется, сержант, что у Мэв на этих снимках вид жертвы, – с заметным раздражением бросил Адам.

– Я очень хорошо понимаю ваши чувства, мистер Куонтрелл, – сказал Сайкс. – У меня самого есть дочь. Еще совсем девчонка. Но я бы, не задумываясь, сломал шею любому подонку, который посмел бы обойтись с ней так. Кем бы ни был Эстерхаус, он убит. И теперь нам необходимо пройти все стадии расследования.

– Я знаю Мэв! Она бы никогда…

– А вы знали о ее отношениях с Эстерхаусом?

– Нет, – помолчав, признался Адам. – Я и подумать не мог.

– Люди очень многого не знают о тех, кто рядом. Даже о своих ближайших родственниках. Не впадайте в панику. Возможно, вы правы и Мэв совершенно непричастна к убийству. Учитывая вещественные доказательства, которые мы нашли, я на девяносто девять процентов уверен в непричастности вашей дочери. И тем не менее…

– Какие вещественные доказательства? – спросила Кэт.

– Вещи из дома убитого.

– Что-то, кроме откровенных фото его бывших подруг?

– Да. – Сайкс поглядел на Адама. – Что вы знали об Эстерхаусе, когда нанимали его на работу?

– Только то, что содержалось в его резюме. Прекрасные отзывы. На прежнем месте все были им очень довольны. До «Сигнуса» он работал в каком-то калифорнийском исследовательском центре.

Рэтчет потянулся за новой порцией яичницы.

– А вам ничего не показалось странным? Ну кто в здравом уме согласится переехать из солнечной Калифорнии в Альбион?

– Вы хотите сказать, его блестящие характеристики подделали? – спросила Кэт.

– Стараниями американского правительства, – кивнул Сайкс.

– Как?

– Видишь ли, Герберт Эстерхаус – вымышленное имя. В доме мы нашли его старые документы. На самом деле убитого звали Лоренсом Хеброном. Он действительно был биохимиком, но в Калифорнии никогда не работал. А работал он в Майами. В лаборатории, где создавали синтетические наркотики. Лаборатория принадлежала местной мафии. По слухам, его считали настоящим гением. Затем – полицейский налет на лабораторию. Хеброн дал показания. Его включили в программу защиты свидетелей. Дали новое имя, новые документы, блестящее резюме, с которым он и устроился в «Сигнус». Он ведь и на новом месте не вызывал нареканий?

– Да, – кивнул Адам. – Он был одним из наших лучших специалистов.

– Думаешь, его убила флоридская мафия? – спросила у Сайкса Кэт.

– Как один из вариантов. Ему явно не простили сотрудничество со следствием. Возможно, люди мафии искали его и, если нашли, церемониться не стали.

– Мы считаем Эстерхауса ключевой фигурой, – сказал Рэтчет, вытирая рот салфеткой. – Возможно, ему понадобились деньги. Зная о наркотических свойствах зестрона-Л, он похитил из лаборатории

сколько-то крупинок препарата и продал уличным нарикам. В результате – несколько трупов. А тут еще прежние дружки из Майами вышли на его след, приехали и свершили правосудие по законам тридцать восьмого калибра.

Кэт с Адамом молча обдумывали гипотезу Рэтчета.

– Мы должны поверить, что какие-то парни из Майами приехали в Альбион и облегчили вам задачу? – спросила Кэт и покачала головой. – Как-то уж больно просто. И остается другой вопрос: кто взорвал мой дом?

– Эстерхаус был биохимиком, – напомнил ей Рэтчет. – Что ему стоило сляпать бомбу?

– Зачем? Чтобы заткнуть мне рот?

– Знаешь, Новак, иногда я сам с большим удовольствием заткнул бы тебе рот, – рассмеялся Сайкс. – Представь себя на его месте. Настырная прозекторша лезет с вопросами. Обвинения в краже. Убийство наркоманов, пусть и не его руками. Не сегодня завтра открылось бы, что он живет под чужим именем. Не жизнь – ад кромешный.

– А Мэв? – спросила Кэт, глядя на снимки голой падчерицы Адама. – При чем здесь она?

– Этого мы не знаем, – признал Сайкс. – Мы надеялись, что мистер Куонтрелл нам что-то расскажет.

Адам замотал головой. Чувствовалось, он еще не оправился от шока.

– Мэв никогда не посвящала меня в свою личную жизнь.

– Вы догадывались, что у нее роман с Эстерхаусом?

– Говорю вам: у нее была своя жизнь. И своя квартира. Я подозревал, что у нее кто-то есть, но имени не знал. Да она бы мне и не сказала.

Он брезгливо собрал фотографии и запихнул в конверт.

– Не будь этот мерзавец мертв, я бы задушил его собственными руками.

Кэт заметила, как многозначительно переглянулись Сайкс и Рэтчет.

«Будь осторожен, Адам, – подумала она. – Они ищут подозреваемых. Не давай им повода подозревать тебя».

– Думаете, Мэв знала правду об Эстерхаусе? – быстро заговорила Кэт. – Они же не ладили. Помните ссору в лаборатории? Возможно, причина была не в плохой работе Мэв. Вдруг она узнала правду об Эстерхаусе? И ушла. Не с работы. От него.

– Могла бы мне рассказать, – вздохнул Адам. – Но я от нее и слова не услышал. Какое же чудовище она во мне видела?

Кэт взяла его за руку. Этот жест не перекрывал пропасти, разверзающейся между ними. Возможно, пропасть уже не перекрыть. Но Адам должен знать, что ей не все равно.

– Она не могла вам рассказать. Наверное, стыдилась. Ведь стыдно признаваться, что так обожглась. А может, боялась.

– Чего?

– Того, что она, по сути, спала с преступником. С тем, по чьей вине на улицы попала страшная отрава. Было чего испугаться.

– Ну почему она не пришла ко мне? – повторил риторический вопрос Адам. – Я бы в считаные секунды вышвырнул его из «Сигнуса». Он бы и опомниться не успел.

– Вот и ответ на ваш вопрос, – сказала Кэт. – Если бы она испытывала к Эстерхаусу хоть какие-то чувства, она бы не стала устраивать скандал в лаборатории. Получается, Эстерхаус был ей безразличен. Она предпочла исчезнуть. Скрыться в таком месте, где он ее не найдет.

– В Южном Лексингтоне, что ли? – фыркнул Рэтчет. – Есть места и поприятнее.

Сайкс подвинул к себе конверт со снимками и встал.

– Мы попытаемся ее найти, – сказал он. – Но боюсь, уж слишком это похоже на игру в прятки. А Мэв здорово умеет прятаться. – Он взглянул на Адама. – Вы это и без меня знаете.

Адам устало покачал головой, признавая поражение.

– Вы ее не найдете. И никто не найдет… пока она сама не захочет объявиться.

Селесту они заметили еще издали. Вероятно, прыжки через скакалку были ее главным развлечением. Вот и сейчас она неутомимо крутила

веревку, а ее волосенки подпрыгивали и опадали. Конечно же, девчонка видела их машину, но и не подумала остановиться, а продолжала прыгать, монотонно считая подскоки:

– Сто двадцать восемь, сто двадцать девять, сто тридцать…

– Вы считаете это удачной затеей? – шепотом спросил у Кэт Адам. – Может, лучше было снова обратиться к Энтони?

– И впустую потратить еще двести долларов? – Кэт покачала головой. – Эта пигалица знает здесь все ходы и выходы. И еще не научилась требовать деньги за каждый шаг. Вдруг нам повезет?

– Сто тридцать восемь, сто тридцать девять…

– Здравствуй, Селеста, – окликнула ее Кэт, приоткрыв окошко. – Можно с тобой поговорить?

– Сто сорок четыре, сто сорок пять.

– Нам нужна помощь.

– Сто сорок восемь…

Веревка вдруг зацепилась за обтрепанный нос туфли. Прыжки прекратились. Девчонка сердито топнула ногой:

– Я хотела двести раз проскакать. На рекорд.

Явно расстроенная своей неудачей, она повернулась к Кэт:

– Так чего вам надо?

– Хотим поговорить с Джоной. С большим человеком, – ответила Кэт.

– О чем?

– Просто поговорить. О ближайшем будущем.

– Джона не говорит с чужаками.

– А вдруг согласится? Новая скакалка подсказывает мне, что он согласится.

– Тогда лучше часы. С такими симпатичными стрелочками и циферками.

– Вы думали, что здесь только Энтони страдает жадностью, – пробормотал Адам.

– Хорошо, – согласилась Кэт. – Будут тебе часы. Но только если Джона поговорит с нами.

Селеста довольно заулыбалась.

– Ждите здесь, – сказала она и побежала по улице.

Вскоре девчонка куда-то свернула и исчезла из виду.

– Думаете, у нас получится? – спросил Адам.

– Иного способа встретиться с Мэв у нас нет. Приходится обращаться к тому, кто здесь главный. Если она женщина Джоны, значит она рядом. С ним.

– Мэв не станет с нами говорить. Даже близко к себе не подпустит.

– Но обстоятельства изменились. Эстерхаус мертв. Мэв – в числе подозреваемых. Ей всяко лучше поговорить с нами, потому что в полиции с ней будут не говорить, а допрашивать… И потом, это ваш шанс прекратить вражду. Ваша отчужденность зашла слишком далеко. Вы не думаете, что для вас и для Мэв настало время восстановить родственные отношения?

Адам смотрел в неприметный переулок, где скрылась Селеста.

– Вы правы… давно пора.

Прошло десять минут. Пятнадцать.

Вместо Селесты из переулка вынырнул их старый знакомый Лиланд. Парень неспешно подошел к машине, заглянул внутрь:

– Опять вы.

– Мы хотим видеть Джону, – сказала Кэт.

– Зачем? – спросил Лиланд.

– Здесь скоро появятся копы. Я подумала: быть может, он захочет узнать почему.

Вид у Лиланда был скептический.

– Услугу ему оказываете?

– Да. Услугу за услугу.

Услуга за услугу – это укладывалось в рамки понимания Лиланда. Парень открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

– Лады. Пойдешь одна. Чувак останется здесь.

– Кэт, подождите!

Адам открыл дверцу со своей стороны, тоже собираясь вылезти.

– Или она одна, или никто, – отрезал Лиланд.

– Она не пойдет туда без меня.

– Значит, вообще не пойдет.

– Если нам ставят такие условия, мы не…

– Адам, послушайте меня! – Кэт схватила его за руку и оттащила в сторону. – Не рушьте нашу единственную возможность.

– Вы даже не знаете, кто этот Джона и что за нрав у него!

– И не узнаю, если с ним не встречусь.

Адам мельком взглянул на Лиланда, равнодушно стоящего возле заднего бампера.

– Этот оболтус вдвое выше вас. Он даже выше меня. Если ему взбредет в голову, он с вами…

– Вы хотите пообщаться с Мэв или нет?

– Только не такой ценой.

Кэт сощурилась:

– А я не боюсь этого парня.

– Что заставляет меня усомниться в твердости вашего рассудка.

– Адам, здесь существует свой кодекс чести. Вам трудно поверить, но эти люди действительно играют по правилам большого человека. Если Джона сказал, чтобы меня провели к нему, меня проведут, и никто пальцем меня не тронет.

– А если правила изменились?

– Рискну предположить, что нет.

– Вот именно. Рискнете. Я не хочу, чтобы вы рисковали.

– Так мы идем или как? – спросил Лиланд.

– Я иду, – сказала Кэт.

Она была уже готова последовать за парнем, когда Адам схватил ее руку:

– Кэт, один вопрос. Почему вы это делаете?

– Потому что вам нужна дочь. И мне думается, вы ей тоже нужны.

Кэт высвободила свою руку и догнала Лиланда.

Они свернули в переулок, из которого появился Лиланд, затем в другой. Через какое-то время Лиланд остановился, достал из кармана повязку и бросил Кэт.

– Надень на глаза, – велел он.

– У вас тайное убежище?

– Считай, что так.

«Глупые подростковые игры», – подумала Кэт, надевая повязку.

Это была черная тряпка, пропахшая дешевым лосьоном после бритья.

– Теперь я слепа, как летучая мышь. Пожалуйста, сделай так, чтобы я ни за что не зацепилась и не упала.

– Я бы тебя вообще с удовольствием выбросил в окошко, – признался Лиланд. – Идем.

Его пальцы довольно грубо сжали руку Кэт.

Они пошли дальше. Под ногами хрустело битое стекло. Лиланд ни на секунду не ослаблял хватку. Кэт пробовала считать шаги, но вскоре оставила эту затею. Шли долго, либо парень намеренно водил ее кругами. Она зацепилась за порог и чуть не упала. Лиланд удержал. Все его движения были нарочито грубыми. Судя по эху шагов, они находились внутри здания. Слишком много поворотов. Лестницы вверх

и вниз. Снова холодный ветер в лицо. Опять улица? Или переход? Скорее всего, второе, поскольку эхо шагов вернулось.

Эхо становилось все более гулким. Помещения, по которым ее вели, были просторными. К звуку ее шагов примешивались другие. Потом Кэт услышала негромкие голоса.

Лиланд остановился.

– Где мы? – спросила Кэт.

– В моем замке, – ответил незнакомый голос.

Он звучал громко, как в театре с хорошей акустикой.

– Ты – Джона?

– Посмотри сама, – велел тот же голос. – Снимай повязку.

Кэт не торопилась. Она медленно развязала узел и сняла с глаз тряпку.

12

Место, куда ее привели, когда-то было складом. Плотно занавешенное окно пропускало очень мало света, что не помешало Кэт разглядеть разбросанные ящики, покосившиеся столбы и силуэты собравшихся. От двигавшихся теней ей стало не по себе.

«Моя аудитория», – подумала Кэт.

Вспыхнул свет – обычная лампочка, висевшая на проводе.

Щурясь, Кэт вглядывалась в лица людей Джоны. Их тут было десятка полтора. Все внимательно следили за ней, ожидая прочитать на ее лице растерянность или страх. Кэт старалась их не показывать.

– И кто из вас Джона? – спросила она.

– Там видно будет, – ответил ей кто-то.

– Когда будет видно?

– Когда мы узнаем, кто ты такая.

– Меня зовут Кэт Новак. В свое время я тоже жила в Южном Лексингтоне.

– Полицейская ищейка, вот кто она, – заявил Лиланд. – Шастает тут, вынюхивает.

– Нет, я не из полиции. Я работаю в судебно-медицинском экспертном бюро. Вскрываю трупы. Люди умирают, и моя работа – узнать отчего. Насколько мне известно, в вашем районе недавно умерли трое.

– Велика важность! – загоготал кто-то. – Люди все время помирают. Ничего особенного.

– Смерть Никоса Бьяджи – ничего особенного? Смерть Зинии – тоже? И смерть Элайзы?

Стало тихо.

– А тебе-то какая печаль, Кэт Новак?

Еще не повернувшись к спросившему, Кэт поняла: это и есть Джона. Безоговорочная властность в голосе. Этот рослый человек с неестественно бледными глазами и львиной гривой каштановых волос умел произвести впечатление. Его люди молча смотрели, как их предводитель идет к кругу света, в котором стояла Кэт.

– Тебе не верится, что мне может быть дело до этих смертей? – спросила она.

– Не верится, потому что всем остальным наплевать.

– Я же сказала: я выросла в Южном Лексингтоне. Ходила по тем же улицам, по каким ходите вы. Я знала ваших матерей. Росла вместе с ними.

– А потом слиняла.

– Можно уехать из Южного Лексингтона, но не от него. Сколько ни пытайся, хоть всю жизнь, он останется внутри тебя. И ты унесешь его в любое место, где бы ни поселился.

– Так ты для этого сюда притащилась? Помочь потерянным душам? Совесть замучила?

– Я делаю свою работу. Я должна выяснить, почему люди умирают.

– Значит, тебя пригнала сюда твоя работа? И только?

– Не только. Я хотела предостеречь твою подругу Мэв.

Джона не шелохнулся. Остальные – тоже.

В тишине послышался стук каблуков. Из тьмы появилась элегантная тень, похожая на кошачью. Женщина неспешно вошла в круг света и встала, скрестив руки. Прищурившись, она разглядывала Кэт. Женщина была с ног до головы в черном. Различался лишь материал ее одежд. Кожаная юбка, вязаный свитер, мозаичный жакет с мерцающими атласными вставками. Ее волосы напоминали соломенную метлу. Жесткие, неровно остриженные. Светлые пряди чередовались с кричащими оттенками фиолетового цвета. Она была худенькой, даже тощей. Темные глаза на фарфорово-белом лице казались двумя провалами.

Женщина медленно обошла вокруг Кэт, разглядывая ее со всех сторон. Затем встала напротив.

– Я тебя не знаю, – заявила Мэв, после чего направилась прочь из круга света.

– Зато я знаю твоего отца.

– Мои поздравления, – бросила Мэв через плечо.

– И я знала Герберта Эстерхауса. Пока его не застрелили.

Мэв замерла. Затем снова повернулась к Кэт.

– Ты в числе подозреваемых, – сказала Кэт. – Полиция разыскивает тебя, чтобы допросить.

– Они этого не сделают.

– Почему?

– Они и так знают.

– Как понимать твои слова?

Мэв посмотрела на Джону.

– Это только между нами, – отрезала она.

Джона кивнул и щелкнул пальцами.

– Отваливаем, – сказал он.

Как по волшебству, собравшиеся растаяли в темноте. Мэв дождалась, пока стихнут шаги. Подошла к ближайшему ящику.

– Садись, – велела она, пихая ящик в сторону Кэт.

– Спасибо, мне удобнее стоя, – ответила Кэт, не желая давать Мэв преимущество в росте.

Мэв поставила на ящик ногу в черном сапоге и с каким-то новым интересом взглянула на противницу.

– И где же ты встретила моего отца?

– В городском морге.

– Это что-то новенькое, – засмеялась Мэв.

– Он приезжал взглянуть на труп. Мы думали, что это можешь быть ты.

– Расстроился поди, увидев, что не я.

– Нет. Ему стало страшно, что ты можешь оказаться следующей. Возможно, ты ее знала.

– Элайзу? – Мэв пожала плечами. – Так ее все знали. Настоящая пиявка. Присосется и найдет способ обчистить.

– У тебя она стащила спички.

– Какие еще спички?

– У нее в кулаке нашли книжечку картонных спичек. На внутренней стороне был домашний телефон твоего отца.

И снова Мэв лишь пожала плечами:

– Ей понадобились спички. Мне они были не нужны.

– А что скажешь про Никоса и Зинию? Их ты тоже знала?

– Дураки они были, вот и все. Кололись разной дрянью.

– Кто снабжал их этой дрянью?

Мэв не ответила.

– Ты ведь знаешь кто?

– Слушай, это была просто ошибка.

– С чьей стороны?

– Со стороны всех. Никоса. Зинии.

– И с твоей?

– Я не знала, – помолчав, произнесла Мэв. – Этот отморозок не удосужился мне рассказать. Сказал только, что нужно доставить заказ. Он искал курьера, который бы отвез заказ в Бельмид.

– И ты сказала, что у тебя есть знакомый парень по имени Никос.

– Я же не знала, что Никос окажется таким тупарем и прикарманит эту дрянь. Сам вмазался и девкам своим раздал.

– Значит, курьера нашла ты, – подытожила Кэт; ей было по-настоящему противно это слышать. – Ты и сейчас продолжаешь в том же духе?

– Нет! Тогда я оказала услугу, и только! По старой дружбе. Я не знала…

– Что это отрава?

– Он сказал, что всего один раз! От меня он хотел, чтобы я нашла курьера, и только.

– Кто хотел?

Мэв вздохнула и отвернулась.

– Эстерхаус, кто же еще. Мы с ним… в общем, у нас были…

– Я знаю, Мэв. Я видела снимки.

– Снимки?

– Да. Всю порнографическую коллекцию, где ты позировала для своего доброго друга Герба.

В глазах Мэв мелькнула досада.

– Отец их тоже видел?

– Да. Можешь представить его реакцию. Если бы Эстерхауса не убили, твой отец задушил бы его собственными руками.

– Я бы и сама задушила эту гниду, – хмыкнула Мэв. – Он меня использовал.

– И часто? Он заставлял тебя распространять наркотик?

– Говорю тебе, это было всего один раз. – Мэв тряхнула головой. – Я-то думала, он чист, понимаешь? После того как в прошлом году его прищучили, он осторожничал…

– Подожди. Ты говоришь, Эстерхауса арестовали. Когда?

– Около года назад. Ничего крупного. Несколько кустов марихуаны на заднем дворе. Уж не знаю, как он из этого выпутался, но дальше дело не пошло. Я так думаю, федералы вмешались и помогли ему выбраться. Они же пасут своих свидетелей.

– Так ты знаешь, что к нему применялись меры защиты свидетелей?

– Он рассказал мне про Майами. Когда здесь его накрыли, он всерьез перепугался. Боялся, что та история всплывет. И работу терять не хотел. Он ведь обожал торчать в своей лаборатории! А я просто ненавидела это место. Потом и Эстерхаусом досыта наелась.

– И тогда ты его бросила.

– Не скажу, чтобы я была сильно зла на него. Наскучил он мне.

– В его убийстве полиция подозревает и тебя.

– У них работа такая – подозревать.

– Можешь назвать более вероятного подозреваемого?

Мэв сняла ногу с ящика и стала ходить вокруг, то скрываясь в тени, то снова выходя на свет.

– Герб был самым обычным парнем, пытавшимся заработать себе на жизнь. Он старался не вляпываться ни в какие истории.

– Тогда зачем ему понадобилось красть зестрон-Л и продавать уличным наркоманам?

– На него давили.

– Кто?

Мэв повернулась к ней:

– А ты спроси человечков наверху. Тех, кому хочется стереть Южный Лексингтон с карты города.

– И все-таки кто? Мэрия? Полицейское начальство?

– Желающих полным-полно. Для тех, кто наверху, мы кто? Крысы в сточных канавах. А что делают с крысами? Истребляют.

– Мэв, ты бросаешься громкими, но бездоказательными обвинениями. Думаешь, тебе поверят?

– Знаю, что не поверят. Такие, как ты, никогда не станут слушать таких, как я.

– Только не надо разыгрывать из себя дитя трущоб. Ты – одна из Куонтреллов.

– Можешь не напоминать! – огрызнулась Мэв.

Кажется, она собиралась уйти.

– Твой отец тоже здесь, – крикнула Кэт. – Ждет на улице. Он хочет с тобой поговорить.

Мэв остановилась. Повернулась:

– О чем? Раньше у него не находилось времени на разговоры со мной. Он только приказывал. «Возьмись за ум!» «Не смей курить!» Уж если на то пошло, он и не отец мне.

– Он хотел быть тебе отцом.

– Хотел, но не стал.

– А где твой настоящий отец? Можешь рассказать?

Мэв сердито посмотрела на нее, но промолчала.

– Он жив, но находится не в Штатах. Да?

– Он живет в Италии.

– Верно. Он живет в Италии. А Адам здесь. Рядом.

– Но он не мой отец.

– Не твой. Но ведет себя как твой отец. И страдает, как твой отец.

Мэв резко пнула ящик, и тот закувыркался по полу.

– Замечательно, – усмехнулась Кэт. – Если что нам не по нраву, мы устраиваем истерику.

– Сука ты!

– Возможно. Но я уж точно не твоя мамаша. И терпеть твои выходки не намерена.

Повернувшись, Кэт пошла… сама не зная куда. Позади послышались шаги, затем Мэв выкрикнула:

– Оставьте! Пусть эта сука уходит.

Не сразу, но Кэт выбралась из здания. Несколько раз она сворачивала не туда, поднималась и спускалась по хлипким лестницам. И все-таки интуиция вывела ее наружу. Оглянувшись, она поняла, куда ее привели. Старая заброшенная мельница. Если смотреть с улицы – ничего, кроме заколоченных окон и кирпичных стен, густо изрисованных граффити. Можно было лишь догадываться, сколько пар глаз следят за каждым ее шагом.

Кэт вывернула на Саут-Лексингтон-авеню и пошла туда, где ждал ее Адам.

Он расхаживал возле машины, засунув руки в карманы. Ветер ерошил ему волосы. Едва увидев Кэт, он бросился ей навстречу.

– Я уже собирался вызывать полицию, – сказал Адам. – Что случилось?

– Потом расскажу. – Кэт открыла дверцу и нырнула в салон. – Давайте выбираться отсюда.

Адам тоже сел.

– Вы видели Джону?

– Да.

– И как?

– Незабываемые впечатления.

– Как и ожидание тут, – буркнул Адам, включая двигатель.

Они поехали на север, оставляя Южный Лексингтон позади.

– Я видела Мэв, – сказала Кэт.

Адам едва не дал по тормозам.

– Она была там?

– Селеста оказалась права. Мэв – женщина Джоны.

Позади успели скопиться машины. Водители недовольно сигналили.

– Адам, едем дальше. Смотрите, какой хвост выстроился за нами.

Адам вдавил педаль газа. Он не мог опомниться от услышанного.

– Как она? Она… счастлива?

– Если честно, эта девочка вряд ли когда-нибудь была счастлива, – покачала головой Кэт.

– Она согласилась говорить с вами?

Кэт видела его лицо, слышала его голос. Обычный отец, испуганный и отчаявшийся. Она вдруг подумала о своем собственном отце – зеленоглазом мужчине, о котором она не знала ничего. Даже имени. Знал ли он, что у него есть дочь? Заботило ли его это? Вряд ли. Скорее всего, зеленоглазый мужчина был до смерти рад, что расстался с ее матерью. Кому-то наплевать на собственных детей. А таких, как Адам, волнуют чужие.

– Мэв не готова встретиться с вами, – сказала Кэт.

– Даже если я попытаюсь…

– Адам, сейчас не время.

– А когда это время наступит?

– Когда Мэв повзрослеет. Если, конечно, повзрослеет.

Пальцы Адама впились в рулевое колесо.

– Если бы знать, что именно я делал не так…

– Некоторые дети рождаются сердитыми на весь мир. Мне думается, Мэв злится на своего родного отца. Но поскольку он далеко и истерику ему не закатишь, все это переносилось и до сих пор переносится на вас. Любой ваш поступок она считает неправильным. Малейший контроль – и вы

уже тиран. Вы пытаетесь установить хоть какие-то рамки – она яростно их крушит.

Кэт погладила его колено.

– Вы делали все, что в ваших силах.

– Этого было недостаточно.

– Адам, для такого ребенка, как Мэв, никогда не будет достаточно.

Они ехали молча. Наверное, даже хорошо, что Адам смотрел только на дорогу. Вид у него был, честно сказать, пришибленный.

«Как быстро он принимает всю вину на себя», – подумала Кэт.

А у великовозрастной девицы – никакой ответственности за свою жизнь. Всегда виноват кто-то другой. Очень удобно.

– Зато я много чего узнала, – сказала Кэт. – Мои предположения подтвердились. Источником всех этих бед действительно был Эстерхаус. Он украл зестрон-Л и передал Никосу для доставки. А Никос решил часть оставить себе. Так отрава попала в «муниципалку».

– Вы сказали, для доставки? Кому?

– Этого мне Мэв не сообщила. Зато у нее есть свои мысли насчет того, кто за всем этим стоит. И знаете кто? – Кэт засмеялась. – Городская элита. Имен и должностей Мэв не называла, полагая виновными всех представителей власти. Она считает распространение наркотика целенаправленным действием, чтобы очистить город от разного сброда.

– Не хочется признаваться, но в чем-то я согласен с Мэв. Я тоже не в восторге от городской элиты.

Кэт удивленно посмотрела на него.

– Я не говорю, что они ангелы. Но чтобы сознательно распространять опасный наркотик? Это что же, радикальный способ избавить Альбион от отбросов общества? Большой скачок, ничего не скажешь.

За окном мелькали пустые обветшалые дома с выбитыми стеклами.

– Знаете, несколько дней назад схожая мысль забрела и в мою голову, – призналась Кэт. – Я посчитала ее параноидальной. Всегда так соблазнительно вообразить какой-нибудь заговор…

Она помолчала.

– Кстати, а вы знаете, что год назад Эстерхауса арестовывали? За марихуану, которую он выращивал у себя на заднем дворе.

– Впервые слышу.

– Кто-то помог ему замять эту историю, и он вышел сухим из воды. Возможно, федералы, которые оберегают своих давних свидетелей. Они похлопотали о закрытии дела.

Адам думал над ее словами. Потом тихо спросил:

– А если это были не федералы?

– Как вы сказали?

– Что, если Эстерхаус заключил другую сделку и потому избежал обвинений?

– Вы подразумеваете… подкуп?

– Работая в «Сигнусе», он имел доступ к неисчерпаемому источнику наркотиков. Очень весомый аргумент для подкупа.

– И потому Эстерхаус заключает сделку. С судьей. Или…

– С полицией, – докончил за нее Адам.

Это возвращало их к сомнительной теории заговора, но в свете новых фактов ее было трудно отбросить как параноидальный бред. Смерть Эстерхауса явно была наказанием. Кэт вспомнились слова Мэв о давлении на него. Кто-то заставлял его воровать зестрон и распространять по каким-то местам. Взрыв ее дома – тоже дело рук профессионалов. Кэт вспомнила, как бешено сопротивлялись мэр и Эд ее намерениям созвать пресс-конференцию и рассказать о жертвах нового наркотика. Власти Альбиона изо всех сил старались не замечать смерть трех наркоманов из Южного Лексингтона.

Не замечать? Или… скрывать?

– Едем в город, – вдруг сказала Кэт.

– Зачем?

– Хочу повидать Эда.

– Зачем? – снова спросил Адам.

– Сила привычки. Люблю иногда его помучить. К тому же у него может оказаться нужная нам информация. В данном случае кто из полицейских арестовал и затем отпустил Эстерхауса. И в каких еще делах засветился этот геройский коп.

– Откуда Эду знать такие вещи?

– У него есть прямой доступ к полицейскому отделу внутренних расследований. Там собраны досье на каждого их служащего. Если тот полицейский на чем-то попадался, сведения занесены в его досье.

– А что, если все они там на чем-то попадались?

– Адам, такое я не хотела бы видеть даже в страшном сне, – замотала головой Кэт.

Мэрия превратилась во что-то среднее между цирком и студией телевизионных ток-шоу. Повсюду были растянуты баннеры: «МЭР СЭМПСОН ОТКРЫВАЕТ ТОРЖЕСТВА В ЧЕСТЬ ДВУХСОТЛЕТИЯ АЛЬБИОНА»… «200 ЛЕТ ПЕРСПЕКТИВ»… «АЛЬБИОН: ВЗГЛЯД В ТРЕТИЙ ВЕК». В вестибюле поместили карту со схемой предстоящего двухмильного парада. Стоило повнимательнее к ней присмотреться, и каждый замечал любопытную особенность: шествие огибало центр города. Маршрут пролегал в основном вдоль северных границ. Подальше от Южного Лексингтона, который оказывался вне зоны торжеств.

Эд был на месте. Рекламной пестроты хватало и в его кабинете. Стена за его креслом была увешана плакатами в поддержку перевыборов мэра. Кэт зацепилась взглядом за один плакат: девочка, увлеченно прыгающая через скакалку. Внизу была надпись: «АЛЬБИОН. БЕЗОПАСНЫЙ СЕГОДНЯ. ЕЩЕ БЕЗОПАСНЕЕ ЗАВТРА». Кэт так и хотелось спросить: «Безопасный для кого?»

Как обычно, появление бывшей жены не вызвало у Эда бурной радости.

– Времени у меня не много. Это понятно? – пробурчал он, когда Кэт с Адамом уселись напротив. – Не праздники, а катастрофа. Бюро погоды предсказывает дожди. Кто-то распустил слухи о снайперах, и три школьных оркестра отказались участвовать в параде. А теперь еще полиция подарочек преподнесла. Говорят, что не смогут гарантировать порядок.

– Ты боишься беспорядков? Это же наш город, – елейным тоном произнесла Кэт. – Сегодня уже безопасный. А завтра – еще безопаснее.

– Что тебе понадобилось на сей раз? – хмуро спросил Эд.

– Мистер окружной прокурор, как исправная налогоплательщица я прошу оказать мне небольшую услугу.

– Надеюсь, это никак не связано со смертью от передозировки наркотиков?

– Косвенно. Думаю, ты слышал о моем взорванном доме. И о мертвом сотруднике «Сигнуса» тоже.

– Заказное убийство. Мафия Майами сработала. Во всяком случае, так мне сказали копы.

– Копы говорили еще кое-что. Эстерхаус своровал из «Сигнуса» наркотическое вещество, и он же подложил бомбу в мой дом, чтобы я больше не задавала разные неудобные вопросы.

– Найдется немало охотников взорвать твой дом, – засмеялся Эд.

– Но вешать на Эстерхауса еще и взрыв – слишком примитивно, – подхватил Адам. – Проще простого все свалить на мертвеца. Эстерхаус много лет вел себя очень аккуратно. Он попался всего один раз, год назад. Тогда его арестовали за выращивание марихуаны.

– Я об этом не слышал, – признался Эд.

– Ему не предъявляли обвинения. Арестовав, почти сразу выпустили. Мы хотим знать, кто его арестовывал.

– Зачем?

– Если у человека находят плантацию марихуаны, он подлежит аресту. Тут все предельно просто. Но Эстерхауса арестовывают и тут же отпускают, не предъявив обвинений. Зачем понадобился этот спектакль?

– Решение о его освобождении могли принимать на разных уровнях.

– Нас интересует самый нижний. Уличный, – сказала Кэт. – Хотим знать копа, который арестовал Эстерхауса.

– Да? А чего еще вы хотите?

– Мы хотим знать, не пытался ли Эстерхаус подкупить этого полицейского. И не было ли замечено… внезапное повышение благосостояния этого полицейского. Свяжись с отделом внутренних расследований. Может, у них это отражено в его досье.

– Может, и не отражено.

– Тогда достаточно имени. Эд, узнай его имя.

Бывший муж покачал головой:

– Кэт, ты пытаешься добраться до конфиденциальной информации. Ты ничего не получишь.

– Я уже получила пустой участок, на котором совсем недавно стоял мой дом.

– А я получил мертвого работника, – добавил Адам.

– Значит, вы оба заинтересованы в этой информации?

– Вы тоже должны быть заинтересованы, мистер Новак, – сказал Адам. – В качестве окружного прокурора.

– Добавлю: непревзойденного окружного прокурора, – послышался голос из двери.

В проеме стоял мэр Сэмпсон, облаченный в элегантный костюм-тройку. Войдя в кабинет, он, как и надлежало хорошему политику, сразу же направился к Адаму.

– Мистер Куонтрелл, рад снова вас видеть, – сказал мэр, награждая Адама заученным рукопожатием. – Вы ведь приедете на бал по случаю двухсотлетия города?

– Пока что не собирался.

– Но Изабель зарезервировала два билета для ближнего круга.

– Мне она ничего не говорила.

Сэмпсон мельком взглянул на Кэт, поморщился, но тут же снова нацепил улыбку.

– Вы вся в делах, доктор Новак?

– По уши, – проворчал Эд.

– Никак опять эти наркоманы?

Сэмпсон покровительственно похлопал ее по плечу. Кэт терпеть не могла подобных жестов.

– Вы слишком уж близко к сердцу принимаете всю эту историю.

– Да, ближе некуда. Если учесть, что взорвали мой дом.

– Но Эд держит руку на пульсе расследования, – сказал Сэмпсон. – Правда, Эд?

– Абсолютная правда.

– Кстати, не пора ли нам двигаться? – спросил мэр.

Эд посмотрел на часы.

– Да. Прошу прощения, нас ждут в комитете по организации парада.

Все вышли в коридор. Эд помахал рукой. Жест был универсальным и мог означать как «до свидания», так и «катитесь-ка с глаз моих долой». Вскоре они с мэром скрылись за углом коридора. Кэт презрительно фыркнула:

– Торопятся освоить доллары с наших налогов. Скорее бы прошло это чертово двухсотлетие.

В лифте они ехали вместе со служащей мэрии. Руки женщины были заняты большой кипой разноцветных листовок.

– Возьмите листовку! – бодреньким голосом предложила она.

Кэт взяла и прочла про себя: «Мэр Сэмпсон приглашает Вас на бал по случаю двухсотлетия Альбиона. Билеты круга гостей – 500 долларов. Билеты круга благотворителей – 2500 долларов. Билеты для ближнего круга – 10 000 долларов».

– Как вы думаете, Эд нам поможет? – спросил Адам.

– Если не поможет, я от него до самой могилы не отстану.

– Впервые слышу от вас такую серьезную угрозу, – засмеялся Адам.

– Едва ли, – пробормотала Кэт, продолжая разглядывать листовку.

Они вышли из лифта. Итак, билеты ближнего круга идут по десять тысяч долларов. Изабель заказала два.

– Я никому не угрожаю, – сказала Кэт и швырнула скомканную листовку в урну.

Повариха Адама приготовила им восхитительный обед. Корнуэльские куры в клубничном соусе, канадский рис. В ведерке со льдом дремала бутылка вина. А на столе, естественно, стоял канделябр со свечами. Все в лучшем виде, как думалось Адаму. Во всяком случае, он на это рассчитывал.

Но его ожидания не оправдались.

Кэт рассеянно гоняла по тарелке кусочек морковки. Куда девался ее аппетит? Вздохнув, она положила вилку и посмотрела на Адама.

– Все думаете об Эстерхаусе? – спросил он.

– И… обо всем остальном.

– Включая нас?

Она кивнула.

Адам поднял бокал и сделал глоток. Кэт смотрела и ждала, когда он хоть что-то скажет. Молчание было для нее непривычно.

«Почему же нам так тяжело друг с другом?» – думала она.

– Мне вредно здесь задерживаться, – сказала она.

Адам посмотрел на ее тарелку с едва тронутой едой.

– По крайней мере, здесь вы не питаетесь фастфудом.

– Я не о еде. Вредно с эмоциональной точки зрения. Я не привыкла рассчитывать на мужчину. У меня такое ощущение, будто я встала на ходули и едва держусь, ожидая неминуемого падения. Когда я смотрю на все это, – она обвела рукой элегантно сервированный стол, красиво подсвеченный серебряным канделябром, – этот мир кажется нереальным.

– А я? – спросил Адам.

– Не знаю, – ответила Кэт, глядя ему прямо в глаза.

Адам ущипнул себя за руку, пожал плечами и улыбнулся:

– По-моему, вполне реальный.

Кэт не оценила юмора. За весь вечер Адаму не удалось добиться от нее даже легкой улыбки.

– Кэт, если вы постоянно ждете, что вам сделают больно, рано или поздно это случится.

– Нет, верно как раз обратное: если ты постоянно готова, тебе никто не сделает больно.

Адам сокрушенно вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Замечательный прогноз на будущее.

Кэт засмеялась. Невесело, отрешенно.

– А я, Адам, не загадываю на будущее. Я проживаю каждый день, стараясь наслаждаться тем, что мне доступно. Сейчас я наслаждаюсь вашим обществом. Но я хочу взять с вас одно обещание: когда все это кончится, так мне и скажите. Не надо никаких словесных кружев, никаких вежливых иносказаний. Только правду. Если я не то, что вам нужно, если наши отношения не выстраиваются так, как бы вам хотелось, скажите мне об этом в лицо. Я не хрустальная. Не разобьюсь.

– Вы уверены?

– Уверена.

Кэт подняла свой бокал и невозмутимо отхлебнула. Адам знал правду. На самом деле ее сердце было таким же хрупким, как этот бокал. Просто она старалась этого не показывать. Быть слабой – ниже ее достоинства. Закваска Южного Лексингтона? Скорее всего, Кэт была убеждена: стоит только утратить бдительность, и он сделает ей больно.

«Возможно, она права», – подумал Адам.

Он отодвинул стул и встал:

– Идемте.

– Куда?

– Наверх. Если наши отношения обречены, давайте наслаждаться ими, пока есть возможность.

Кэт беззаботно рассмеялась и тоже встала.

– Пока солнце светит, – сказала она.

– А если ничего не получится…

– Мы оба не обидимся, – закончила она.

Они поднялись в спальню Адама, закрыли дверь, оставив за нею весь мир. Кэт спокойно принялась раздеваться.

«Будем проживать каждый день, – подумал он, глядя, как предметы ее туалета падают на пол. – И каждый момент. А что будет потом, это мы увидим завтра».

Адам обнял ее, поцеловал. Он старался быть нежным. Ей хотелось неистовства. Казалось, занимаясь любовью, она сражалась со своим внутренним демоном, а может, и с самой собой. Любовь и война, наслаждение и отчаяние – все это испытывал Адам, занимаясь любовью с Кэт.

Когда всплески страсти затихли и изможденная Кэт заснула в его объятиях, он лежал без сна. В сумраке спальни белела антикварная мебель и сводчатый потолок.

«Это и стоит между нами, – думал он. – Мое богатство. Мое имя. Ее это пугает».

Кларк вернулся после недельного отпуска, обгоревший на солнце и весь искусанный комарами. Комары насладились нежданным лакомством, а вот у Кларка не получилось насладиться отдыхом.

– Всего одна жалкая рыбешка, – посетовал он. – Таких тощих угрей я еще не видел. Я не знал, то ли ее жарить, то ли пустить в аквариум моей ребятни. Всю неделю – никакого клева. Потерял три своих лучших мормышки. Ушла рыба из тех рек. Напрочь ушла.

– А Бет сколько поймала? – осторожно спросила Кэт.

– Бет? – удивился Кларк, словно впервые слышал это имя.

– Ваша жена.

Кларк кашлянул.

– Шесть, – нехотя признался он. – Может, семь.

– Только семь?

– Возможно, даже восемь. Обычная камбала.

– Она у вас здорово умеет ловить камбалу.

Кларк молча облачился в свой белый халат.

– И как тут без меня? Было что-нибудь интересное?

– Ничего.

– И зачем я спрашиваю? – проворчал Кларк. Он подошел к ящику и вытащил кипу своих бумаг. – Вы только посмотрите!

– Все ваши, – сказала Кэт. – Мы не трогали.

– Премного благодарен.

– Это еще не все. У вас стол завален бумагами на подпись.

– Ладно-ладно. Это специально делают, чтобы у таких парней, как я, даже и мыслей об отпуске не было.

Он вздохнул и двинулся в свой кабинет.

Кэт уселась за стол, слушая знакомое поскрипывание теннисных туфель Кларка. Все как обычно, привычная многолетняя рутина. Тогда откуда сегодня такая подавленность?

Она встала, налила себе еще чашку кофе. Третью за это утро. Кэт превращалась в кофеманку, сахароманку и… «любвеманку»? Специалистку по безнадежным отношениям. Она снова села. Если бы она могла хотя бы день… хотя бы час не думать об Адаме, она бы сумела вернуть контроль над своей жизнью. Но Адам превратился для нее в наваждение. Что он делает сейчас? Сидит у себя в кабинете, погруженный в дела. А по ней скучает?

Кэт взяла папку, раскрыла, поставила свою подпись и снова захлопнула. Она едва не застонала, услышав скрип теннисных туфель.

– Кэт, гляньте, тут что-то странное, – пробормотал Кларк.

– Что именно?

– Вы послушайте. – Он достал результаты лабораторного анализа и зачитал вслух: – Масс-спектрофотометрия и ультрафиолетовая спектрофотометрия. «Обнаружено присутствие наркотика лево-N-циклобутилметила-6, десятый класс бета-дигидроксидов. Полная идентификация будет позже»... Как прикажете это понимать?

– Думаю, вы случайно взяли один из моих анализов. Наркотик уже определен. Называется зестрон-Л.

– Я о таком не слышал.

– Наверняка перепутали результаты. Хорошо, что вы обнаружили.

– Но на запросе стоит мое имя.

Кэт обмерла от мелькнувшей мысли.

– А результаты по какому трупу?

– Джейн Доу.

– Тогда понятно, – облегченно вздохнула Кэт. – Это моя подопечная.

– Ошибаетесь. Это моя Джейн Доу. – Кларк подал ей бланк. – Видите? Здесь стоит мое имя.

Кэт взяла лист, вгляделась. В самом деле, заказчиком анализов значился Бернард Кларк... Женщина... белая... имя неизвестно. Идентификационный номер 372-3-27-В. Дата заказа: 27 марта.

Ее Джейн Доу появилась в морге неделей позже.

– Принесите мне документы, – потребовала Кэт.

– Что?

– Я просила принести документы!

– Будет исполнено, мой фюрер.

Кларк ненадолго исчез и вернулся с папкой в руке.

– Извольте.

Кэт открыла папку. Да, этим трупом действительно занимался Кларк. Кэт вспомнила мертвую женщину с рыжими волосами и

мраморно-белой кожей. В папке были и лист из центральной идентификационной лаборатории. Ах да, проверка по отпечаткам пальцев. У этой Джейн Доу было имя: Мэнди Барнетт. Полиция задерживала ее за кражу в магазинах, проституцию и пьянство в общественных местах. Ей было двадцать три года.

– Ее тело по-прежнему у нас? – спросила Кэт.

– Нет. Вот разрешение на перевозку.

Бланк был подписан Уилоком. Итак, вчера тело Мэнди Барнетт увезли в морг Гринвуда.

– В качестве вероятной причины я указал передозировку барбитуратов, – сказал Кларк. – Мне это показалось вполне логичным. Рядом с ней обнаружили пустую баночку из-под фиоринала.

– Анализ выявил барбитураты?

– Только следы.

– Игл рядом не нашли? И жгута тоже?

– Согласно отчету полиции, только таблетки. Потому я и предположил отравление барбитуратами. Выходит, я ошибся.

– Я тоже.

– Что?

Кэт потянулась к телефону, набрала номер Сайкса. Сплошные длинные гудки. Она уже думала, что его нет на месте, когда в трубке послышалось:

– Убойный отдел. Сайкс.

– Лу, это Кэт Новак. У нас еще один случай.

– А точнее можно?

– Смерть от передозировки зестрона. Но есть кое-какие отличия.

Ей показалось, что Сайкс вздохнул. А может, просто зевнул?

– Слушаю тебя внимательно.

– Имя жертвы – Мэнди Барнетт. Ее нашли в Бельмиде неделей раньше. Поначалу все смахивало на заурядное отравление барбитуратами.

– Вы мне все-таки скажете, что тут происходит? – не выдержал Кларк.

Кэт пропустила его вопрос мимо ушей.

– Я намерена встрять в это дело. – Она помолчала. – Я считаю и эту смерть убийством.

13

Сайкс швырнул полицейский отчет на стол.

– Новак, это «глухарь», – сказал он, глядя на Кэт. – Ни мотивов, ни свидетелей. Следов насильственной смерти тоже нет. Мэнди Барнетт была совсем одинока. Мы так и не нашли ее родственников или друзей.

– Но кто-то ее все же знал.

– Возможно. Только те люди предпочитают не высовываться. – Сайкс привалился к спинке стула. – Тупик, понимаешь? Если это убийство, то убийца просто виртуоз.

– Не только в способе убийства, но и в выборе жертвы, – сказала Кэт.

Она посмотрела на Рэтчета, которого явно больше волновал сэндвич с ветчиной.

– Винс, ты звонил в гринвудское похоронное бюро?

– Звонил. Никто с ними не договаривался о завтрашних похоронах. Но расходы кто-то оплатил.

– Кто?

– Заплатили анонимно. Наличными в конверте.

– Ребята, и вас это не настораживает? – недоверчиво покачала головой Кэт.

– Оплата похорон не считается преступлением.

– Выходит, кому-то Мэнди Барнетт все-таки знакома. И кому-то небезразлично, как ее похоронят. У вас есть по ней какие-либо данные?

– Мы знаем, что она жила в Бельмиде, – сказал Сайкс. – Снимала квартиру в доме на углу улиц Флешнер и Гроув. Наведались туда, расспросили. И удивились. Там даже никто не знал ее имени. Видели,

как она выходила и возвращалась, но не более того. А ты говоришь, свидетели.

– Откуда она достала наркотик?

– Возможно, купила через курьеров Эстерхауса, – пожал плечами Сайкс. – Или получила бесплатно, в обмен на известные услуги?

– Ты имеешь в виду проституцию?

– Ее уже арестовывали за это. Прошу прощения за двусмысленность, но, как говорят, «старую суку не научишь новым трюкам».

– И опять вся вина падает на Герберта Эстерхауса?

– Кого же еще нам винить? Для нас это дело – сплошной тупик.

«И для Мэнди Барнетт тоже», – подумала Кэт.

Ей вспомнились огненные волосы Мэнди, фарфоровая белизна кожи. Даже после долгого пребывания в холодильнике морга тело не утратило красоты. Такие женщины не остаются незамеченными. Наверняка у нее были подруги. Может, любовники. Или просто мужчины, покупавшие ее ласки на одну ночь. Куда они все подевались?

«Умирает женщина, и ее смерть остается незамеченной».

Эта мысль билась в голове Кэт, пока она шла из кабинета Сайкса и Рэтчета по длинному коридору к лифтам. А если она сама вдруг умрет, многие ли заметят ее смерть и придут на похороны? Кларк наверняка придет. Уилок – по долгу службы. Но не будет ни мужа, ни родственников, ни охапок цветов на могиле.

«Мы с Мэнди похожи. По собственному выбору или волею обстоятельств мы в этой жизни – одиночки».

Остановившись возле лифтов, она нажала кнопку вызова. Вместе с сигнальным звонком у нее за спиной раздался знакомый голос:

– М-да, помянешь черта…

Обернувшись, Кэт увидела бывшего мужа. Тот вышел из кабинета начальника полиции.

«И ты тоже не пришел бы на мои похороны», – с некоторой злостью подумала она.

– Какая очаровательно хмурая физиономия у тебя сегодня, – сказал Эд.

Они оба вошли в лифт. Двери закрылись. Эд, как всегда, был тошнотворно элегантен. Ни пылинки, ни пятнышка. В его итальянские ботинки можно было смотреться, как в зеркало. И что она нашла в этом человеке? Следом явилась другая мысль, уравновесив первую: а что Эд нашел в ней?

– Кстати, я узнал то, о чем ты просила, – сказал он.

– Что?

– Имя копа, который в прошлом году арестовал Эстерхауса. Тебе ведь интересно знать, кто это?

– Конечно.

– Некто Бен Фуллер. Сержант с восемнадцатилетним стажем. Детали ареста отражены в протоколе. Эстерхауса прищучили за выращивание трех кустов марихуаны.

– И что, Фуллер потом его отпустил?

– Нет. Отпустили федералы. Вмешались и вытащили своего бывшего свидетеля. Так что тему сговора можешь закрыть. Фуллер к этому непричастен.

– А можно мне взглянуть на его досье из отдела внутренних расследований?

– Тебе это ничего не даст.

– Почему?

Двери лифта разошлись.

– Потому что Бен Фуллер мертв, – ответил Эд и вышел.

Кэт бросилась за ним.

– Мертв? Что с ним случилось?

– Застрелили во время дежурства. Кэт, он был отличным копом. Я говорил с его друзьями. У него остались жена и трое детей. И целый ящик грамот и благодарственных писем. Так что оставь парня в покое. Он был героем и не заслуживает, чтобы очерняли его память.

С этими словами Эд вышел из здания.

Кэт смотрела, как он удаляется, быстро шагая по тротуару. Потом пошла к своей машине.

Диллингам-стрит была буквально нашпигована машинами, а у Кэт сегодня не хватало терпения спокойно к этому относиться. Каждый светофор, загоравшийся красным, каждый идиот, делавший левый поворот, лишь подогревали ее раздражение. Когда она добралась наконец до морга, ее самообладание висело на волоске.

У себя на столе Кэт обнаружила вазу с двумя десятками роз на длинных стеблях.

– Это еще откуда? – сердито спросила она.

Кларку тоже было любопытно. Вскоре он сунул голову в ее кабинет и вкрадчиво спросил:

– И кто же ваш новый воздыхатель?

Кэт захлопнула дверь под громкий хохот Кларка. Потом плюхнулась на стул, разглядывая розы. Букет был потрясающий. Кроваво-красные розы, символ любви и страсти.

Однажды Эд прислал ей точно такие же розы. Это было незадолго до его просьбы о разводе.

Кэт уронила голову на руки, думая о том, какие цветы Адам Куонтрелл прислал бы на ее похороны.

Мрачное настроение не оставляло Кэт весь день. В таком состоянии она вскрывала труп старухи, сбитой на переходе, и разбирала бумаги, присланные ей на подпись из полиции и суда. Но вечером, въезжая через каменные ворота резиденции Адама, она была вполне готова и к теплым объятиям, и к ласкам. На худой конец, к хорошей порции крепкой выпивки.

Адам еще не вернулся. Зато в проезде стоял «мерседес» Изабель.

Кэт вылезла из своего «форда», поглядывая на безупречно чистый салон «мерседеса», кожаную обивку и перчатки из мягкой кожи, небрежно брошенные на переднем сиденье. Пребывая все в том же мрачном настроении, она поднялась на крыльцо и нажала кнопку звонка.

– Это вы, доктор Новак? – удивился Томас. – Неужели мистер Куонтрелл не снабдил вас ключами?

Кэт кашлянула. Ей и в голову не приходило взять и открыть ключом дверь чужого дома. Она была здесь гостьей. Наверное, таковой и останется.

– У меня есть ключи, – сказала она.

Томас отошел в сторону.

– Просто мне подумалось: вначале стоит позвонить, – оправдывалась Кэт, отдавая Томасу свою куртку.

– Конечно, – деликатно согласился Томас, вешая ее одежду в шкаф. – Мистер Куонтрелл еще не возвращался. Но к нам заехала мисс Калдервуд. Она сейчас в гостиной. Если угодно, можете выпить с ней чаю.

Меньше всего Кэт хотелось видеть Изабель, но элементарные правила приличия не позволяли ей просто подняться в гостевую комнату и завалиться на диван. Заставив себя нацепить вежливую улыбку, Кэт прошла в гостиную.

Изабель сидела на полосатой кушетке. Пушистый кашемировый свитер был небрежно и соблазнительно приспущен с одного плеча. Появление Кэт ничуть ее не удивило. Похоже, Изабель даже ждала ее приезда.

– Надеюсь, вам не пришлось долго ждать, – сказала Кэт. – Я не знаю, когда Адам приедет домой.

– Он возвращается в шесть, – улыбнулась Изабель.

– Он звонил?

– Нет. Просто он всегда возвращается в шесть.

Кэт уселась на стул эпохи королевы Анны. Интересно, что еще знает Изабель о привычках Адама?

«Возможно, больше, чем я догадываюсь».

На столике стояла пустая чайная чашка и поднос с печеньем. На кушетке переплетом вверх лежала книга, которую читала Изабель. Судя по заглавию, французская. В воздухе слегка пахло духами Изабель. Аромат был холодноватым и изысканным. Никакой цветочной дешевки, продающейся в аптеках.

– Шесть часов – его обычное время, – продолжала Изабель, наливая себе чай. – А по средам он заканчивает на час раньше и приезжает около пяти. Перед ужином любит выпить виски. Обычно шотландское, которое сильно разбавляет содовой. За ужином – бокал вина, но всего один. После ужина Адам читает. Научные журналы. Он старается быть в курсе новинок фармакологии. Думаю, вы поняли, насколько серьезно он относится к своей работе.

Изабель поставила чашку на столик.

– А потом наступает время развлечений, в которых обычно участвую я.

Произнеся эти слова, она снисходительно улыбнулась Кэт.

– Изабель, если вы рассказываете мне все это, чувствуя во мне угрозу, пожалуйста, успокойтесь. Я такая, какая есть, и никого из себя не разыгрываю. Никаких голубых кровей, никакой родословной. – Кэт засмеялась. – Ни малейшего намека на высшее общество.

– Я вовсе не хотела вас принизить, – торопливо возразила Изабель. – Просто решила немного прояснить некоторые вещи, связанные с Адамом.

– Например?

– Ну, как вам сказать… – Изабель пожала плечами. – Неизвестные вам стороны его жизни. Я вполне понимаю вашу растерянность. Вдруг попасть в этот громадный старый дом. Со стен на вас смотрят портреты совершенно незнакомых людей. И потом, вхождение в круг его друзей, которых вы никогда не видели.

– Зато вы знаете их всех.

– Мы с Адамом – люди одного круга. Можно сказать, мы росли вместе. Я знала Джорджину. Я наблюдала за печальным развитием их брака. Я была рядом, когда ему требовалась дружеская поддержка… И всегда буду, – помолчав, многозначительно добавила она.

Кэт прекрасно поняла невысказанные слова: «Я буду здесь после того, как ты уберешься отсюда и воспоминания о тебе выветрятся из его памяти».

Изабель допила чай и поставила чашку на блюдце.

– Мне хотелось, чтобы вы задумались над этим. Чтоб вы знали, чего ожидать.

Кэт действительно задумалась над этим. Она думала, а Изабель тем временем покинула дом. Кэт думала о пропасти между Сарри-Хайтс и Южным Лексингтоном. Расстояние между этими двумя точками измерялось не милями, а вселенными. Кэт думала о загородных клубах и сумрачных переулках, заборчиках из белого штакетника и колючей проволоке.

А еще она думала о своем сердце, лишь недавно исцеленном. И о том, как долго приходится собирать осколки.

Поднявшись наверх, Кэт бросила в сумку зубную щетку, кое-что из белья и спустилась вниз.

В коридоре ей попался Томас, несший поднос с чаем и печенье.

– Доктор Новак, а я вам чай несу, – растерянно сказал он.

– Спасибо. Но мне нужно уехать.

Дворецкий хмуро поглядел на автомобильные ключи в ее руке.

– Что мне передать мистеру Куонтреллу, когда он вернется?

– Скажите ему… скажите, что я дам знать о себе.

Она вышла из дома. Томас последовал за ней.

– Но, доктор Новак…

Кэт забралась в «форд», включила мотор.

– Вы были великолепны, Томас! – крикнула она из окошка. – Только не позволяйте мисс Калдервуд помыкать вами.

Она тронулась, видя его растерянное лицо в зеркале заднего обзора.

Вот и каменные ворота. Кэт так спешила уехать из владений Адама, что чуть не столкнулась с его «вольво». Адам резко свернул на обочину и остановился.

– Кэт! Куда вы отправились?

– Я вам позвоню! – крикнула она, не сбавляя скорости.

Проехав полмили, она посмотрела в зеркало и увидела сквозь пелену слез, что дорога сзади пуста. Адам не поехал за ней следом. Кэт смахнула слезы, крепче сжала руль и направилась в сторону города.

Подальше от Адама.

«Я вам позвоню». Как прикажешь это понимать?

Адам смотрел на удаляющиеся габаритные огни ее машины. Когда она вернется? И чем вызван столь поспешный отъезд? Может, ей позвонили из морга и вызвали на срочное вскрытие?

Адам подъехал к дому. Он едва успел подняться на крыльцо, как дверь открылась. На пороге стоял Томас.

– Добрый вечер, Томас. Что случилось?

– Я хотел задать вам аналогичный вопрос. Доктор Новак недавно уехала.

– Да. Я видел ее возле ворот.

– Вы меня не поняли. Она уехала совсем. Взяла сумку с вещами и уехала.

– Что?

Адам повернулся, вгляделся в сумрак проезда. За это время Кэт успела отъехать на целую милю, если не больше. Возможно, уже свернула на шоссе. Теперь ее не догнать.

– Она хоть сказала, почему уезжает?

Томас пожал плечами:

– Ни слова.

– Она что, уехала молча?

– К сожалению, у меня не было возможности поговорить с ней. Они с мисс Калдервуд сидели в гостиной, пили чай и беседовали.

– Изабель была здесь?

– Да. Уехала почти перед самым отъездом доктора Новак.

Адам повернулся и поспешил к машине.

Изабель была дома. Ее «мерседес» стоял в гараже. Сквозь приоткрытые двери Адам видел, как один из ее слуг наводил блеск на капоте. Он взбежал на крыльцо и даже не стал стучать. Распахнул дверь, вошел внутрь и крикнул:

– Изабель!

Она появилась на площадке второго этажа.

– Какой неожиданный визит, Адам, – с улыбкой произнесла Изабель.

– Что ты ей сказала?

– Кому? – невинно наклонив голову, спросила Изабель.

– Кэт.

– Вот оно что.

Изабель быстро спустилась вниз. Она догадывалась, какое направление примет их разговор.

– Мы просто разговаривали. Болтали за чашкой чая. Никаких шокирующих тем.

– Что ты ей сказала?

Изабель застыла на последней ступеньке. Ее волосы красиво переливались в свете хрустальной люстры.

– Я всего лишь сказала ей, что понимаю ее трудности. Переселение в большой дом. Новый круг друзей. Адам, ей очень непросто.

– Особенно с друзьями вроде тебя.

Изабель вскинула подбородок:

– Я дала ей несколько практических советов. Проявила симпатию.

– Послушай, Изабель. – Адам тяжело вздохнул. – Я давно тебя знаю. У нас были… приятные моменты. Но я не припомню, чтобы ты когда-нибудь в какой-либо форме или каким-либо образом проявила к кому-то симпатию. За исключением себя самой.

– Но Адам! Посмотри, кто она и откуда родом! Я говорю тебе это как друг. Мне очень не хочется, чтобы ты допустил ошибку.

– Я слишком долго считал тебя своим настоящим другом, – сказал он, направляясь к двери. – Это единственная ошибка, какую я допустил.

Он громко хлопнул дверью, сел в машину и поехал домой.

Весь вечер Адам пытался связаться с Кэт. Он звонил ей на мобильный телефон, но тот был выключен. Он позвонил в морг, Лу Сайксу и даже Эду Новаку. Никто не знал, куда она отправилась и где проводит вечер. Или знали, но не хотели ему говорить.

Далеко за полночь Адам лег спать. Отчаяние гнало сон. Он лежал в темноте, вспоминая слова Изабель. Они атаковали его: «Посмотри, кто она и откуда родом». Адам снова и снова задавал себе вопрос: важно ли это ему?

И всякий раз честно себе отвечал: нет.

Он уже был «достойно» женат на достойной женщине. В плане происхождения у Джорджины все было в порядке. Тут тебе и голубая кровь, и богатство, и образование, полученное в лучшей частной школе. По всем стандартам их социального круга они считались совершенной парой.

А оказались… глубоко несчастной парой.

Если уж на то пошло, происхождение Кэт Новак и ее тяжелая юность были ее преимуществом. Жизненным капиталом. Она научилась выживать. Жизнь бросала ей вызов за вызовом. Кэт принимала их и становилась только сильнее. Смогли бы его лощеные, богатые друзья выстоять и не сломаться?

Да что там друзья – выстоял бы он сам, окажись в подобных условиях?

Утром кабинет встретил Кэт звонящим телефоном. Она не стала поднимать трубку. Спокойно сняла пальто, повесила на вешалку, бросила на стол сумочку и включила кофемашину, засыпав кофе на шесть чашек. Ей очень нужна была повышенная доза кофеина. Она провела бессонную ночь в задрипанном мотеле и чувствовала себя как гризли в январе. Соответствующим было и настроение.

Ее стол напоминал абстрактную композицию из розовых квадратиков, и на каждом было написано, кто и откуда звонил. Ей звонили из

страхового агентства, из канцелярии окружного прокурора. Звонили адвокаты и работники похоронного бюро. Звонков от Адама было целых пять, судя по числу бумажек. На последнем ночной дежурный нацарапал сонной рукой: «Позвоните этому парню!» Собрав все бумажки, извещающие о звонках Адама, Кэт швырнула их в мусорную корзину.

Телефон разрывался. Кэт хмуро смотрела на аппарат. Дзинь. Дзинь. Дзинь. Потом ей это надоело.

– Кэт Новак, – сказала она, устало подняв трубку.

– Кэт! Я со вчерашнего вечера пытаюсь до вас дозвониться…

– Доброе утро, Адам. Как жизнь?

Воцарилась долгая пауза.

– Нам обязательно нужно поговорить, – наконец сказал он.

– О чем?

– О том, почему вы уехали.

– А все очень просто. – Кэт привалилась к спинке, закинув ноги на стол. – Настало время уехать. Вы были удивительно щедры ко мне, Адам. Я ничуть не иронизирую. Но я не хотела злоупотреблять вашим гостеприимством и хорошим отношением. Рано или поздно мне нужно снова становиться на ноги. Поэтому я…

– Поэтому вы сбежали.

– Нет. Я ушла.

– Вы сбежали.

У нее вдруг одеревенела спина.

– И от чего же я, по-вашему, сбежала?

– От кого. От меня. И от страха, что у нас ничего не получится.

– Адам, у меня полным-полно работы…

– Кэт, неужели вам так страшно высунуть голову? Поверьте, мне это тоже непросто. Я делаю к вам шаг, вы пятитесь назад. Я говорю что-то не так, смотрю на вас как-то не так, и вы пулей вылетаете из моего дома. Мне просто не разобраться в зигзагах вашего поведения.

– И не надо разбираться.

– Неужели именно этого вы хотите?

Она вздохнула:

– Я не знаю. Если честно, я сама не знаю, чего я хочу.

– А я знаю, чего вы хотите. Но вам слишком страшно довериться своему сердцу.

– Откуда вы вообще знаете, что там, в моем сердце?

– Думаете, трудно догадаться?

– Я не вписываюсь в рамки сказки о Золушке. Надеюсь, это вы поняли? – резко спросила она. – У девчонок из «муниципалки» нет крестных фей, которые бы их наряжали для бала. И про них не напишешь: «А потом она жила долго и счастливо в Сарри-Хайтс». Изабель прочистила мне мозги, за что я ей только благодарна. За обедом в каком-нибудь загородном клубе я бы вас только опозорила. Слишком много вилок, когда я привыкла обходиться одной. Слишком много изысканных французских слов. Разве я гожусь для вашего круга? На лыжах не катаюсь, ездить верхом не умею, не понимаю разницы между бургундским и божоле. Для меня и то и другое – просто красное вино. Мне на все это наплевать, а вот ваши друзья будут сочувственно вздыхать. И как бы сильно вас сейчас ни влекло мое тело, через какое-то время этого станет недостаточно. Вам захочется чего-то более изящного и изысканного. А мне хочется просто оставаться самой собой.

– Прежде я никогда не считал вас трусихой.

Кэт засмеялась:

– Не стесняйтесь, говорите мне обидные вещи, если вам от этого станет лучше.

– Вы рисковали жизнью из-за потрепанной старой машины. Не моргнув глазом, отправились на вражескую территорию. Но сейчас вы отчаянно боитесь пойти на риск. Боитесь отношений со мной.

Кэт слушала его, разглядывая оставшиеся розовые квадратики на столе. Гринвудское похоронное бюро? Ну да, она же вчера им звонила. Как же она раньше не заметила?

– Кэт, вы меня слушаете?

– Мне сейчас не до разговоров, – сказала она, складывая квадратик пополам. – Я еду на похороны.

Похороны – событие мрачное. Еще мрачнее похороны бедняков. Их могилы не устилают ковром из гладиолусов. Ни венков, ни плачущих родственников и друзей. Только гроб, яма в глинистой земле, двое могильщиков с одутловатыми лицами и в раскисших от дождя шляпах. И еще – служащий гринвудского похоронного бюро, в черном костюме и под черным зонтиком. Мэнди Барнетт отправляли на вечный покой совершенно чужие ей люди.

Кэт стояла неподалеку, спрятавшись за стволом клена, и с грустью смотрела на церемонию. На редкость казенные похороны. Заученная монотонная речь. Серые небеса над головой. Дождь, стучащий по крышке гроба. Служащий постоянно оглядывался по сторонам, словно желал убедиться, что вещает не для пустого пространства.

«Можете считать меня участницей церемонии, – подумала Кэт. – Хотя и я еще один чужой человек на этих похоронах».

Впрочем, Кэт была не единственной. Чуть поодаль стоял Винс Рэтчет. Присутствие на похоронах жертв – рутинное занятие для парней из убойного отдела. По их опыту, такие похороны притягивали два типа людей. Одни скорбели, другие – тайно злорадствовали.

Возле могилы Мэнди Барнетт не остановился никто. Впрочем, в будний дождливый день и народу на кладбище было не много. Мимо прошла супружеская пара, неся цветы на могилу кого-то из родных. Старуху, собиравшую листья с могилы, чужие похороны не занимали. Прошел кладбищенский рабочий, толкая тележку с инструментами. Все они видели гроб, но их любопытство было поверхностным и скоротечным.

Дождь сменился моросью. Туман не рассеивался. Гроб опустили в могилу. Могильщики взялись за лопаты и стали забрасывать крышку мокрой комковатой землей.

– Пустая трата времени, – пробормотал Рэтчет, подойдя к Кэт. – Никого. – Он достал платок и высморкался. – А я, чего доброго, еще воспаление легких схлопочу.

– Думал, что кто-нибудь объявится? – спросила Кэт.

– Будь погода получше, может, и объявился бы.

Рэтчет взглянул на серое небо и поднял воротник плаща.

– Или у нее вообще не было друзей.

– У каждого человека есть контакты хоть с кем-то. Пусть не с друзьями, так со знакомыми, с соседями.

– В данном случае мы в глухом тупике. – Рэтчет взглянул на почти засыпанную могилу. – Настоящее дохлое дело.

– Ничего нового?

– Ни-че-го. Лу готов дать отбой. Сказал, чтобы я понапрасну не тратил время и не ездил сюда.

– Но ты все-таки поехал.

– Не люблю халтурить. Порядок есть порядок. Даже Лу считает это напрасной тратой времени.

Могилу зарыли. Могильщики разровняли землю, оглядели плоды своих трудов и ушли.

Через какое-то время удалился и Рэтчет.

Кэт осталась одна. Она медленно прошла по мокрой траве и встала возле холмика. Надгробный камень поставят позже. Могила была безымянной. Ничто не говорило о женщине, погребенной под слоем земли.

«Кто же ты, Мэнди Барнетт? Неужели ты была настолько одинока, что никто даже не заметил, когда ты покинула этот мир?»

– Вы ей уже ничем не поможете, – послышалось за спиной Кэт.

Повернувшись, она увидела Адама. Он стоял в нескольких футах. Его волосы влажно блестели.

– Я знаю, – сказала Кэт, поворачиваясь к могиле.

– Тогда зачем приехали?

– Из желания отдать последний долг этой женщине. Ее даже некому оплакать.

Адам подошел, встал рядом.

– Кэт, вы ведь ничего не знаете об этой женщине. Возможно, ей вообще были не нужны друзья. Или она их не заслуживала. При жизни она могла быть настоящим чудовищем.

– Или просто жертвой.

– Этого мы уже не узнаем. – Адам взял Кэт за руку. – Давайте где-нибудь посидим. Обсохнем, согреемся.

– Мне надо возвращаться на работу.

Боковым зрением Кэт заметила какое-то движение. Повернувшись, она увидела женщину и маленькую девочку. Обе были в черном. Пелена тумана делала их фигуры почти призрачными. Они стояли достаточно далеко от могилы, под деревом. Лица у обеих были скорбными. А может, они пришли совсем не на могилу Мэнди Барнетт?

Вдруг женщина обнаружила, что Кэт на них смотрит. Схватив руку девочки, она повела ребенка прочь.

– Подождите! – крикнула ей Кэт.

Женщина прибавила шагу. Она не вела, а уже тащила за собой ребенка.

Кэт побежала к ним:

– Постойте! Мне нужно с вами поговорить!

Странные посетители почти достигли своей машины. Кэт неслась по лужайке. На асфальт стоянки она выскочила в тот момент, когда женщина шумно захлопнула дверцу авто.

– Постойте! – Кэт стучала по окошку. – Вы знали Мэнди Барнетт?

Она увидела испуганное лицо женщины. Взревел мотор, и машина рванула с места. Кэт отбросило в сторону. Машина сделала резкий поворот на сто восемьдесят градусов, выехала со стоянки и понеслась к кладбищенским воротам.

– Что тут происходит? – спросил подбежавший Адам.

Кэт молча бросилась к своей машине.

– Кэт! Может, вы все-таки…

– Садитесь! – крикнула она, проскальзывая на водительское сиденье.

– Зачем?

– Дело ваше. Можете оставаться!

Адам сел в машину. Кэт завела двигатель, и они рванули за незнакомкой.

– Куда свернем? – спросила она на первом перекрестке. – На восток или на запад?

– Восток… это к городу. Скорее всего, она поедет туда.

– В таком случае мы поедем на запад.

– Почему?

– Интуиция подсказывает. Не спорьте, – приказала Кэт, сворачивая на запад.

Они ехали мимо торгового центра, здания «Пицца-хат», заправки «Эксон», закусочной «Бургер кинг» – обязательного набора на окраинах любого американского города. Вот и первый светофор. Кэт пришлось остановиться на красный. Лобовое стекло запотело от тумана. Кэт включила стеклоочистители.

В квартале от них со стоянки кондитерской «Данкин донатс» выехал темно-зеленый «шевроле».

– Вот и они, – усмехнулась Кэт.

Адаму оставалось лишь удивленно качать головой.

– Вы оказались правы.

– Первое правило беглеца: никогда не двигаться по прямой. Думаете, этой женщине нужно ехать в северном направлении? Держу пари: ей нужно в город. Она нарочно делает большой крюк.

Вспыхнул зеленый. Кэт тоже свернула на север, преследуя «шевроле». Она сохраняла дистанцию, держась на расстоянии двух машин. Через полмили «шевроле» повернул на восток. Предсказание Кэт оправдывалось: преследуемая женщина ехала в город кружным путем.

– Так вы поэтому отправились на похороны? – спросил Адам.

– Да. По той же причине, что и полицейские: посмотреть, кто придет отдать последний долг. Кто-то ведь придет. Прежде всего анонимный заказчик, оплативший похороны. Пусть самый дешевый гроб и никаких

излишеств, но он тоже стоил денег. Не удивлюсь, если заказчицей похорон была наша загадочная незнакомка в темно-зеленом «шевроле».

– Вы ее рассмотрели?

– Не слишком хорошо. На вид – лет тридцать. А девочке – около шести.

Погоня за «шевроле» привела их в Стэнхоуп – пригород, где жили «синие воротнички». На крошечных участках стояли унылые ряды домов на одну семью. «Шевроле» вывернул в проезд и остановился. Женщина вышла из машины, затем помогла выбраться ребенку. Дом, на крыльцо которого они поднялись, напоминал розовый оштукатуренный ящик. Архитектурное убожество с чугунными решетками на окнах. На крыше торчала телевизионная антенна величиной с нефтяную вышку.

Кэт остановилась. Она разглядывала дом, не торопясь выходить из машины.

– Ваше мнение? – спросила она у Адама.

– Зверь, загнанный в угол, бывает опасен. Человек – тем более. Почему бы нам не позвонить в полицию?

– Нет, этого делать нельзя. Думаю, она боится полиции, иначе сама бы им позвонила.

Подумав, Адам кивнул:

– Хорошо, давайте попробуем вызвать эту женщину на разговор. Но при первых признаках опасности – уезжаем. Согласны?

Они вышли из машины.

– Абсолютно согласна, – улыбнулась Кэт.

Подойдя ближе, они услышали включенный телевизор. Судя по мультяшным голосам и тренькающей музыке, это была детская передача. Кэт отошла к краю крыльца. Адам постучал в дверь.

За сетчатой дверью появилась та самая девочка.

Адам лучезарно ей улыбнулся:

– Я могу поговорить с твоей мамочкой?

– Ее тут нет.

– А ты можешь ее позвать?

– Ее тут нет.

– Где она? В комнате? В кухне?

– Нет. – Девочка понизила голос до шепота. – Она улетела на небеса.

– Прости, я не знал, – с искренним сочувствием произнес Адам.

Возникла неловкая пауза.

– А хотите поговорить с моей тетей Лилой?

– Мисси, кто там пришел? – послышался женский голос.

– Дядя какой-то.

Раздались шаги босых ног. К двери подошла женщина. Она равнодушно взглянула на Адама, но потом заметила Кэт и застыла на месте.

– Пожалуйста, не бойтесь, – торопливо успокоила женщину Кэт. – Я доктор Новак. Я работаю в городском судмедэкспертном бюро.

– Так это были вы? Там, на кладбище?

– Я пытаюсь найти тех, кто знал Мэнди Барнетт.

– Мою мамочку? – спросила Мисси.

– Дорогая, ты лучше иди смотреть мультики, – сказала женщина.

– Но она говорит про мою мамочку.

– Это взрослые разговоры… Слышишь? По-моему, начинается «Губка Боб».

Мисси недолго выбирала между взрослым разговором и своим любимым мультиком. Без капризов и дальнейших уговоров она отправилась смотреть телевизор.

– Почему вы интересуетесь Мэнди? – спросила женщина, настороженно глядя на Кэт. – Вы из полиции будете?

– Я же вам сказала: я из судебно-медицинского экспертного бюро. Я считаю, что Мэнди Барнетт убили.

Женщина замолчала. Скорее всего, обдумывала следующий шаг.

– Если и так, то я ничего об этом не знаю.

– Тогда почему вы боитесь?

– Кто-то может подумать, что я знаю больше, чем на самом деле.

– Расскажите нам то, что знаете, – попросил Адам. – Для нас это очень важно. Вам нечего бояться.

Мультик прервался шумной рекламой кукурузных хлопьев. Женщина переминалась с ноги на ногу. Потом медленно открыла сетчатую дверь и кивком пригласила их войти.

14

Лила провела их в столовую, где все расселись на стульях с желто-зеленой клетчатой обивкой. Стол украшала ваза с пластмассовыми фруктами. На стене висел портрет молодого Элвиса Пресли. У него был взгляд святого-покровителя, обитавшего в вечности холста и красок. Лила закурила сигарету. Сизоватый дым окутал ее коротко стриженные волосы.

– Мы были подругами, – сказала Лила. – Добрыми подругами, но не более того. Мы вместе тусовались, посещали бары. Развлечения для одиноких девушек. – Она стряхнула пепел. – Потом я вышла замуж, и мы отдалились. Я знала, что у Мэнди туго с деньгами. Она без конца занимала у меня... пока у меня водились деньги. Понимаете, Мэнди любила веселую жизнь, а чувство ответственности стояло у нее далеко не на первом месте. Ей ничего не стоило оставить маленькую дочку одну в квартире и пойти тусоваться.

– Так это ребенок Мэнди? – спросила Кэт, кивая в сторону гостиной.

– Да. Мисси – ее дочка. Знаете, мне надоело, что Мэнди вечно клянчила деньги. Мы поссорились. По ее вине. Она работала, но распоряжаться средствами совершенно не умела.

– У нее была работа?

– Да. В компании... не то «Пибоди», не то «Пибрейн». Это в районе улиц Рэдиссон и Хобарт. Слышали про телефонный маркетинг? Вот Мэнди и занималась такими звонками. Продавала отдых во Флориде разным неимущим придуркам из Джерси. Работа непыльная. Сидишь себе целый день, болтаешь по телефону и задницу растишь. И деньги ей неплохие платили. Но Мэнди – она же любила изящную жизнь. Рассчитывать, откладывать – это не для нее.

– Мы впервые слышим, что у нее была работа, – сказал Адам.

Карие глаза Лилы с восторгом разглядывали Адама. Замужество вовсе не мешало ей интересоваться другими мужчинами.

– На таких работах свои правила, – заметила Лила, выпуская очередное облако дыма. – Не все по закону, зато никаких тебе налогов. Но полгода назад Мэнди вдруг взбрыкнула и ушла с работы.

– На что же она жила и содержала ребенка?

– Я бы тоже хотела знать, – засмеялась Лила. – Но девчонки вроде Мэнди всегда вывернутся. До хлеба и воды у них не доходит. Если не получается трясти друзей, добывают баксы в иных местах. Может, папика себе нашла.

– Она называла какие-нибудь имена? – спросила Кэт.

– Нет. Но у нее наверняка кто-то появился. А иначе с чего бы она вдруг стала сорить деньгами? Я пыталась выведать у нее. Мэнди отвечала уклончиво. Дескать, ей повезло, напала на золотую жилу и все такое. Мы продолжали видеться. Она забрасывала мне Мисси, а сама ехала развлекаться. Потом возвращалась под таким кайфом – мама не горюй.

– Вы имеете в виду наркотики?

– Ну да. Любила она иногда вмазаться по полной. Не постоянно, конечно. Какое-то чувство ответственности у нее все-таки сохранялось.

– А когда все это началось? – спросила Кэт. – Деньги. Наркотики.

– Около полугода назад.

– То есть одновременно с ее уходом с работы.

– Да. Почти одновременно.

– А что было потом?

Лила пожала плечами:

– У нее появились… странности.

– Какие именно?

– Начала озираться. Домой ко мне приезжала и сразу все шторы закрывала. Я считаю, это все из-за наркотиков. Что бы там ни говорили,

а от ширева крыша съезжает. Я пыталась с ней говорить. Она отмахивалась. Отвечала, что мне кажется, что у нее все замечательно. А несколько недель назад завезла мне Мисси и попросила: пусть ребенок немного поживет у меня. Сказала, что собирается оттянуться по полной.

– А конкретнее?

– Кайф словить. Решила попробовать новое зелье, которое купила у какого-то парня в своем районе. – Лила раздавила окурок. – С тех пор я ее не видела.

– А почему вы не заявили в полицию? – спросил Адам. – Как-никак человек исчез. Тут было о чем беспокоиться.

Лила ответила не сразу. Она даже отвернулась.

– Не хотела я влезать в эти заморочки с полицией.

«Нет, тут что-то еще, о чем она молчит», – подумала Кэт.

Недаром Лила смотрела куда угодно, только не на своих нежданных гостей.

– Почему вы боитесь полиции? – спросила Кэт.

– Попадала я к ним несколько раз, – нехотя призналась Лила. – После этого сразу понимаешь: копы в телевизоре и реальные копы – как день и ночь.

– А я думаю, у вас есть более веские причины бояться полицейских.

– И она их тоже боялась, – сказала Лила, подняв глаза на Кэт. – Когда она девчонку мне привезла, знаете, что я от нее услышала? Если вдруг ко мне кто придет из полиции, чтобы я дурочкой прикидывалась. Дескать, ребенок мой, и никакой Мэнди я не знаю. Еще она сказала: если начну болтать, мне это только повредит. Потому на кладбище я вас и испугалась. Подумала, вдруг вы – одна из них?

В соседней комнате Мисси переключала каналы, и оттуда слышались то обрывки диалогов из фильмов, то рев музыки.

– А что теперь будет с Мисси? – спросил Адам.

– Со мной останется, – ответила Лила и вздохнула. – Привыкла я к ребенку. Да и мой старик не возражает. – Она закурила новую сигарету. – И потом, куда девчонке идти? В приют, что ли? – резонно заметила Лила, выпуская дым.

– Оказывается, Мэнди Барнетт была сумасбродной особой, – сказала Кэт.

Они ехали в северном направлении, в сторону Сассекса.

– Вас это почти огорчило.

– Огорчило, и я даже не знаю почему. Я привыкла считать ее жертвой. Мне было ее жалко. Никто не пришел на похороны, никто даже не спросил, куда она исчезла… Заблудшая душа. – Кэт вздохнула. – Наверное, я отождествляла себя с нею.

– Ну, вас-то никак не назовешь заблудшей душой. И никогда вы такой не были.

Повернувшись к Адаму, Кэт поймала его пристальный взгляд.

– Да, я стойкий оловянный солдатик, – усмехнулась она. – Щит не пробит, и доспехи сверкают.

– Я говорил не о вашей неуязвимости.

«Конечно, мне достаточно взглянуть на тебя, и я понимаю, до чего же я уязвима», – подумала Кэт.

К ней вернулось прежнее искушение. А что, если рискнуть и решиться на отношения с Адамом? Ее мотало между смелостью и страхом. Минута уверенности, что все получится. А потом уверенность в другом – в неминуемом крахе их отношений. Этого человека она могла бы любить без оглядки, отдавая всю себя. Но безрассудство – грех, и для таких грешников приготовлено особое место в аду. Или в раю.

Она сосредоточилась на дороге, двигаясь через Сассекс в потоке машин.

– Куда мы едем? – спросил Адам.

– Мы делаем крюк. А вообще, мы едем в Бельмид.

– Зачем?

– У меня возникли интуитивные догадки. Если они верны, в мозаике появятся недостающие фрагменты.

– В этой мозаике полным-полно дыр. О каком фрагменте речь?

– О Никосе Бьяджи.

Кэт свернула на Флешнер-авеню. Через полмили они достигли пересечения с Гроув-авеню. На одном углу перекрестка стоял белый многоквартирный дом с чугунными верандами. У него было звучное название – «Ла Рома». Судя по названию, дом проектировали наподобие итальянской виллы. В действительности он был больше похож на обветшавшую крепость Аламо. Кэт вырулила в проезд и остановилась возле бассейна. Бассейн был пуст. Табличка на заборе сообщала: «ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ». На дне ремонтируемого бассейна гнил толстый слой листьев. «Ремонт» продолжался уже года два.

– У Мэнди здесь была квартира? – спросил Адам.

– Да. Все сходится. Угол Флешнер и Гроув.

– А зачем мы сюда приехали?

– Хотелось осмотреть этот район.

Взгляд Кэт путешествовал по Гроув-авеню.

– Вот и он.

– Кто?

– Супермаркет «БигЭ». – Кэт указала на здание, высившееся на соседнем перекрестке. – Совсем рядом.

– «БигЭ», – повторил Адам. – Вспомнил. Никос Бьяджи подрабатывал в этом супермаркете грузчиком. Помните рассказ его родителей?

– Еще как помню. Удобное местечко, правда? Мэнди достаточно было зайти в «БигЭ», купить для вида какую-нибудь мелочь, расплатиться на кассе – и набор для оттягивания по-крупному у нее в кармане. А Никос возвращается домой с гонораром за выполнение заказа и бесплатной дозой для личного потребления.

– Которая их всех и отправила на тот свет.

– Но в наших рассуждениях кое-чего не хватает, – заметила Кэт. – На ситуацию ведь можно смотреть и с точки зрения бизнеса. У вас в руках новый наркотик, способный принести миллионы, если продавать его на улицах. Какой поставщик станет распространять ядовитое зелье, губя свой рынок?

– Поставщик, которому нужно устранить одного мешающего покупателя. В данном случае Мэнди Барнетт, – сказал Адам.

– Но почему Мэнди? – удивилась Кэт, пытаясь следовать логике его рассуждений.

Допустим, Мэнди – завзятая тусовщица. Эксцентричная особа. Долгое время плыла по течению, мучаясь вечной нехваткой денег. И тут полгода назад судьба проявила к ней редкую благосклонность. У нее вдруг появились большие деньги, которыми она, по словам Лилы, сорила. Мэнди бросила работу и погрузилась в водоворот развлечений, шопинга. Словом, стала вести жизнь дочки миллионера. Лила считала, что Мэнди захомутала богатенького папика. А может, у нее появилась новая работа с невероятно высокими доходами и таким же высоким уровнем риска?

– В нашей мозаике недостает очень важного фрагмента, – сказал Адам. – Откуда Мэнди поступал денежный поток? Она получала наличными, постоянно. Не из воздуха же. И мы не знаем, что было после того, как она бросила прежнюю работу…

Кэт включила двигатель.

– Наша следующая остановка – район Рэдиссон и Хобарт.

– Место ее «телефонной» работы?

– Меня восхищают ваши догадливость и безупречная работа мозга.

– Я только не понимаю: зачем нам раскрывать преступление столь старомодным способом? Зачем отбирать хлеб у полиции?

– При других обстоятельствах я бы палец о палец не ударила. Это ваша работа, ребята, вот и занимайтесь ею.

– При других обстоятельствах?

– Если бы у меня в голове не звенел сигнал тревоги. А их там сразу несколько, отчего голова раскалывается. Я помню слова Мэв о том, что городская элита… иначе, городские власти задумали радикальным образом истребить уличных наркоманов. Сегодня мы узнаём, что Мэнди боялась копов. Настолько боялась, что отвезла дочку к Лиле и велела той, в случае чего, прикинуться дурочкой. И наконец, Эстерхаус. Возможно, он выкрал зестрон из лаборатории и передал Мэнди. Но зачем? Кто заставил его это сделать?

– Тот, кто знал о его прежних связях с мафией. И кто, возможно, шантажировал его.

Кэт кивнула.

– Городские власти, – прошептала она.

– Боже милостивый.

Мысль была чудовищная. Адам откинулся на спинку и тряс головой, как будто этим можно было прогнать засевшую мысль.

– Революционный метод борьбы с преступностью.

– Я не буду торопиться с выводами, – произнесла Кэт. – Скажу лишь, что пока не готова передавать это в руки полиции.

Им понадобилось целых двадцать минут, чтобы добраться до Уотертауна. В этой части города Кэт бывала очень редко. Уотертаун находился на юго-восточной окраине Альбиона. За пятьдесят лет он из крупного процветающего порта превратился в зловонный район рыбообрабатывающих заводиков, гниющих причалов и покосившихся складов. Какая-то деловая активность по-прежнему проявлялась здесь. Сменилась ее направленность: в основном портовые бары и магазинчики, торгующие армейским снаряжением. На пересечении Рэдиссон и Хобарт Кэт насчитала три таких магазинчика. В витрине одного красовался щит с надписью: «ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ТЕХ, КОГО ВЫ ЛЮБИТЕ». До Атлантического океана было рукой подать, однако океанский ветер не мог очистить воздух от вони дизельных моторов и перерабатываемой рыбы.

Лила ошиблась: фирма называлась не «Пибоди», а «Пидмонт». Чтобы узнать ее точное местонахождение, Кэт и Адаму пришлось заглянуть в один из местных баров. Фирма не афишировала себя вывеской. Находилась она на Хобарт-стрит, на третьем этаже бизнес-центра «Манцо». На обшарпанной двери висела обычная табличка с надписью «ПИДМОНТ». Изнутри доносилось повизгивание принтера.

Они постучались.

– Кто там?

– Мы друзья Мэнди Барнетт, – чуть помедлив, ответила Кэт.

Дверь мгновенно распахнулась. На пороге стоял мужчина. Вид у него был сердитый.

– Где ее носит?

– Об этом мы и хотели поговорить.

Мужчина впустил их и снова захлопнул дверь. Комнатку, куда они попали, можно было назвать офисом только с натяжкой. Голые стены, металлический стол. В углу стоял компьютер. Подключенный к нему принтер выстукивал на листе имена и номера телефонов. Другая дверь вела в смежную комнату, совершенно такую же.

– Это она вас прислала? – спросил мужчина. – Никак решила на работу вернуться? Можете ей передать: поезд давно ушел. Кстати, она мне задолжала.

– За что?

– Аванс за две недели. Плакалась тут: денег нет. Ну я и пожалел ее. Дал зарплату вперед. А она слиняла.

– Прошу прощения, мистер…

– Рик. Просто Рик.

– Должно быть, вы еще не знаете. Мэнди Барнетт мертва.

Рик оторопело взглянул на Кэт, потом на Адама и снова на Кэт.

– Вот это нагрела! Теперь мне уже не вернуть мои триста баксов.

Зазвонил телефон. Перегнувшись через стул, Рик схватил трубку и тут же швырнул на рычаг.

– Вот и входи после этого в чужое затруднительное положение.

– Вас что же, совсем не интересуют обстоятельства ее смерти? – спросил Адам.

Алчность Рика была ему противна, и он этого не скрывал.

– Ладно, выкладывайте, – вздохнул он. – Как умерла эта сука?

– Передозировка наркотиков.

– Какая неожиданность. – Рик плюхнулся на стул, равнодушно оглядывая посетителей. – А вы зачем пришли? Или я упомянут в ее завещании?

– Рик, нам надо поговорить, – сказала Кэт, выдвигая другой стул. – Я работаю в судмедэкспертном бюро. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– А это коп? – спросил он, косясь на Адама.

– Нет. Но у меня есть знакомый в убойном отделе. Сержант Сайкс. Или вас больше устраивает встреча с ребятами из отдела по борьбе с мошенничеством? Они будут рады познакомиться. – Кэт обвела глазами комнатку. – Кстати, что вы тут продаете? Горящие путевки?

Рик сердито смотрел на нее и молчал.

– Вы не в настроении разговаривать? – спросила Кэт.

– Я ничего не знаю.

– Мэнди бросила работу полгода назад. Это так?

Рик что-то пробурчал. Вероятно, утвердительный ответ.

– Почему она ушла?

Опять бурчание, сопровождаемое пожатием плеч. Если бы не компьютер, можно было бы подумать, что они общаются с пещерным человеком.

– Может, она на что-то рассердилась? – спросил Адам. – Она сказала вам, почему уходит?

Вероятно, к вопросам, задаваемым мужчиной, Рик относился с большим вниманием.

– Ничего она мне не сказала. Ушла, и все. Через несколько дней позвонила и сообщила, что не вернется. По ее словам, она нашла себе кое-что получше.

– Другую работу?

– Почем я знаю? Взбалмошности у этой суки хватило бы на десятерых. Утром все было нормально. Пришла на работу, села за телефон, начала клиентов обзванивать. Потом я пошел на обед. Возвращаюсь – к двери записка пришпилена. Мол, ухожу. И все. А я должен платить за аренду двух комнат и искать человека на ее место.

– Насколько понимаю, Мэнди работала в соседнем помещении? – спросил Адам.

– Угадали. Это был, так сказать, ее личный кабинет. Тоже не нравился.

– А можно нам осмотреть комнату? – спросил Адам.

– Осматривайте. Только смотреть там не на что.

Смотреть действительно было не на что. Такая же убогая комнатенка, но без компьютера. Единственное окно выходило в грязный переулок, заставленный мусорными баками. Асфальт был усеян битым стеклом.

Адам выдвинул ящик письменного стола. Ящик был почти пуст.

– Не густо.

– Она все с собой забрала, – пояснил Рик. – Даже карандаши сперла. Мои, между прочим.

– Никаких бумаг. Даже клочков нет. – Адам задвинул ящик. – Пустота.

– Я ж вам говорил, – подхватил Рик. – Ничего особенного тут нет. Стол, стул, телефон. – Он заметил, что Кэт смотрит в окно, и добавил: – И окно. Решил создать ей условия. Чтобы было, на что посмотреть.

– Ах, какой захватывающий вид, – сухо проговорила Кэт.

– Согласен. Это вам не набережная в богатеньком квартале. Но здесь южная сторона. Солнце бывает. И потом, Болтон – тихая улочка. Ни шума машин, ни выхлопных газов.

– Действительно, этот осмотр ничего нам не дал.

– А я что говорил? Теперь довольны?

Кэт по-прежнему смотрела в окно. В переулке появился человек с пластиковым мусорным мешком. Подойдя к ближайшему баку, он откинул крышку, швырнул мешок и ушел. Почему-то это окно будоражило Кэт. Ей казалось, оно каким-то образом связано с причиной, заставившей Мэнди Барнетт внезапно уйти с работы.

– Эта улица называется Болтон-стрит? – спросила она у Рика.

– Улица – слишком громко. Переулок.

– А какие улицы ее пересекают?

– Болтон? – Рик пожал плечами, удивившись вопросу. – Если идти на восток, то Рэдиссон. А если на запад…

– Суортмор, – догадалась Кэт.

Название промелькнуло у нее в голове, как вспышка молнии. Название улицы и то, что с этой улицей связано.

«Болтон и Суортмор. Там шлепнули моего напарника. Был неподалеку тупичок. Наркотой торговали чуть ли не в открытую. Ну он туда и сунулся…»

Она резко повернулась к Адаму:

– Это же здесь! Это было совсем рядом!

– О чем вы? – не понял Адам.

– Здесь убили полицейского! В этом переулке. Когда Мэнди бросила работу? – спросила она у Рика.

– Я же сказал. Полгода назад.

– Мне нужна точная дата!

Рик сходил в другую комнату, полистал конторскую книгу.

– Ну вот. Последняя ее запись в журнале звонков. Второго октября.

– Мне надо позвонить!

Кэт полезла в сумочку за сотовым телефоном.

Адаму было не угнаться за ее мыслью.

– При чем тут убийство полицейского? Как оно связано с решением Мэнди бросить работу?

– Обыкновенный шантаж, – ответила Кэт, нажимая кнопки мобильника. – Вот откуда к Мэнди потекли деньги. Она стала невольной свидетельницей убийства полицейского. И потом трясла убийцу, требуя денег за свое молчание…

– Пока в один прекрасный день ему это не надоело, – договорил Адам.

– И тогда он решил угостить Мэнди отравой, воспользовавшись услугой местного наркоторговца, которого звали Никос… Эд, привет. Мне нужно с тобой поговорить.

Чувствовалось, что у Эда нет желания говорить с бывшей женой.

– Кэт, давай я перезвоню? Я сейчас по горло занят.

– Эд, всего один вопрос. Про того копа – Бена Фуллера. Он арестовывал Эстерхауса. В каком месте его убили?

– Где-то в Уотертауне.

– А какого числа?

– Это уже два вопроса.

– Эд, мне нужна дата!

– Не знаю. Вроде в октябре… Слушай, через двадцать минут начинается парад. Мне надо садиться в лиму…

– Эд, убийство могло произойти второго октября?

– Возможно, – после некоторой паузы ответил Эд.

– Слушай, разузнай еще одну деталь.

– Это какую же?

– Имя напарника Бена Фуллера.

– С ходу не скажу. Надо спросить.

– Так спроси.

– Слушаюсь, мэм! – рявкнул Эд и отключился.

Кэт повернулась к Адаму:

– Бена Фуллера застрелили в этом самом переулке. По версии полиции, в результате неудачного налета на точку торговли наркотиками. А я думаю, Бена убили не наркоторговцы. Его застрелил его же напарник.

Они переглянулись, шокированные своими выводами. И тем, что им теперь предстояло сделать.

– Поехали, – сказал Адам, беря ее за руку. – Мы должны немедленно поставить в известность полицейского комиссара.

– Он будет на параде. Там сейчас все городские власти.

– Тогда мы поедем в мэрию. Чем раньше мы обезвредим эту бомбу, тем скорее отпадет необходимость оглядываться назад.

– Думаете, он знает, что мы вышли на его след?

– Уверена! Эд наверняка уже всем рассказал об очередной сумасшедшей теории его бывшей жены. Такие сведения разлетаются очень быстро.

Они направились к двери.

– Эй! – окликнул их Рик. – Вы тут про копов говорили, но я ничего не понял. Мне это чем-то грозит?

– Успокойтесь, Рик, – сказал Адам. – Вы и ваша фирмочка абсолютно никому не интересны.

– И на том спасибо, – облегченно вздохнул Рик.

Покинув «Пидмонт», они торопливо спускались вниз. Это было похоже на паническое бегство.

«Мы слишком много знаем, – думала Кэт. – И это может стоить нам жизни».

Пока спускались до первого этажа, ее ладонь взмокла от пота. Они вышли на улицу, в сумрак надвигающейся с Атлантики бури. По небу катились тяжелые черные тучи. Воздух пах морской солью и человеческой жестокостью.

Адам оглядел Болтон-стрит: облупившиеся фасады домов, выщербленные тротуары. Из бара напротив вышел человек, поднял воротник и быстро пошел вперед. Неподалеку стояла машина, в которой на полную громкость орало радио. Пока никаких признаков опасности. И все же Кэт обрадовалась, когда Адам потянулся к ее руке. Тепло его ладони было лучшим успокоительным для ее натянутых нервов.

Они пошли к машине, оставленной за углом, на Рэдиссон. Упали первые крупные капли дождя.

Кэт полезла за ключами. Адам осторожно забрал их у нее.

– Машину поведу я, – сказал он. – Вы сейчас не в том состоянии.

– Спасибо.

Он открыл дверцу пассажирского сиденья, помог Кэт забраться в салон. Затем сел сам, принеся с собой успокаивающие запахи мокрой шерсти и собственной кожи, лосьона после бритья.

– После того как разберемся… со всем этим, я отвезу вас домой, – сказал он, захлопывая дверцу.

– А я с удовольствием поеду, – тихо отозвалась Кэт. – Очень хочется домой.

Они улыбнулись друг другу. Глядя на Кэт, Адам вставил ключ зажигания. Краешком глаза он видел человека, поравнявшегося с машиной, но не обратил на него внимания. Обычный прохожий.

Дверца со стороны пассажирского сиденья стремительно распахнулась. В лицо Кэт ударил холодный ветер. Еще холоднее было дуло пистолета, приставленное к ее виску.

– Винс? Нет!

– Не дергаться! – рявкнул Рэтчет. – Усек, Куонтрелл?

Адам застыл, вцепившись в рулевое колесо. Он безотрывно смотрел на Кэт.

– Не трогайте ее, – произнес он.

Ему было страшно.

– Марш на заднее сиденье, – приказал Рэтчет. – Я тебе говорю, Новак.

Кэт на негнущихся ногах вылезла из машины и пересела на заднее сиденье. Рэтчет сел рядом и захлопнул дверцу. Дуло его пистолета по-прежнему упиралось в висок Кэт.

– Так-то лучше, – усмехнулся Рэтчет. – Едем.

– Оставьте ее, – попросил Адам, поворачиваясь назад. – Незачем расправляться с ней.

– Как бы не так. Она знает. Ты тоже.

– Рэтчет, вы забыли еще об одном человеке. Об окружном прокуроре!

– Он не принимает это всерьез. Считает историю с трупами заурядным делом. А бывшую жену – головной болью. Тут я с ним целиком согласен.

Рэтчет щелкнул предохранителем.

– Нет! – крикнул Адам. – Прошу вас.

– Тогда трогай с места.

– Куда?

– Для начала – по Рэдиссон.

Адам бросил на Кэт отчаянный взгляд. У него не было иного выбора. Он завел двигатель. Машина тронулась и вскоре влилась в поток. Кэт видела побелевшие костяшки его пальцев. Адам был целиком во власти Рэтчета. Одно неверное движение, и коп не задумываясь убьет Кэт.

– Винс, они все равно догадаются, – сказала Кэт. – Эд знает, что ты был напарником Бена Фуллера. Он уже задумался о настоящих причинах гибели Фуллера. Как ты мог убить своего напарника?

– Он был неважным парнем.

– В каком смысле неважным? Не соглашался играть по твоим правилам? Не желал брать взятки?

– Великовозрастный бойскаут. Бог, честь, страна. Возвышенные принципы, которыми не оплатишь счетов. У нас с Беном никогда не было взаимопонимания. И точек соприкосновения тоже.

– То ли дело Мэнди Барнетт, – бросил ему Адам.

– Ну, с Мэнди у нас кое-какое понимание было. Сучка увидела возможность поиметь деньги и вцепилась зубами. Ее сгубила жадность. С каждым разом ее денежные аппетиты росли.

– И тогда вы заставили Эстерхауса украсть опасное лекарство. По сути, яд. Вы думали, что установить состав зестрона – нерешаемая задача.

– Что, Герб проболтался? – с некоторым удивлением спросил Рэтчет.

– Нет. Но его признания и не требовалось, – ответила Кэт. – Мы узнали о его аресте за марихуану. В то время твоим напарником был Фуллер. Скорее всего, от него ты и услышал о прошлом Эстерхауса и страхе Герберта перед мафией.

– Да, – засмеялся Рэтчет. – Ребят из Майами он до смерти боялся.

– И тогда вы с ним заключили сделку. Он снабдил тебя наркотиком, а ты не сообщил во Флориду о его нынешнем местонахождении.

– Неплохая, кстати, получилась сделка.

– Неплохая, если бы не побочные эффекты. Зестрон-Л убил нескольких человек. Один труп прозекторская служба еще могла бы проморгать. Но четыре? Тут уже прослеживалась закономерность.

Они остановились на красный свет.

– Сворачивай вправо, – приказал Рэтчет, взглянув на дорожный знак.

– Куда мы едем? – спросил Адам.

– К докам.

Адам мельком взглянул на Кэт.

«Держитесь, – говорил его взгляд. – Я что-нибудь придумаю».

Он свернул вправо.

До порта было недалеко – всего три квартала. Залитые дождем причалы пустовали. У них очень давно не швартовались корабли. Только возле одного покачивался на серых волнах рыболовный траулер.

– Складское помещение впереди.

– Пирс может не выдержать вес машины, – предостерег Рэтчета Адам.

– Выдержит. Поезжай!

Адам медленно въехал на пирс. Деревянный настил скрипел и прогибался под колесами. У дверей склада он остановился.

– Приехали, – объявил Рэтчет. – Вылезайте.

Кэт вылезла. Ветер зашелестел у нее в волосах, принеся мельчайшие брызги морской воды. Теперь дуло пистолета упиралось ей в затылок. Она стояла, слушая громкие удары своего сердца.

– Куонтрелл! Не стой столбом. Открывай дверь, – распорядился Рэтчет.

– Еще два убийства повесите на себя. Винс, что это вам даст?

– Свободу. Я сказал, дверь открой.

Адам неохотно уперся плечом в задвижную дверь.

– Вы убили Фуллера, – говорил он, толкая заклинившую дверь. – Эстерхауса. Мэнди Барнетт.

Дверь дрогнула. Ее ролики покатились по пазам. Внутри склада было темным-темно.

– Сколько еще будет трупов?

– Только два ваших. – Рэтчет взмахнул пистолетом. – Внутрь!

С пулей не поспоришь. Адам и Кэт перешли с продуваемого причала в сумрак склада. Темнота пахла плесенью и гнилью.

– Сайкс все равно догадается, – сказал Адам. – Он нас найдет.

– Найдет, но не сразу. Этот склад принадлежит Вито Скализи, которого недавно посадили на восемь лет. За это время крысы сделают свою работу. Надеюсь, я объясняю доходчиво.

«Он убьет нас и оставит тела на съедение крысам».

От этой мысли Кэт едва не стошнило. Глаза привыкли к сумраку, и она увидела старые ящики и поддоны. Под крышей тянулся узкий мостик, с которого свешивались веревки. В одном месте кровля сгнила, и оттуда капала дождевая вода. Склад имел единственную дверь.

Адам пытался выиграть время.

– Вы не учитываете другие факторы, Винс. Вас видели на похоронах.

– Я был там по долгу службы.

– Но там и нас видели! Будет несложно догадаться, что к чему.

– У меня железное алиби. Вернулся домой, лег в постель. Я же вдрызг простужен. – Он поднял пистолет. – Идите к стене. Или вы думаете, я на себе вас потащу? Не с моей больной спиной.

Адам подошел к Кэт, обнял ее за плечи. Она почувствовала его теплое дыхание. Его губы коснулись ее макушки.

– Приготовьтесь, – прошептал он. – Когда я двинусь – бегите.

Она ошеломленно посмотрела на него и прочла в его глазах приказ, обязательный к исполнению.

«Не спорьте, – говорили его глаза. – Делайте так, как я сказал».

– У меня нет времени на ваши нежные прощания! – прикрикнул на них Рэтчет. – К стене!

Адам подтолкнул Кэт, подавая ей знак, затем отпихнул и встал между нею и Рэтчетом. Он спокойно смотрел на дуло пистолета.

– А знаете, Винс, вы упустили еще несколько важных деталей, – сказал он. – Например, машину.

– Избавиться от тачки – пара пустяков.

– Я говорю о своей машине.

Адам шагнул вперед. Это был не шаг, а шажок, и Рэтчет ничего не заметил.

– «Вольво», брошенный на кладбище… – Еще один шаг к Рэтчету, навстречу пистолету. – Это вызовет множество вопросов.

– Спасибо, что напомнили, – усмехнулся Рэтчет. – Ваша игрушка тоже исчезнет.

– Она-то, может, и исчезнет. Но останется дружок Мэнди Барнетт.

– Что?

– Мэнди была не только алчной, но и болтливой. Думаете, она молчала про свою золотоносную жилу? Думаете, ее парень не спрашивал, откуда появляются наркотики и деньги?

Рэтчет уже собирался пристрелить их и покончить с этим кровавым делом, но слова Адама зародили в нем сомнение. Рука с пистолетом дрогнула, и дуло чуть-чуть опустилось.

Адам находился в десяти футах от Рэтчета. Далековато для броска. Но второго шанса могло не представиться.

Кэт, стоящая позади Адама, почти физически ощутила, как напружинились его мышцы.

«Боже, он все-таки решил атаковать Рэтчета».

Адаму достанется первая пуля. Возможно, и вторая. Но к этому времени Кэт тоже набросится на Рэтчета. Шансы выиграть были ничтожны. Скорее всего, они проиграют. Но что еще оставалось? С овечьей покорностью ждать смерти?

Она подалась вперед, чуть приподнявшись на цыпочки, как спринтер перед стартом. Но она никуда не побежит. Она вслед за Адамом бросится на это чудовище…

И в эту секунду у Рэтчета зазвонил мобильный телефон. Он висел на поясе, и сила привычки заставила Рэтчета наклонить голову. Он отвлекся на доли секунды, но Адаму этого хватило для прыжка.

Он преодолел половину расстояния, когда раздался первый выстрел. Пуля вошла в тело Адама, но не остановила его. Прежде чем Рэтчет снова успел выстрелить, Адам навалился на него, и они оба рухнули на пол.

Кэт бросилась вперед, чтобы помочь Адаму… вот только как? Мужчины катались по полу, сражаясь за пистолет. Прозвучал второй выстрел. Рэтчет стрелял наугад. Пуля просвистела рядом со щекой Кэт. Адам схватил Рэтчета за запястье.

– Бегите! – успел прохрипеть он и тут же был подмят Рэтчетом.

Кэт не собиралась бежать. Она кинулась на Рэтчета, намереваясь завладеть пистолетом, но рука Винса крепко сжимала оружие. Рассвирепев от ее дерзости, Рэтчет ударил Кэт в челюсть. Удар опрокинул ее на груду мокрого брезента. Сквозь обжигающую боль Кэт заметила, что Рэтчет повернулся и теперь смотрит на неподвижно лежащего Адама.

«Адам мертв, – подумала она. – Адам мертв!»

Ее злость была сильнее горя. Кэт поднялась на ноги и устремилась туда, где серел прямоугольник дневного света.

Она почти достигла выхода, когда Рэтчет выстрелил ей вдогонку.

Пуля ударилась в дверной косяк. Отлетевшие щепки оцарапали Кэт щеку. Она выскочила наружу. В серое пространство, наполненное дождем и ветром.

У нее в запасе были считаные секунды. Голова по-прежнему раскалывалась от удара, и Кэт двигалась, как пьяная. Машина стояла всего в нескольких футах. Дальше – мокрые скрипучие доски пирса, на котором негде спрятаться. Бежать бесполезно. Один выстрел в затылок, и все кончится.

Куда теперь? Куда? Перед глазами мелькали разноцветные пятна.

Рэтчет выбежал из склада. Кэт спряталась за машиной. Он выстрелил. Пуля ударилась в задний бампер и отскочила. Кэт проползла вдоль машины и открыла пассажирскую дверцу. Ключа зажигания в прорези не было. Попытаться заблокировать двери? Не успеет и окажется в ловушке.

Рэтчет приближался. Кэт подумалось, что сейчас он разрядит в нее всю обойму.

Она слышала скрип досок под его ногами. Рэтчет огибал машину с другой стороны. Отступать некуда. Темнота склада ее не спасет.

Набрав побольше воздуха, Кэт прыгнула с пирса в воду.

15

От ледяной воды у нее свело живот. Кэт нырнула с головой. У нее щипало глаза. Вода попала в горло. Только бы не закашляться. Она вынырнула, чтобы глотнуть воздуха. Один глоток. Большего Рэтчет ей не позволил. Пуля, шлепнувшаяся рядом, заставила Кэт снова скрыться.

Лихорадочно работая руками, она торопилась заплыть под пирс. Там можно будет ухватиться за сваю. Ветер швырял ей в лицо соленые бурлящие волны. Руки Кэт онемели от холода, зато в голове прояснилось. Единственная возможность выбраться на берег – это вскарабкаться по скользким острым камням. Одно неверное движение – и Рэтчету не понадобится стрелять.

Дощатый настил был дырявым. Задрав голову, Кэт увидела Рэтчета на другом краю причала. Он смотрел на воду. И ждал. Две вещи он знал наверняка: вода холодная, а Кэт побоится выплыть из-под пирса. Пятнадцать минут; самое большее – полчаса, и она окочурится от переохлаждения. Это была простая игра, где ему оставалось дожидаться победы. В том, что Кэт обречена на поражение, Рэтчет не сомневался.

У нее немели ноги. Кэт понимала, что долго барахтаться в ледяной воде не сможет. И на острые мокрые камни тоже не полезет. Оставалось одно – сделать нечто такое, чего Рэтчет никак не ожидал.

Продолжая молотить ногами по воде, она сумела снять куртку. Рукава она связала. В куртке оставался воздух, позволявший той держаться на плаву. Кэт швырнула куртку к краю пирса. Туда, где на корточках сидел Рэтчет. Сама же лихорадочно поплыла в другом направлении – в открытую воду.

Выстрел подсказал ей, что уловка сработала. Рэтчет сосредоточенно расстреливал ее куртку и не видел, как настоящая Кэт выскользнула из-под пирса. Но даже сейчас она плыла под водой, ненадолго выныривая, чтобы глотнуть воздуха. Она держалась параллельно берегу. Рэтчет все стрелял. Рано или поздно он догадается, что тратит пули на куртку. Тогда его внимание переместится. У Кэт было совсем немного времени, чтобы отплыть как можно дальше от места, где стоял склад.

Вынырнув в пятый раз, Кэт увидела, что почти добралась до соседнего пирса, возле которого покачивался траулер. С удвоенной силой она поплыла к судну.

Выстрелы прекратились. Кэт высунула голову, осмотрелась. Рэтчет ходил по пирсу, внимательно оглядывая водное пространство. Периметр его наблюдения постоянно расширялся. Кэт нырнула и поплыла дальше. Вынырнув опять, она прикинула расстояние до кормы траулера. Не больше двадцати футов. С планшира свисала ржавая цепная лестница. Можно подняться на борт! Забыв обо всем (даже о Рэтчете), Кэт поплыла к лестнице. Еще немного, и она ухватилась за холодный металл первой ступеньки.

Пуля ударила в корпус траулера и отскочила. Рэтчет ее заметил!

Мокрая, изможденная, Кэт едва смогла перебраться на вторую ступеньку. А Рэтчет уже бежал к берегу. Сейчас он переберется на этот пирс, и ее попытка спастись кончится ничем. Кэт схватилась за третью ступеньку, потом за четвертую. С одежды ручьями лилась вода. Ржавые наросты на ступеньках царапали пальцы. Но Кэт упрямо лезла вверх. Она ухватилась за край планшира. Подтянулась, потом еще.

Она повалилась на палубу, шумно дыша ртом. В мозгу стучала только одна мысль: «Быстрее! Быстрее!» Поднявшись на ноги, Кэт бросилась к правому борту, чтобы затем спрыгнуть на пирс.

Слишком поздно. Рэтчет мчался по берегу. Ей не прорваться.

Кэт подбежала к рулевой рубке, дернула дверь. Заперта. «Куда теперь? Снова в воду?»

Она вернулась на корму. Внизу перекатывались волны. Кэт понимала: надолго ее не хватит. Ее всю трясло от холода. Еще десять минут такого плавания, и она простится с жизнью сама, без помощи Рэтчета.

Кэт оглянулась: Рэтчет на пирсе! Он несся к траулеру. Кэт рассеянно скользила взглядом по корме. Куда спрятаться? Не в этот же шкафчик. Только сейчас она прочла красную, сделанную через трафарет надпись на его дверце: «АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ».

Кэт распахнула дверцу. Внутри лежали спасательные жилеты, покрывала, какие-то инструменты.

И ракетница.

Кэт потянулась к ракетнице. Дрожащими руками взяла патрон, втолкнула его в ствол, взвела курок. Один выстрел. Ее последний шанс.

Рэтчет был совсем рядом.

Кэт двигалась вдоль левого борта, приближаясь к рубке. Рэтчет поравнялся с траулером. Тихо скрипнули сходни. Он поднимался на борт. В каком направлении он двинется теперь? К носу или к корме?

Кэт решила рискнуть. Возможно, последний раз в жизни. Она поползла к носу траулера, прячась за выступ рулевой рубки. Наверное, она ошиблась. Шагов Рэтчета она не слышала. Только шум волн и шум крови в ушах.

Нет, не ошиблась. Рэтчет ждал ее появления, прячась за внешней стороной рубки. В его глазах не было ни следа жалости. В них вообще ничего не было. Рэтчет поднял пистолет.

Кэт наставила на него ракетницу и вдавила курок.

Рэтчет взвыл, как раненый зверь. Он шатался, пятясь назад. У него на груди полыхало пламя, разбрасывая шипящие искры. Рэтчет выронил пистолет. Кэт подползла и завладела оружием. Рэтчет упал на спину. Он с воплями катался по палубе, разрывая на себе одежду и пытаясь сбить пламя. Кэт стояла над ним, целясь в голову. Она чувствовала, что может спустить курок. Она была готова это сделать. Она хотела смерти Рэтчета.

Но она не выстрелила. Она стояла и оцепенело следила за конвульсиями Рэтчета. Недавний страх и усталость лишили ее способности двигаться. Кэт боялась даже на мгновение повернуться к Рэтчету спиной. Боялась, что он, словно чудовище из могилы, поднимется и бросится на нее. И потому она целилась ему в голову. Сквозь крики Рэтчета и шум ветра она услышала сирены полицейских машин. Хлопнули дверцы. Сюда бежали.

– Бросьте оружие!

Не сразу, но Кэт подняла голову.

На пирсе стояли двое полицейских. Оба держали Кэт на мушке.

– Бросьте оружие, или мы будем стрелять! – крикнул один из них.

Она бросила пистолет и ногой оттолкнула подальше, чтобы Рэтчет не дотянулся, хотя вряд ли тот думал о пистолете. Потом она повернулась и, шатаясь, побрела к сходням.

– Помогите мне, – сказала Кэт.

Она протянула руки, и ее голос растворился в горестном стоне.

– Помогите…

У него прощупывался пульс. В темноте склада, опустившись на корточки возле Адама, Кэт чувствовала слабое подрагивание его сонной артерии.

– Он жив! – крикнула она.

Полицейский включил фонарик, высветив лежащего Адама, рубашка которого пропиталась кровью. Чертыхнувшись, коп крикнул напарнику:

– Срочно сюда «скорую»!

– Адам, – прошептала Кэт.

Она погладила его по волосам. Потом уложила его голову себе на колени.

– Адам, ты должен жить. Слышишь? Придурок ты чертов, ты должен жить!

Он не отвечал. Единственным звуком было его дыхание: неглубокое, прерывистое. Главное, у него работали легкие.

Подбежали санитары «скорой», таща носилки, стойку с капельницей и сумку с медикаментами. Не обращая внимания на Кэт, они уложили раненого на носилки и понесли к машине. Кэт вышла из склада, слушая завывания ветра и вой сирены отъезжающей «скорой».

– Ты должен жить, – прошептала Кэт. – Потому что я тебя люблю.

Где-то рядом послышались шаги. Обернувшись, она увидела Лу Сайкса с одеялом в руках.

– Синий не лучший цвет для губ, – сказал он, набрасывая одеяло ей на плечи. – Как чувствуешь себя, Новак?

– Мне… холодно. – Она вздрогнула. – Он спас мне жизнь.

Она плакала, не в силах остановиться.

– Я знаю, – тихо сказал Сайкс.

– А я ему не верила. Боялась поверить…

– Еще не все потеряно.

Кэт вытерла слезы. Лицо Сайкса было мокрым от дождя. Он улыбался. Вспомнилось, как Адам советовал ей не встревать в это дело. Преступников должна ловить полиция. Хороший совет.

– Отвези меня в больницу, – попросила она Сайкса.

– Прямо сейчас? В таком виде?

– Да, прямо сейчас и в таком виде. – Кэт забралась в салон. – Хочу быть рядом, когда он очнется.

Она была рядом, когда Адама вывезли из операционной. Всю ночь она просидела у его постели. Кто-то приходил и уходил, а Кэт осталась. Наступило утро. Адаму ввели снотворное, и потому он еще не проснулся. Пуля пробила ему левое легкое, чуть задев область перикарда и разминувшись с желудочком менее чем на полдюйма. Адам потерял много крови. Из его груди торчали пластиковые трубки (как-никак коллапс легкого), но врачи говорили, что ему повезло.

В десять утра приехал Сайкс и рассказал Кэт последние новости. Рэтчет получил сильные фосфорные ожоги груди, но до суда поправится. А отвечать ему придется за три убийства и за попытку расправиться с Кэт и Адамом. Эд Новак созвал пресс-конференцию и распинался перед журналистами, рассказывая, что у него уже давно возникли сомнения по поводу странной гибели Бена Фуллера. Словом, только его прокурорская бдительность позволила изобличить такое чудовище, как Рэтчет. Эд благополучно выпутался из этой истории, но Кэт было все равно. Если избиратели Альбиона проголосуют за Эда Новака и мэра Сэмпсона, значит они заслуживают, чтобы ими управляла посредственность.

В полдень в дверь палаты постучали. Это была Мэв. Она не торопилась входить в палату и стояла в проеме, глядя на спящего отца. В облегающем черном кожаном платье Мэв напоминала сосиску, но свои волосы всех цветов радуги она увязала в скромный конский хвост. Лицо Мэв было бледным от страха.

– Он… поправится? – спросила Мэв.

– Думаю, да, – кивнула Кэт. – Что ты стоишь на пороге? Входи.

Мэв вошла и робко встала у постели.

– Пап, – позвала она, но Адам не шевельнулся.

– Его накачали снотворным, – пояснила Кэт. – В его состоянии нужно спать.

Мэв коснулась его лба, но сразу отдернула руку, смущенная своим порывом.

– Он чуть не умер, – заметила Кэт.

Минуту или две Мэв просто смотрела на Адама, затем сказала:

– Знаешь, он сводил меня с ума. Без конца нудил: делай это, не делай то. Но он всегда был рядом. И я должна ему об этом сказать. Он всегда был рядом.

Она вытерла глаза рукавом и поспешила к двери.

– Мэв, постой.

Мэв замерла:

– Ну чего еще?

– Ты приходи, когда он проснется.

Мэв пожала плечами.

– Может, и приду, – сказала она и вышла.

«Обязательно придешь», – улыбнувшись, подумала Кэт.

Только под вечер Адам наконец проснулся. Первым, что он увидел, открыв глаза, было лицо Кэт.

– Ну здравствуй, герой, – сказала она.

– О ком это ты говоришь? – хрипло спросил Адам.

– О тебе.

Кэт наклонилась к нему, поцеловала. Слезы застилали ей глаза. Она смахнула их и улыбнулась:

– Ты все-таки сумасшедший. Знаешь, что ты сделал?

– Не знаю.

– Ты спас мне жизнь.

– У меня не было иного способа убедить тебя остаться со мной, – прошептал он.

Они улыбнулись друг другу, потому что оба знали: больше убеждать не придется.

Примечания

1

Джейн Доу – принятые в англоязычном мире имя и фамилия, когда настоящие имя и фамилия женщины либо неизвестны, либо должны сохраняться в тайне. – *Здесь и далее прим. перев.*

2

Пушер – торговец наркотиками.

3

Фраза, приписываемая французской королеве Марии-Антуанетте. Королева якобы произнесла эту фразу, когда ей доложили, что народ ропщет из-за нехватки хлеба.